

Лиза Джейн Смит

Посвящение

Секретный круг – 1

Глава 1

Не предполагалось, что на Кейп Код (прим. перевод. Кейп-Код — песчаный полуостров на юго-востоке штата Массачусетс, модный летний курорт) будет так жарко и влажно. Кэсси видела это в путеводителе; всё здесь должно было быть идеально, как в раю. Кроме, — рассеянно добавил путеводитель, — ядовитого плюща, и клещей, и зелёных мух, и токсичных моллюсков, и подводных течений в кажущейся спокойной воде. Книга также предупреждала относительно длительных прогулок по узким полуостровкам, потому что высокий прилив мог настигнуть вас и оторвать от берега. Но как раз в этот момент Кэсси отдала бы всё на свете, чтобы оказаться заброшенной на какой-нибудь полуостров, выступающий далеко в Атлантический океан — до тех пор, пока Портия Бэйн находится на другой стороне. За всю свою жизнь Кэсси еще никогда не была настолько несчастной.

— ...а другой мой брат, из дискуссионного клуба Массачусетского технологического института, тот, который ездил на Мировой Дискуссионный Турнир в Шотландию два года назад... — говорила Портия.

Кэсси почувствовала, как её глаза опять закрываются, и она снова впадает в ужасный транс. Оба брата Портии учились в Массачусетском технологическом институте и были пугающе совершенны, не только в интеллектуальном плане, но также и как спортсмены. Портия и сама была ужасно совершенна, даже несмотря на то, что в этом году ей предстояло быть новичком в высшей школе, как и Кэсси. А так как любимым предметом Портии была сама Портия, то она провела весь последний месяц, рассказывая Кэсси всё об этом.

— ...и затем, после того как я заняла пятое место с импровизированным докладом на Национальном Первенстве Судебной Лиги в прошлом году, мой бойфренд сказал: «Ну конечно, ты войдешь в Сборную Америки...»

«Еще всего одна неделя», — сказала себе Кэсси. — «Только одна неделя, и я смогу уехать домой...»

Эта самая мысль наполнила её такой сильной тоской, что на глаза чуть не навернулись слёзы. Домой, туда, где были её друзья. Туда, где она не чувствовала себя чужой, и невежественной, и скучной, и глупой только потому что она не знала, что такое куахог (прим. перевод. «куахог» — съедобный моллюск, распространен у побережья Северной Атлантики). Туда, где она могла посмеяться над всем этим: над её «чудесными» каникулами на восточном побережье.

— ... и мой папа сказал: «Почему бы мне просто не купить тебе это?» Но я сказала: «Нет, хотя возможно...»

Кэсси устала на море.

Не то, чтобы Кейп был некрасивым местом. Маленькие коттеджи с кедровыми кровлями, с белыми заборчиками из частокола, покрытые розами, и кресла-качалки из ивовых прутьев на крылечках, и герань, свисающая с балконов, — всё было таким милым, как на почтовых открытках. И деревенские огороды, и высокие шатровые церкви, и старомодные здания сельской школы заставляли Кэсси чувствовать себя так, будто она находится в другом времени.

Но каждый день ей приходилось иметь дело с Портией. И, даже несмотря на то, что каждую ночь Кэсси придумывала разрушительные остроумные замечания, уготовленные для Портии, так или иначе ей никогда не доводилось на самом деле высказать хотя бы одно из них. И намного хуже, чем всё, что могла сделать Портия, было простое болезненное чувство непричастности. Быть чужой здесь, выброшенной не на тот берег, полностью не в своей

стихии. Крошечный двухквартирный дом в Калифорнии начинал казаться блаженством для Кэсси.

«Ещё одна неделя», — подумала она. — «Тебе просто нужно потерпеть еще одну неделю. Тем более, мама рядом, пусть и такая бледная в последнее время, такая тихая...»

Мучительный приступ боли прошел сквозь Кэсси, и она немедленно отогнала от себя эти мысли.

«С мамой всё хорошо», — энергично сказала она себе. — «Возможно, она просто несчастлива здесь так же, как и ты, даже не смотря на то, что это её родной штат. Возможно, она тоже считает дни до возвращения домой так же, как и ты».

Конечно, так и было, и вот почему её мама казалась такой несчастной, когда Кэсси говорила о своей тоске по дому. Её мама чувствовала себя виноватой за то, что привезла её сюда, за то, что описала это место как рай для проведения каникул. Всё будет хорошо для них обеих, когда они вернутся домой.

— Кэсси! Ты меня слушаешь? Или ты опять спишь?

— О, слушаю, — быстро ответила Кэсси.

— Что я только что сказала?

Кэсси пришла в затруднение.

«Парни», — отчаянно подумала она, — «Дискуссионный клуб, колледж, Национальная Судебная Лига...»

Люди иногда называли её мечтательной, но не так часто, как здесь.

— Я говорила, не следует таким людям бывать на этом пляже, — сказала Портia, — Особенно с собаками. Я имею в виду, здесь конечно не Устричная Гавань, но, по крайней мере, тут чисто. Ты посмотри!

Кэсси посмотрела в том направлении, куда падал взгляд Портia. Всё, что она могла увидеть — это просто какой-то парень, идущий вдоль пляжа. Она снова неуверенно посмотрела на Портia.

— Он работает на рыболовном судне, — произнесла Портia, её ноздри расширились, как будто она почуяла что-то плохое. — Я видела его сегодня на рыбацком пирсе, он делал разгрузку. Я не думаю, что он когда-либо вообще переодевается. Какой он неописуемо грязный и отвратительный!

Он выглядел не таким уж и грязным для Кэсси. У него были тёмно-рыжие волосы, он был высоким, и даже на таком расстоянии она могла видеть, что он улыбается. У его ног была собака.

— Мы никогда не разговариваем с парнями с рыболовных судов. Мы на них даже не смотрим, — сказала Портia.

И Кэсси могла понять, что это правда. На пляже была, наверно, еще дюжина других девчонок, в группах по двое или по трое, некоторые с парнями, но большинство без. Когда проходил этот высокий парень, девушки отворачивались, поворачивая головы чтобы уставиться в противоположном направлении. И это было не кокетливое «смотрю-в-сторону-затем-обратно-и-хихикаю». Это было высокомерное неприятие. Когда парень проходил ближе к ней, Кэсси могла увидеть, что его улыбка сделалась жестокой. Две девушки, сидевшие ближе всего к Кэсси и Портia, сейчас отвернулись, почти презрительно фыркая. Кэсси видела, как парень слегка передернул плечами, будто и не ожидал ничего другого. Но она всё еще не видела в нём ничего такого отвратительного. Он был одет в обрезанные шорты с неровными краями и выдавшую виды футболку, но так ведь выглядело большинство парней. А его пёс рысью бежал прямо позади него, виляя хвостом, дружелюбный и очень живой. Это никого не беспокоило. Кэсси мельком взглянула на лицо парня, сгорая от любопытства увидеть его глаза.

— Опусть глаза, — прошептала Портia.

Парень проходил прямо перед ними. Кэсси поспешно посмотрела вниз, автоматически подчиняясь, хотя она и чувствовала поднимающееся восстание в своем сердце. Это выглядело низко, и мерзко, и ненужно, и жестоко. Ей было стыдно быть частью этого, но она

не могла не делать того, что говорила Портя. Она уставилась на свои пальцы, тонувшие в песке. В ярком солнечном свете она могла видеть каждую песчинку. Издалека песок казался белым, но вблизи он мерцал цветами: частицы черной-и-зеленой слюды, светлые обломки ракушек, кристаллы красного кварца, похожие на маленькие гранатинки.

«Несправедливо», — подумала она о парне, который, конечно, не мог её слышать. — «Мне жаль, это просто несправедливо. Я хотела бы сделать хоть что-то, но я не могу».

Влажный нос упёрся ей в руку.

Эта неожиданность заставила её отдёргнуть руку, и смешок застрял в её горле. Пёс толкнул её руку снова, не спрашивая, а требуя. Кэсси погладила его, царапаясь о короткие, шелковисто-щетиновые волоски на его носу. Это была немецкая овчарка, большой красивый пёс с чистыми, умными коричневыми глазами и улыбающейся мордой. Кэсси почувствовала, как сломалась её натянутая смущенная маска, и засмеялась.

Затем она взглянула на владельца собаки, очень быстро, не в силах бороться с собой. Она встретила прямо с его глазами.

Позже, Кэсси будет думать об этом моменте, моменте, когда она смотрела вверх на него, а он смотрел вниз на неё. Его глаза были серо-голубые, как море, и очень загадочные. Его лицо было странным, не безусловно красивым, но приковывающим внимание и интригующим, с высокими скулами и четко очерченным ртом. Гордым и независимым, и забавным, и чувственным — всё сразу. Когда он посмотрел на неё сверху вниз, его мрачная улыбка посветлела, и что-то заискрилось в этих серо-голубых глазах, как солнце, отражающееся в волнах.

Обычно Кэсси была очень робкой с парнями, особенно с теми, которых она не знала, но этот был всего лишь бедным рабочим с рыболовного судна, и ей было жаль его, и она хотела быть милой, и кроме того, она не могла не быть милой. И поэтому когда она почувствовала, как заискрились её глаза в ответ на его взгляд, её смех зажурчал в ответ на его улыбку, она просто позволила этому произойти. В это мгновение всё было так, будто бы они делили какой-то секрет, который больше никто на пляже не мог понять. Пёс восторженно завилял хвостом, как будто и он тоже был с ними заодно.

— Кэсси, — послышалось гневное шипение Портя.

Кэсси почувствовала, что начинает краснеть, и она оторвала взгляд от лица парня. Портя выглядела раздраженной.

— Радж! — сказал парень, больше не улыбаясь, — За мной!

С явной неохотой, пёс отошел от Кэсси, всё еще виляя хвостом. Затем, разбрасывая песок, он подпрыгнул к своему хозяину.

«Это несправедливо», — снова подумала Кэсси. Голос парня заставил её вздрогнуть.

— Жизнь вообще несправедлива, — сказал он.

Шокированная, она подняла взгляд на его лицо.

Его глаза были такими темными, как море во время шторма. Она ясно это увидела, и на мгновение она почти испугалась, как будто подглядела что-то запретное, что-то, что было выше её понимания. Но сильное. Что-то сильное и странное.

И затем он ушёл, пёс бежал за ним, виляя хвостом. Парень даже не обернулся. Кэсси уставилась ему вслед, поражённая. Она не говорила вслух, она была уверена, что ничего не говорила вслух. Но тогда как он мог услышать её?

Её раздумья были прерваны, когда она услышала шипение возле себя. Кэсси вся сжалась, заранее зная, что именно Портя собирается ей сказать. У собаки, скорее всего, была чесотка, и блохи, и глисты, и золотуха. Полотенце Кэсси наверно кишело паразитами прямо сейчас.

Но Портя не сказала этого. Она слишком вглядывалась в удаляющиеся фигуры мальчика и собаки, как они поднимались на пригорок из песка, а затем свернули на маленькую тропинку в прибрежных кустах. И хотя она была явно недовольна, в её лице было что-то — какая-то темная догадка или подозрение, чего Кэсси раньше никогда не видела.

— В чём дело, Портя?

Глаза Портии сузились.

— Я думаю, — сказала она медленно, сквозь сжатые губы, — что я видела его раньше.

— Ты это уже говорила. Ты видела его на рыбацком причале.

Портia нетерпеливо замотала головой.

— Не то. Заткнись и дай мне подумать.

Ошеломлённая, Кэсси замолчала.

Потрия продолжала пялиться, и через несколько мгновений она начала кивать, маленькие кивки, чтобы убедить в чём-то саму себя. Её лицо покрылось красными пятнами, и не от загара.

Вдруг, всё еще кивая, она пробормотала что-то и встала. Сейчас она дышала очень часто.

— Потрия?

— Мне надо кое-что сделать, — сказала Портia, махая Кэсси рукой и даже не смотря на неё. — Ты останься тут.

— Что происходит?

— Ничего! — Портia резко на неё посмотрела. — Ничего не происходит. Просто забудь об этом. Увидимся позже.

Она уходила, двигаясь быстро, поднимаясь на пригорок и шагая по направлению к коттеджу, которым владела её семья.

Десять минут назад Кэсси сказала бы, что будет без ума от счастья, если только Портia оставит её в покое, неважно почему. Но сейчас она поняла, что не может насладиться этим. Её мысли были в полном беспорядке, как беспокойные серо-голубые волны перед бурей. Она чувствовала себя взволнованной, очень расстроенной и почти напуганной.

Самым странным было то, что именно Портia пробормотала себе под нос, прежде чем встать и уйти. Это было сказано на выдохе, и Кэсси думала, что могла расслышать это неправильно. Это могло быть что-то вроде «прыгун», или «драчун», или «болтун».

Должно быть, она услышала это неправильно. Не могла же она назвать парня «колдун», ради всего святого.

«Успокойся», — сказала она себе. — «Не волнуйся, расслабься. Наконец-то ты одна».

Но почему-то расслабиться она не могла. Она встала и подняла своё полотенце. Затем, обернув его вокруг себя, она поплелась по пляжу в том же направлении, куда ушёл парень.

Глава 2 (Перевод: Баффи +♥Star♥+ Саммерс)

Когда Кэсси добралась до того места, куда ушёл парень, она оказалась на дюне между жалкими маленькими скалами. На вершине она осмотрелась, но здесь не было ничего, кроме смолистых сосен и дубов. Ни парня. Ни собаки. Тишина. Она была раздражена.

— Всё хорошо. Прекрасно.

Она возвращалась к морю, игнорируя приступ разочарования и внезапное чувство пустоты. Кэсси хотелось освежиться и остыть. Проблема Портии была её личным делом. Что касается рыжеволосого парня, она вероятно никогда не увидит его снова, да и до него ей тоже не было дела.

Небольшая дрожь прошла сквозь неё. Не такая чтобы утверждать, но такая, чтобы задуматься не больны ли вы.

"Мне должно быть слишком жарко" — решила она — "Настолько, чтобы чувствовать холод. Мне нужно окунуться".

Вода была прохладной, потому что эта сторона полуострова была открыта Атлантике. Она зашла в воду по колени и пошла вдоль берега. Когда она приблизилась к пирсу, то вылезла из воды и забралась на него.

Только три лодки были привязаны к нему: две гребные шлюпки и моторный катер. Людей рядом не наблюдалось. Это было всё, в чём сейчас нуждалась Кэсси. Она отодвинула толстую потёртую верёвку, предназначенную удерживать людей от прогулки по пирсу.

Она пошла дальше. Повреждённое непогодой дерево скрипело под ногами, вода окружала её со всех сторон. Когда она оглянулась назад, то увидела что оставила любителей загорать далеко позади. Лёгкий ветерок дул ей в лицо, развевая волосы и заставляя ноги покалывать. Внезапное чувство... Она не могла объяснить его. Словно воздушный шарик, подхваченный ветром и поднятый. Она чувствовала свет, чувствовала пространство. Она чувствовала свободу. Она хотела протянуть свои руки к ветру и океану, но не совсем осмеливалась. Она не была так свободна, как всё это.

Но она улыбнулась, поскольку добралась до конца пирса.

Небо и океан были словно один глубокий синий драгоценный камень. Исключая часть неба, освещённую на горизонте, где они встречались. Кэсси думала, что видит дугу земли, но это возможно было лишь её воображение. Сверху крачки и чайки описывали круги.

"Было бы неплохо написать стих" — думала она.

У Кэсси был блокнот, полный набросанных стихов. Дома, под кроватью. Она едва ли показывала их кому-то, но сама просматривала перед сном. Тем не менее, прямо сейчас она не могла думать о каких-либо словах.

Всё же, было прекрасно лишь находиться здесь, чують запах морской соли и чувствовать тёплые доски под ногами, слушать всплески воды о деревянный пирс.

Это были гипнотические звуки, ритмичные как гиганское сердцебие или дыхание планеты, и странно знакомые.

Она сидела так, пристально вглядывалась, вслушивалась, и могла чувствовать собственное дыхание.

Впервые после приезда в Новую Англию, она чувствовала, чему принадлежала. Она была частью необъятности неба и океана; крошечной частью всего этого, но всё же частью. И медленно к ней прибыла мысль, что часть эта могла быть и не такой уж малой.

Кэсси была погружена в ритм земли, но теперь ей казалось, будто она контролировала его. Как будто все элементы были в единстве с ней, и под её управлением. Она могла чувствовать пульс жизни на планете в себе. Сильный, глубокий, вибрирующий.

Медленно возвышающийся в напряжении и в предвкушении, как будто ждущий... чего-то. Но чего?

Измученная всем этим, она чувствовала, что слова прибыли к ней, словно слова, которым учили детей, но тем не менее это были слова стиха.

Странно, но не было похоже чтобы она это придумала. Ощущение было скорее такое, что она давным-давно где-то услышала или прочитала это. Перед ней на мгновение возник образ, как будто её кто-то держит на руках и она смотрит на океан. Держит её очень высоко и до неё доносятся слова.

— Небо и море, спасите от горя. Огонь и земля, дайте...

Нет.

Всю кожу Кэсси покалывало. Она никогда не чувствовала это прежде — в некотором роде она могла ощутить свод неба и гранитное основание земли, и неизмеримую гладь океана, волну за волной, до горизонта и даже дальше.

И всё это было так, словно они все ждали, наблюдали, слушали её.

"Не прекращайте это" — подумала она. — "Не говорите ничего больше".

Внезапно она перестала чувствовать реальность.

Пока она находила последние слова поэмы, она была в безопасности. Всё было бы как всегда. Она бы пошла домой и жила бы тихой, обычной мирной жизнью. Пока она могла сдерживаться от произнесения слов, она была в порядке.

Но стих был непрерывной мыслью её разума, словно звяканье ледяной музыки далеко-далеко. Последние слова встали на место. Она не могла остановить их.

— Небо и море, спасите от горя. Огонь и земля, дайте то, что желаю я.

Да.

«Ох, что же я сделала?»

Это было словно моментальный снимок. Кэсси встала, дико вглядываясь в океан.

Что-то случилось; она чувствовала это, и сейчас она могла ощущать, что элементы отступают от неё, их связь была сломана.

Она больше не чувствовала лёгкость и свободу. Шумный и негармоничный, полный статического электричества океан внезапно стал выглядеть шире, чем когда-либо и уже не таким дружелюбным.

Резко повернувшись, она стала возвращаться к берегу.

"Идиотка" — подумала она, поскольку приближаясь к белому песку берега, пугающее чувство уходило.

"Чего ты испугалась? Того, что небо и море действительно слушали тебя? Что эти слова действительно что-то сделали?"

Теперь она почти могла посмеяться над этим, она была смущенна и раздраженна одновременно. Дело в слишком активном воображении. Она всё ещё была в безопасности, и мир был всё ещё обычным. Слова были лишь словами.

Но когда её глаза уловили движение — она навсегда запомнила это — в глубине души она не была удивленна.

Что-то происходило. На берегу кто-то двигался.

Это был рыжеволосый парень.

Он промелькнул между смолистыми соснами и стал спускаться со склона дюны. Вдруг необъяснимое спокойствие. Кэсси торопилась преодолеть остаток пути до конца пирса, чтобы встретить его, как только он достигнет песка.

Собака около него бежала с лёгкостью и смотрела в лицо парню, словно говорила: "это замечательная игра, что дальше?" Но судя по выражению лица парня и пути, которому он придерживался, Кэсси могла сказать, что это была не игра.

Он осмотрел сверху до низу безлюдный берег. Сто ярдов налево — мыс выступал так, что вы не могли видеть то, что было за его пределами. Он взглянул на Кэсси и их глаза встретились. Тогда резко повернув, он направился к мысу.

Сердце Кэсси тяжело билось.

— Подожди! — она упорно звала его.

Он возвратился, быстро оценивая её своими серо-синими глазами.

— Кто тебя преследует? — спросила она, хотя полагала что знает.

Его голос был бодрым, а речь короткой.

— Два парня, похожие на полузащитников Нью Йорк Джайант.

Кэсси кивнула, чувствуя, как учащается её сердце. Но её голос оставался спокойным.

— Их зовут Джордан и Логан Бэйнбридж.

— Этого стоило ожидать.

— Ты слышал о них?

— Нет. Но стоило ожидать, что их зовут как-то так.

Кэсси почти смеялась. Её нравилось, как он выглядел. Такой встревоженный, едва ли не запыхавшийся, при том что ему было трудно бежать. И ей нравились искры бесбашенности в его глазах и то, что он шутил даже тогда, когда у него были проблемы.

— Радж и я могли бы справиться с ними сами, но они позвали ещё несколько друзей.

Сказав это, он снова повернулся. И, направляясь прочь к мысу, добавил:

— Иди другим путём. Ты же не хочешь с ними столкнуться. И было бы хорошо, если бы ты сделала вид, что не видела меня.

— Подожди, — крикнула Кэсси.

Не смотря на то, что происходящее не было её делом... она говорила без колебания.

Было что-то в этом парне; что-то, что заставляло хотеть помочь ему.

— Там тупик. За мысом скалы. Ты попадёшь в ловушку.

— Но другой путь слишком открытый. Я буду в поле их зрения, когда они придут сюда. Они не очень-то сильно отстали.

Мысли Кэсси метались, пока она не осознала.

— Скройся в лодке.

— Какой?

— В лодку. В моторный катер. На причале.

Она махнула рукой в ту сторону.

— Ты можешь забраться в каюту, и они не заметят тебя.

Он посмотрел в том направлении, но, качнув головой, сказал:

— Я действительно попаду в ловушку, если они найдут меня там. И Радж не любит плавать.

— Они не найдут вас, — сказала Кэсси. — Они не будут проходить около лодки. Я скажу им, что вы спустились по берегу тем путём.

Он уставился на неё, и улыбка исчезла из его глаз.

— Ты не понимаешь, — сказал он спокойно. — Те парни опасны.

— Мне всё равно, — сказала Кэсси и практически вытолкнула его к пирсу.

Быстрее, быстрее... что-то в голове убеждало её поторопиться. Её застенчивость исчезла. Главным было, чтобы он успел спрятаться.

— Что они мне сделают? Я невинный свидетель, — сказала она.

— Но...

— О, пожалуйста, не спорь. Просто сделай это.

Он смотрел на неё одну секунду, затем повернувшись и хлопнув себя по бедру, скомандовал псу:

- Ко мне, мальчик!

Он побежал в сторону пирса, с лёгкостью запрыгнул в катер и исчез в каюте. Собака следовала за ним и лаяла.

"Тсс!" — подумала Кэсси.

Теперь двое были спрятанны в лодке, но любой, пройдя по пирсу, мог бы их заметить. Она зацепила петлю потёртой верёвки за вершину последнего столба, закрывая пирс.

Озираясь, она дошла до плещущейся воды.

Наклонившись, взяла горстку песка и ракушек. Кэсси слышала шум со стороны дюн.

"Я собираю раковины. Я всего лишь собираю раковины. Я ничего не видела" — думала Кэсси — "Меня ничто не интересует"

— Эй!

Кэсси оглянулась.

Их было четверо. Двое впереди были братьями Портии. Джордан был первым в Дискуссионном Клубе, а Логан первым в Клубе Стрельбы. Или наоборот?

— Эй, ты не видела парня, пробежавшего здесь? — спросил Джордан. Они оглядывали всё вокруг, припнувшись, словно собаки. Внезапно у Кэсси возникла мысль:

«Они словно четыре тощие оскалившиеся собаки».

За исключением того, что эти парни не были тощими. Они были мускулистые и потные. И даже запыхавшиеся, — заметила Кэсси. Ещё они были высокомерны.

— Это подруга Портии — Кэти, — сказал Логан. — Эй, Кэти, видела парня, пробежавшего тут?

Кэсси приближалась к нему медленно, её кулаки были полны ракушек. Её сердце стучало о рёбра так сильно, что они наверняка это заметили, а её язык был заморожен...

— Ты не умеешь говорить? Что ты здесь делаешь?

Молча, Кэсси протянула свои руки, разжимая кулаки.

Фыркая, они обменялись взглядами, и Кэсси поняла, как она, должно быть, выглядит в глазах этих парней (которые наверно были уже студентами колледжа) — маленькая девочка с непримечательными каштановыми волосами и самыми обычными синими глазами. Всего лишь ученица маленькой средней школы Калифорнии, которая не придумала занятия лучше, чем собирать ничего не стоящие раковины.

— Ты видела парня, пробежавшего здесь? — спросил Джордан нетерпеливо, но медленно, как если бы она с трудом могла слышать.

Кэсси сухо кивнула и посмотрела вниз берега на мыс.

На Джордане была открытая ветровка поверх футболки, которая в такую жаркую погоду выглядела нелепо. Ещё более нелепо выглядела выпуклость под ней, но когда он повернулся, Кэсси заметила блеск металла.

"Оружие..."

"Джордан должно быть состоит в клубе стрельбы" — ни к месту подумала Кэсси.

Сейчас она видела то, что действительно заставило её испугаться. Кэсси снова обрела дар речи и произнесла хрипло:

— Парень и собака прошли тем путём несколько минут назад.

— Он у нас в руках! Там тупик, ему некуда деться! — сказал Логан. Он и ещё два парня, незнакомых Кэсси, начали спускаться вниз по берегу. Но Джордан возвратился к Кэсси:

— Ты уверена?

Ошеломлённая, она смотрела на него. Почему он спрашивает? Она специально расширила глаза и пыталась выглядеть, словно ребёнок и как можно более глупый.

— Да...

— Потому что это важно.

И внезапно он схватил её за запястье. Кэсси посмотрела вниз, с изумлением наблюдая, как выпадают ракушки у неё из руки.

— Это очень важно, — повторил Джордан, и она могла почувствовать, как напряглось его тело, могла чувствовать острый запах его пота.

Волна отвращения охватила её, но она изо всех сил старалась сохранять наивное лицо. Она боялась, что он собирается повести её за собой, но он только поварачивал её запястье.

Она не собиралась кричать, но и ничего не могла поделать. Это была частично боль, частично реакция на что-то в его глазах, что-то невероятно уродливое и горячее, как огонь. Она задыхалась от страха. В последний раз она боялась так ещё в детстве.

— Да я уверена, — произнесла она, затаив дыхание и смотря в упор, не разрешая себе отводить глаза. — Он пошёл туда.

— Пошевеливайтесь! Джордан, оставь её в покое! — крикнул Логан. — Она только ребёнок. Пойдём!

Джордан колебался.

"Он догадывается, что я лгу" — подумала Кэсси, внимательно наблюдая за ним. — "Он догадывается, но не хочет этому верить".

"Верь мне" — думала она, пристально глядя на него, и желая, чтоб так оно и было. — "Поверь мне и уходи. Поверь. Поверь".

Он отпустил её запястье.

— Извини, — пробормотал он нелюбезно, и, развернувшись, направился догонять остальных.

— Конечно, — прошептала Кэсси, оставаясь на месте.

Трепетая, она смотрела на них, бегущих по влажному песку; ветровка Джордана развевалась за ним. Слабость распространилась от колен, и ноги стали как пластилиновые.

Она осознала, что снова слышит звуки океана. Утешительные звуки, казалось, окутывали её. Когда четыре бегущие фигуры завернули за угол и скрылись из виду, она возвратилась к пирсу, намереваясь сказать рыжеволосому парню, что он может выходить.

Он уже сделал это.

Она заставляла свои застывшие ноги медленно нести её к причалу. Он уже стоял там, и выражение его лица, вызывало у Кэсси странное чувство.

— Ты должен уйти отсюда или, возможно, спрятаться снова, — сказала она нерешительно. — Они могут вернуться сюда.

— Я так не думаю.

— Отлично.

Кэсси колебалась, смотря на него и почти чувствуя страх.

— Твой пёс был очень хорош, — начала она неопределённо.

И, наконец, продолжила:

— Я имею в виду, что он не лаял или что-то ещё.

— Он очень умный.

— О.

Кэсси посмотрела вниз на берег, пытаясь придумать, что бы ещё сказать. Его голос был нежен, не резок, но острый взгляд не покидал его, и рот был суров.

— Я думаю, они действительно теперь ушли, — сказала она.

— Спасибо тебе, — сказал он.

Затем повернулся к ней, и их глаза встретились.

— Я не знаю, как тебя благодарить.

И добавил:

— За то, что ты вынесла это ради меня. Ты ведь даже не знаешь, кто я.

Кэсси почувствовала себя ещё более странно. Взглянув на него, у неё почти закружилась голова, но она не могла отвести взгляд от его глаз. Теперь они не искрились, они были похожи на серо-синюю сталь. Неотразимо-гипнотические. Они привлекали её.

"Но я действительно тебя знаю" — думала она.

В этот момент в её голове вспыхнула картина. Это было словно она не в своём теле, и могла видеть двоих, стоящих на берегу. Она могла видеть, как солнце сияло на его волосах и как его лицо наклонилось к ней. И они были связаны серебрянным шнуром, который напевал песню.

Полоса энергии связывала их. Она была столь реальна, что Кэсси словно могла протянуть руку и коснуться её.

Их сердца были связаны, и тянулись друг к другу. Мысль эта прибыла к ней, как если бы тихий голос из глубины говорил с ней: "Серебрянный шнур не сможет порваться. Ваши жизни связаны. Вы не можете убежать друг от друга, вы не можете избежать судьбы".

Внезапно, картина и голос исчезли. Так же быстро, как и возникли. Кэсси моргнула и встряхнула головой, пытаясь прийти в себя. Он всё ещё смотрел на неё, ожидая ответа на свой вопрос.

— Я была рада тебе помочь, — сказала она, чувствуя, как неубедительно и неестественно это прозвучало. — И это ничего... то, что случилось.

Он опустил взгляд и посмотрел на её запястье, в его глазах словно полыхнула серебряная вспышка.

— Я... — произнес он. — Я должен был выйти раньше.

Кэсси снова встряхнула головой. Последнее, что она хотела — так это чтобы его поймали и причинили ему вред.

— Я только хотела тебе помочь, — повторила она мягко, изрядно смутившись.

Затем спросила:

— Почему они преследовали тебя?

Он отвёл глаза и глубоко вздохнул. У Кэсси появилось ощущение, что она нарушила границу.

— Ничего. Мне не следовало спрашивать, — начала она.

— Нет, — он снова на неё взглянул и улыбнулся одними уголками губ. — Все имеют право спрашивать, и ты тоже. Но это немного трудно объяснить. Я... моё влияние здесь. Дома, они бы не посмели преследовать меня. Они не посмели бы посмотреть на меня косо. Но здесь я прекрасная добыча.

Она всё ещё не понимала.

— Они не любят людей, которые... отличаются, — сказал он, его голос снова затих. — А я отличаюсь от них. Я совсем другой.

Кэсси была с ним согласна. Независимо от того кем он был, он не походил на Джордана или Логана. Она до сих пор не видела таких людей, как он.

— Извини. Это не очень-то хорошее объяснение, я знаю, — сказал он. — Особенно, после того, что ты сделала. Ты помогла мне, и я этого не забуду.

Он мельком взглянул на неё и коротко рассмеялся.

— Конечно, это не похоже на то, что я могу для тебя сделать, не так ли? Не здесь. Хотя... — он сделал паузу. — Подожди минуту.

Он опустил пальцы в карман, нащупывая что-то. Всё медленно закружилось перед глазами Кэсси, кровь прилила к её лицу.

Он что, искал деньги? Он считал, что может заплатить ей за её помощь? Она была оскорблена и поражена даже больше, чем когда Джордан схватил её за запястье. Она ничего не могла сделать со слезами, затопляющими её глаза.

Но то, что он вынул из кармана, оказалось камнем. Осколок скалы, похожий на те, которые можно найти на океанском дне. По крайней мере, так он выглядел на первый взгляд.

Одна сторона была неровная и серая, испещрённая крошечными чёрными спиралями, подобно маленьким раковинам.

Но затем он перевернул камень. Другая сторона тоже была серая, но вперемешку со светло-голубым, кристальная, искрящаяся в солнечном свете, словно была полита карамелью. Это было красиво.

Он вложил камень в её ладонь, прижимая её пальцы к нему. Её это так тронуло, что она почувствовала толчок, словно электричество пробежало от её ладони к плечу. Камень был словно живой, она не могла объяснить этого. Сквозь гул в ушах, она услышала его слова, произнесённые быстро и низким голосом:

— Это халцедон. Приносит удачу. Если у тебя будут проблемы, или ты будешь в опасности или что-то вроде того, или если ты почувствуешь себя совершенно одинокой, и никто не будет в состоянии тебе помочь, крепко сожми его, — его пальцы сжимали её пальцы. — И думай обо мне.

Она смотрела на него, точно загипнотизированная. Она едва дышала. Он так близко стоял к ней; она могла видеть его глаза, такого же цвета, как кристалл, она могла чувствовать его дыхание на своей коже и тепло его тела.

Его волосы были не просто красными, они были разных оттенков. Некоторые пряди были такие тёмные, почти фиолетовые, другие словно бургундское вино, другие золотые.

"Другой" — подумала она снова.

Он отличался от всех парней, которых она когда-либо знала. Сладкие горячие потоки проходили через неё. Бешеное чувство, ощущение новых возможностей.

Она дрожала и чувствовала сердцебиение в пальцах, но не могла сказать чьё. Его или её. Он, казалось, слышал её мысли; теперь она почти ощущала это, словно он был в её разуме. Он был так близко к ней и смотрел на неё сверху вниз...

— И что случится тогда? — прошептала она.

— И тебе повезёт, — Он резко отстранился, как будто только что вспомнил что-то, и его тон изменился. Момент закончился.

— Стоит попытаться, ты так не думаешь? — сказал он легко.

Неспособная говорить, она кивнула. Он был таким задиристым сейчас. Он не был таким прежде.

— Я должен идти. Мне не следует здесь долго оставаться, — сказал он.

Кэсси сглотнула:

— Тебе лучше быть осторожным. Я думаю, у Джордана есть оружие.

— Ты не удивила меня, — сказал он и продолжил, не давая ей сказать что-нибудь ещё. — Не волнуйся, я покидаю Кейп. По крайней мере, на какое-то время. Я вернусь. И возможно, тогда мы увидимся снова.

Он повернулся, чтобы уйти.

Затем сделал паузу и в последний раз взял её руку снова. Кэсси была слишком поражена прикосновением его кожи, чтобы что-то сделать. Он перевернул её руку и посмотрел на красные следы на её запястье, затем слегка тронул их кончиками пальцев.

В это время сталь вновь появилась в его глазах.

— И поверь мне, — прошептал он, — когда-нибудь он заплатит за это. Я гарантирую.

И затем он сделал то, что потрясло Кэсси больше, чем что-либо из случившегося в течение этого странного дня.

Он поднёс её болезненную руку к своим губам и поцеловал. Это было самое нежное, самое лёгкое прикосновение, и оно прошло сквозь Кэсси, словно огонь. Она смотрела на него, шокированная и неверящая, и совершенно безмолвная. Она не могла ни двигаться, ни думать, только стоять и чувствовать.

И затем он ушёл, свистнув пса, который крутился перед Кэсси, а затем побежал за ним. Она осталась одна, пристально смотрела ему вслед, её пальцы сильно сжимали маленький неровный камень в ладони.

И только тогда она осознала, что так и не выяснила его имя.

Глава 3 (Перевод: Баффи +♥Star♥+ Саммерс)

Мгновением позже, Кэсси вышла из оцепенения. Она должна была уходить; Логан и Джордан могли вернуться в любую секунду. И если они поняли, что она специально им лгала...

Кэсси поморщилась, когда с трудом вскорабкалась на покату дюну. Мир вокруг неё вновь стал обычным, больше не полным волшебства и тайн. Это было, словно она прибывала в мечте, и теперь пробудилась.

О чём только она думала? О какой-то ерунде, о серебрянных нитях, о судьбе и парне, который не был похож ни на кого другого. Но это было смешно. Камень в её руке был всего лишь камнем. И слова были только словами. Даже тот парень...

Конечно, не существовало никакого способа, благодаря которому он мог бы услышать её мысли. Никто не мог сделать это; должно быть рациональное объяснение... Она сильнее сжала маленький кусочек камня в ладони.

Её рука всё ещё покалывала там, где он держал её, и ощущения на коже, которую он коснулся кончиками своих пальцев, были совсем другими, чем во всём теле. Она думала, что независимо от того, что случится с ней в будущем, она всегда будет чувствовать его прикосновение.

Зайдя в коттедж, который они арендовали с мамой, она закрыла за собой дверь. И остановилась. Она могла слышать голос своей матери, доносившийся с кухни, и могла сказать, что он не был повседневным.

Миссис Блейк говорила по телефону, повернувшись спиной к дверному проёму. Она немного наклонила голову, прижимая трубку к уху. Как всегда, Кэсси поразились стройной фигуре своей матери. С её ниспадающими длинными, тёмными волосами, просто собранными сзади на шее, миссис Блейк могла походить на подростка.

Это заставляло Кэсси чувствовать покровительство над ней. Фактически, иногда она чувствовала, будто это она была матерью, а её мама — ребёнком. И сейчас это побудило её принять решение не прерывать беседу матери. Миссис Блейк была растроена, и в промежутках говорила в трубку «Да» или "Я знаю" голосом, полным напряжения.

Кэсси повернулась и направилась в свою спальню. Она подошла к окну и выглянула на улицу, задаваясь вопросом, что происходило с мамой. Но она не могла сосредоточиться ни на чём, кроме парня на берегу.

Даже если бы Портia знала, как его зовут, то она никогда не сказала бы ей, Кэсси была уверена в этом. Но не зная его имени, как она найдёт его снова?

Она не найдёт. Это было жестокой правдой, и сейчас она смотрела ей в лицо. Даже если бы она знала его имя, она была не из тех, кто гоняется за парнями. Она просто не знала бы как его найти.

— И через неделю я уеду домой, — прошептала она. Впервые эти слова не принесли ей волну утешения и надежды. С заключительным стуком она положила неровный маленький кусочек халцедона на прикроватную тумбочку.

— Кэсси? Ты что-то сказала?

Кэсси быстро повернулась и увидела стоящую в дверях маму.

— Мам! Я не знала, что ты уже закончила говорить по телефону, — когда её мать продолжила смотреть на неё вопросительно, Кэсси добавила, — Я просто думала вслух. Я говорила, что мы поедем домой на следующей неделе.

Странное выражение промелькнуло на мамином лице, словно вспышка подавляемой боли. Под её большими чёрными глазами залегли тёмные круги, а взгляд нервно блуждал по комнате.

— Мама, что-то не так? — спросила Кэсси.

— Я только что говорила с бабушкой. Ты помнишь, я планировала, чтобы мы заехали навестить её на следующей неделе?

Кэсси хорошо это помнила. Она рассказала Портии о том, что она и её мама собираются поехать вдоль побережья, и Портия огрызнулась, что здесь это не называют «побережьем». От Бостона до Кейпа — это был южный берег, а от Бостона до Нью-Хэмпшира — северный, и если вам нужно было попасть в штат Мэн, то вы бы двигались прямо на восток... Но всё-таки, где же живет её бабушка?

И Кэсси не могла ответить, потому что мама никогда не упоминала название города.

— Да, — сказала она, — Я помню.

— Я только что говорила с ней по телефону. Она стара, Кэсси, и она совсем неважно себя чувствует. Хуже, чем я ожидала.

— О, мама. Мне жаль.

Кэсси никогда не видела свою бабушку, даже не видела её фотографии, но всё же чувствовала себя ужасно. Её мать и бабушка жили раздельно в течение многих лет, с рождения Кэсси.

Что-то произошло, и поэтому мама ушла из дома, но это было всё, что её мама рассказывала об этом. В течение последних лет они обменивались несколькими письмами, и это направляло Кэсси на мысль, что в глубине души они всё ещё любили друг друга.

Она надеялась, что это так. И, так или иначе, ждала первой встречи с бабушкой.

— Мне правда жаль, мама, — сказала она снова, — С ней всё будет хорошо?

— Я не знаю. Она живёт совершенно одна в таком большом доме, и она одинока... А теперь с этим флебитом (прим. перевод. — воспаление вен) ей будет трудно передвигаться.

Солнечный свет полосками падал на лицо её мамы, образуя тени.

Она говорила спокойно, но неестественно, как будто с трудом сдерживала сильные эмоции.

— Кэсси, у меня с твоей бабушкой были некоторые проблемы, но мы — всё ещё семья, и у неё больше никого нет. Пришло время похоронить наши разногласия.

Мама никогда не говорила так свободно о ссоре с бабушкой.

— Какие разногласия, мам?

— Теперь это не имеет значения. Она вела меня той дорожкой, которой я не хотела следовать. Она думала, что поступает правильно... А теперь она совсем одна, и ей нужна помощь.

Тревога окутала Кэсси. Беспокойство о бабушке, с которой они никогда не виделись — и что-то ещё. Тревога при виде лица её матери, которое было таким, словно она собиралась сообщить плохую новость, и у неё не было времени подобрать подходящие слова.

— Кэсси, я много думала об этом, но у нас есть только один выход. И мне жаль, потому что это будет означать разрушение твоей прошлой жизни, и это тяжело скажется на тебе... но ты молода. Ты приспособишься. Я знаю, ты сможешь.

Болезненный приступ паники прошёл сквозь Кэсси как выстрел.

— Мама, всё в порядке, — сказала она быстро, — Ты останешься здесь и сделаешь то, что тебе нужно. Я могу подготовиться к школе сама. Это будет легко. Бет и Миссис Фриман помогут мне...

Мать Кэсси покачала головой, и внезапно Кэсси почувствовала, что ей необходимо продолжить, перекрыть всё потоком слов.

— Мне не нужно много новой школьной одежды...

— Кэсси, мне так жаль. Мне нужно чтобы ты попыталась и поняла, милая, будь взрослой. Я знаю, ты будешь тосковать по друзьям. Но ведь мы обе должны сделать как лучше.

Мама, не отрываясь, смотрела в окно, словно не могла решиться посмотреть на Кэсси.

Кэсси продолжила очень тихо:

— Мам, что ты хочешь сказать?

— Я говорю, что мы не едем домой, или, по крайней мере, назад в Резеду (прим. ред. — родной город Кэсси). Мы поедем в мой дом, чтобы быть ближе к бабушке. Она нуждается в нас. Мы останемся там.

Кэсси не ощущала ничего, кроме удивительного равнодушия. Она могла только глупо спросить, будто это имело значение:

— Где «там»? Где живёт бабушка?

Впервые за это время её мать отвернулась от окна.

Её глаза казались больше и темнее, чем когда-либо.

— Нью-Салем, — сказала она тихо, — Город называется Нью-Салем.

Часы спустя, Кэсси всё ещё безучастно сидела перед окном. Её мысли бесполезно и беспомощно кругами крутились в её голове.

«Остаться здесь... Остаться в Новой Англии...»

Удар тока прошёл сквозь неё.

«Он... Я знаю, что мы увидимся вновь», — провозгласил голос внутри неё, и он был радостным. Но это был лишь один голос. Были и другие, говорящие все сразу.

«Остаться. Не возвращаться домой. И что это меняет, даже если тот парень и находится где-то здесь, в Массачусетсе? Ты не знаешь ни его имени, ни где он живёт. Ты никогда не найдёшь его снова!»

«Но ведь есть шанс», — думала она с отчаянием. И голос глубоко внутри, тот самый, который был рад, шептал:

— Больше, чем шанс. Это — ваша судьба.

— Судьба?! — надсмехались другие голоса. — Не будь смешной! Твоя судьба — всего лишь провести в Новой Англии год в средней школе, вот и всё. Где ты никого не знаешь. Где ты будешь одна.

— Одна, одна, одна! — согласились все другие голоса.

Тот радостный голос глубоко внутри был побеждён и исчез. Кэсси чувствовала, как уходит какая-либо надежда увидеть рыжеволосого парня. То, с чём её оставили, было отчаянием.

"Я даже не смогу поехать и попрощаться с друзьями" — подумала она.

Она упрашивала маму возвратиться, только чтобы сказать им "до свидания". Но миссис Блейк сказала, что на это нет ни денег, ни времени. Их авиабилеты влетели бы им в кругленькую сумму. Все их вещи уже были отправлены домой к бабушке Кэсси другом её матери.

— Если ты вернёшься, — мягко сказала её мама, — ты будешь чувствовать себя только хуже, уезжая вновь. А так, по крайней мере, это будет полный разрыв. И ты сможешь увидеться с друзьями следующим летом.

Следующим летом? Следующее лето, казалось, наступит лишь через сто лет. Кэсси подумала о своих друзьях: добродушная Бет и тихая Кlover, и Мариам — самая остроумная в классе. Добавьте к ним застенчивую и мечтательную Кэсси — вот и вся их компания.

Возможно, их не было так уж много, но они были забавные и они были вместе с

начальной школы.

Как она сможет прожить без них до следующего лета?

Но голос её матери был таким мягким и расстроеным, а глаза так рассеяно блуждали по комнате, что у Кэсси не хватило бы духу упрямиться и настаивать на своём.

В самом деле, на мгновение Кэсси захотела подойти к матери, броситься к ней в объятия и сказать, что всё будет в порядке. Но она не могла. Маленький уголёк негодования, горящий в её груди, не позволял ей этого сделать.

Как бы ни была взволнована её мама, ей не предстояло идти в странную новую школу в штате за три тысячи миль от её родного дома. В отличие от Кэсси.

"Новые коридоры, новые шкафчики, новые классные комнаты, новые парты" — думала она.

Новые лица вместо знакомых с детства лиц друзей. О, это не могло быть правдой.

В этот день Кэсси не кричала на мать, но и не обняла.

Она только тихо отвернулась к окну и пробыла в этом положении до тех пор, пока не начало медленно смеркаться, и небо не стало сначала оранжево-розовым, потом фиолетовым, а затем чёрным.

Прошло много времени, прежде чем она легла спать. И только тогда она поняла, что совсем забыла о кусочке халцедона, приносящего удачу. Она потянулась, взяла его с тумбочки и положила под подушку.

Портia зашла, когда Кэсси и её мама укладывали вещи во взятую напрокат машину.

— Уезжаете домой? — спросила она.

Кэсси в последний раз толкнула свою плетёную сумку, чтобы запихнуть её в багажник. Она только сейчас поняла, что не хочет, чтобы Портia знала о том, что она остаётся в Новой Англии. Она не могла перенести, чтобы та узнала о её несчастье; это дало бы Портии чувство победы над ней.

Когда Кэсси подняла на неё глаза, то постаралась улыбнуться самой приятной улыбкой в мире.

— Да, — сказала она, бросая беглый взгляд на свою маму, наклонившуюся возле двери водителя, чтобы устроить вещи на заднем сиденье.

— Я думала, что вы останетесь до конца следующей недели.

— Мы передумали.

Она изучала ореховые глаза Портии и была поражена их неприветливостью.

— Не то, чтобы я тут плохо провела время. Это было забавно, — по-дурацки торопливо добавила Кэсси.

Портia убрала волосы цвета соломы со своего лба.

— Возможно, вам лучше с этого момента не появляться у нас здесь на западе, — сказала она, — Мы тут не любим лгунов.

Кэсси открыла рот и снова закрыла, её щёки пылали. Значит, они знали о её обмане на берегу. Сейчас настал момент для одного из тех сногшибательно-остроумных замечаний, которые она придумывала ночью, чтобы высказать Портии, но, конечно, Кэсси не могла собраться со словами. Она крепко сжала губы.

— Счастливого пути, — закончила Портia и, одарив её холодным взглядом, пошла прочь.

— Портia!

В животе у Кэсси затянулся узел из напряжения, смутения и гнева, но она не могла упустить шанс.

— Прежде чем я уеду, можешь сказать мне одну вещь?

— Какую?

— Теперь, наверно, это не имеет никакого значения — и я просто хочу знать... я просто подумала... знаешь ли ты его имя?

— Чьё?

Кэсси почувствовала новый прилив крови к щекам, но упорно продолжала:

— Его имя. Рыжеволосого парня. Того на берегу.

Ореховые глаза не дрогнули. Они продолжали смотреть прямо на Кэсси, зрачки сократились до маленьких точек. Изучая эти глаза, Кэсси знала, что нет никакой надежды.

Она была права.

— Какой рыжеволосый парень на берегу?

Портia произнесла это отчётливо и спойконо, а затем повернулась на своих каблуках и направилась прочь. На этот раз Кэсси позволила ей уйти.

Зелень. Это то, что заметила Кэсси, уезжая с Кейпа на север. Лес протянулся с обеих сторон от шоссе. В Калифорнии ей бы пришлось пойти в национальный парк, чтобы увидеть деревья такой высоты...

— Это — сахарные клёны, — сказала её мать с наигранной жизнерадостностью, когда Кэсси немного повернула голову, чтобы проследить за особенно изящными деревьями.

— А те, более низкие, — красные клёны. Они станут красными осенью — и будут словно алый закат. Только подожди и увидишь...

Кэсси не ответила. Она не хотела смотреть на эти деревья осенью, потому что не хотела быть здесь.

Они проехали через Бостон и поехали дальше вдоль побережья — северного берега, — с яростью поправила себя Кэсси. Она наблюдала, как проносятся мимо странные небольшие города, пристани и скалистые пляжи. Она подозревала, что они следовали по этому живописному маршруту специально, и чувствовала кипящее в груди возмущение. Почему нельзя просто быстро добраться и покончить с этим?

— А нет более короткого пути? — спросила она, открывая бардачок и доставая оттуда карту, прилагаемую компанией проката автомобилей.

— Почему бы нам не поехать по Шоссе 1? Или по Федеральной Автострате № 95?

Её мать смотрела на дорогу.

— Прошло много времени с тех пор, когда я ездила сюда, Кэсси. Это единственный путь, который я знаю.

— Но если мы срежем путь здесь через Салем...

Кэсси наблюдала, как они проехали поворот.

— Хорошо, не надо, — сказала она.

Из всех мест в Штате Массачусетс, Салем был единственным городом, который она хотела увидеть. Его жуткая история соответствовала сейчас её настроению.

— Это ведь там сжигали ведьм, не так ли? — спросила она, — Нью Салем поэтому так и называли? Там тоже сжигали ведьм?

— Они никого не сжигали; они их вешали. И они не были ведьмами. Всего лишь невинные люди, которых почему-то недолгоблывали соседи.

Голос её матери был уставшим и терпеливым.

— А Салем был обычным названием в колониальные времена. Оно произошло от «Иерусалим» (прим. Jerusalem — Salem)

Карта расплывалась у Кэсси перед глазами.

— Так где же этот город, в конце концов? Я не вижу его здесь, — сказала она.

Некоторое время стояла тишина, прежде чем её мать ответила:

— Это маленький город: весьма часто его не указывают на картах. Но фактически он находится на острове.

— На острове?

— Не волнуйся. Есть мост к материку.

Но всё, о чём могла думать Кэсси, — это остров.

"Я собираюсь жить на острове. В городе, которого даже нет на карте".

На дороге не было никаких указателей. Миссис Блейк свернула с неё, и автомобиль

пересёк мост, а затем они оказались на острове. Кэсси ожидала, что он будет крошечным и её настроение немного поднялось, когда она убедилась в обратном.

Там были настоящие универмаги, а не только туристические магазины, сгруппированные здесь в месте, которое, должно быть, являлось центром города. Были также Данкин Доунатс (прим. перевод. — сеть закусочных быстрого питания) и Международный Дом Оладий (прим. — фирменное название сети экспресс-блинных компании) с вывеской, сообщающей о грандиозном открытии заведения.

Перед ним, танцуя, стоял кто-то, наряженный в костюм гигантского блина.

Кэсси почувствовала небольшое облегчение. Любой город, где есть танцующий блин, не может быть таким уж плохим, ведь правда?

Но затем её мама свернула на другую дорогу, которая шла вверх и становилась всё более и более пустынной, поскольку они удалялись от центра города.

Они, должно быть, направлялись на самый дальний конец острова, поняла Кэсси.

Она могла видеть, как солнце отражается красным светом в окнах группы домов на вершине утёса. Дома всё приближались, а Кэсси смотрела на них сначала с беспокойством, затем с сильным волнением, и, наконец, с болезненной тревогой.

Потому что все они были старые. Ужасно старые, не просто старомодные или немного состарившиеся, но древние. И хотя одни были хорошо отремонтированы, другие же выглядели так, словно могли с грохотом упасть и превратиться в щепки в любую минуту.

"Пожалуйста, пусть это будет он", — думала Кэсси, не сводя глаз с приятного жёлтого дома с несколькими башенками и окнами с выступами. Но мама, не сбавляя скорости, проехала мимо него. И следующего, и следующего....

А потом остался только один дом, последний на утёсе, и автомобиль направлялся к нему. Подавленная, Кэсси уставилась на дом, пока они приближались. По форме он напоминал толстую, перевёрнутую верх тормашками букву Т, с одним крылом выходящим к дороге и другим, выходящим назад, на утёс.

Когда они подъехали к заднему крылу, Кэсси увидела, что оно выглядело совсем не так, как фасад. Оно имело покатую крышу и маленькие, неровно размещённые окна, стёкла которых были сделаны из крошечных, ромбовидных стёкол. С этой стороны дом даже не был покрашен, только обит выветрившимися серыми обшивочными досками.

А переднее крыло было окрашено... когда-то давно. И сейчас краска отслаивалась от него тонкими полосками. Два дымохода выглядели потрескавшимися и неустойчивыми, а вся покатая крыша, казалось, просела. На переднем крыле окна были размещены довольно ровно, но большинство из них выглядели так, словно век были не мыты.

Кэсси безмолвно смотрела. Она никогда в жизни не видела более угнетающего дома. Он не мог быть тем самым домом.

— Ну, — сказала её мама тоном наигранной жизнерадостности, выворачивая на покрытую гравием подъездную дорожку, — Это он, дом, в котором я росла. Мы дома.

Кэсси не могла говорить. Переполняющие её ужас, ярость и возмущение росли в ней всё больше и больше, пока она не подумала, что вот-вот взорвётся.

Глава 4 (Перевод: Дашка ۞ Дашка)

Её мама всё ещё говорила в той притворно-радостной манере, но Кэсси могла слышать только обрывки её слов.

— ... изначально крыло было Дореволюционно Грегорианским, полтора этажа... переднее крыло Постреволюционно Грегорианское....

Это продолжалось снова и снова. Кэсси схватилась за ручку двери машины, чтобы открыть её, получая, наконец, полный обзор всего дома. Чем больше она его разглядывала, тем хуже он казался.

Её мама говорила что-то насчет фрамуги (прим. перевод. — это вроде форточки) над входной дверью, она говорила быстро и почти задыхалась:

— ... прямоугольное, не такое как обычные арочные окна над дверью, которые появились позже...

— Я ненавижу это! — закричала Кэсси, перебивая, её голос был слишком громким в тихом воздухе, поразительно громким. Она не имела в виду фрамугу, чем бы это не оказалось.

— Я ненавижу это! — неистово закричала она снова. Её мама, стоявшая позади, не произнесла ни звука, но Кэсси и не обернулась, чтобы взглянуть на неё; она смотрела прямо на дом, на ряды немытых окон и на провисшие карнизы, на абсолютно безобразную массу и ужасающую угнетённость всего здания, и её трясло.

— Это самое уродливое, что я когда-либо видела, и я ненавижу это. Я хочу уехать домой. Я хочу уехать домой!

Она обернулась и увидела побелевшее лицо матери с полными болью глазами, и разрыдалась.

— О, Кэсси, — миссис Блейк дотянулась до неё, перегнувшись через крышу машины. — Кэсси, милая...

В её глазах стояли слёзы, а когда она посмотрела на дом, Кэсси была поражена выражением её лица. Это было похоже на смесь ненависти и страха, такую же сильную, как чувствовала и сама Кэсси.

— Кэсси, милая, послушай меня, — произнесла она, — Если ты действительно не хочешь оставаться...

Она умолкла. Кэсси всё ещё плакала, но слышала шум позади себя. Обернувшись, она увидела, что дверь дома открылась. Пожилая женщина с седыми волосами стояла на пороге, опираясь на трость.

Кэсси обернулась назад.

— Мам? — сказала она жалобно.

Но её мама смотрела на дверь. И медленно, на её лице появилось выражение усталой покорности. Когда она повернулась к Кэсси, в её голосе снова был притворно-радостный тон.

— Это твоя бабушка, дорогая, — сказала она, — Давай не будем заставлять её ждать.

— Мам... — прошептала Кэсси. Это была отчаянная мольба. Но глаза её матери стали пустыми, непроницаемыми.

— Пойдем, Кэсси, — позвала она.

У Кэсси возникло сумасбродное желание броситься к машине и запереться внутри, пока кто-нибудь не придёт и не спасёт её. Но затем, то же самое тяжелое изнеможение, которое опустилось на её маму, казалось бы, стало захватывать и её. Они были здесь. И с этим ничего нельзя было поделать. Она захлопнула дверь машины и молча последовала за мамой к дому.

Женщина, стоявшая в дверях, была просто древней. Настолько старой, чтобы оказаться, по крайней мере, её прабабушкой. Кэсси пыталась обнаружить в ней хоть какое-то сходство с мамой, но не могла найти ни одного.

— Кэсси, это твоя Бабушка Ховард.

Кэсси смогла что-то пробормотать. Пожилая женщина с тростью выступила вперёд, сосредоточив взгляд своих глубоко посаженных глаз на лице Кэсси. В этот миг ненормальная мысль ворвалась в сознание Кэсси:

«Она собирается зажарить меня в духовке».

Но затем она почувствовала руки, обнимающие её, удивительно крепкие объятия. Машинально, она подняла свои руки для ответного жеста.

Её бабушка отступила назад, чтобы взглянуть на неё.

— Кэсси! Наконец-то. После стольких лет.

К неловкости Кэсси, она продолжила смотреть на неё, разглядывая её с чем-то вроде пылкого волнения и беспокойной надежды.

— Наконец-то, — прошептала она снова, будто разговаривая сама с собой.

— Рада тебя видеть, мама, — произнесла мама Кэсси, тихо и официально, и строгие старые глаза отвернулись от Кэсси.

— Александра. О, моя дорогая, прошло столько времени...

Они обнялись, но необъяснимое напряжение витало между ними в воздухе.

— Ну зачем же мы все стоим здесь на пороге? Проходите, проходите обе... — сказала бабушка, вытирая глаза. — Боюсь, что это старое место выглядит довольно убого, но я выбрала для вас лучшие комнаты. Давай сначала отведём Кэсси в её комнату.

В увядающем красном закатном свете внутреннее убранство казалось темным и похожим на пещеру. И всё здесь на самом деле выглядело убого, от потертой обивки кресел до выцветшего восточного ковра на дощатом сосновом полу.

Они медленно поднялись на лестничный пролёт, бабушка Кэсси всё время опиралась на перила, а затем пошли по длинному коридору. Полы скрипели под Кэссиными «Рибоками», а светильники высоко на стенах тревожно мигали, когда мимо них кто-то проходил.

«Кому-то из нас следовало бы захватить канделябр», — подумала Кэсси. В любую минуту она ожидала увидеть крадущееся по коридору привидение.

— Эти светильники — твой дедушка делал к ним проводку, — извинялась бабуля. — Он настоял на том, чтобы сделать всё самому. А вот твоё комната, Кэсси. Я надеюсь, тебе нравится розовый.

Кэсси почувствовала, как округляются её глаза, в то время как бабушка открывала перед ней дверь. Эта спальня была словно из музея. Там была кровать с пологом на четырех столбиках, и с висюльками, спадающими отовсюду: и у изголовья, и в ногах кровати, и даже с полога, все они были сделаны из одной и той же серовато-розовой ткани с цветочным узором. Там были кресла с высокими резными спинками, обитые тканью цвета дамасской розы. На камине с высокой каминной полкой покоились оловянный подсвечник и фарфоровые часы. И еще в комнате было несколько массивных богато сверкающих предметов мебели. Всё это, конечно, было красиво, но настолько чопорно...

— Ты можешь сложить свою одежду сюда — этот сундук из цельного красного дерева, — говорила её бабушка, — он особого дизайна и сделан прямо здесь, в Массачусетсе — это единственный район из всех колоний, в котором делали такие.

«Колонии?» — с удивлением подумала Кэсси, разглядывая украшенную декоративной резьбой крышку сундука.

— А это — твой туалетный столик и твой платяной шкаф... Ты уже смотрела в окна? Я подумала, что тебе может понравиться угловая комната, потому что ты получаешь обзор сразу на юг и на восток.

Кэсси посмотрела. Из одного окна она могла видеть дорогу. А другое окно выходило на океан. Прямо сейчас небо темнело, становилось мрачным, свинцово-серым, точно соответствуя настроению Кэсси.

— Я оставлю тебя тут, чтобы ты могла начать распаковывать вещи, — сказала бабуля. — Александра, я приготовила для тебя зеленую комнату в другом конце коридора...

Мама Кэсси очень быстро, почти робко пожала плечами. И затем Кэсси осталась одна. Наедине с массивной красноватой мебелью, и холодным камином, и тяжелыми занавесками. Она осторожно присела на кресло, потому что боялась кровати. Она подумала о своей спальне дома, с её белой компактной деревянной мебелью и о своих плакатах с Призраком Оперы, и о своем новом CD-проигрывателе, который она купила на заработанные в качестве сиделки деньги. Она покрасила книжную полку в светло-голубой цвет, чтобы выгодно подчеркнуть свою коллекцию единорогов, стоящую на ней. Она коллекционировала единорогов всех видов, у неё были: мягкие набивные, дутые из стекла, керамические, оловянные. Однажды там, дома, Кlover сказала, что Кэсси и сама была похожа на единорога: голубоглазая, застенчивая, и не похожая на всех остальных. И всё это теперь, казалось бы, словно относилось к её прошлой жизни.

Она не знала, как долго просидела там, но спустя некоторое время она обнаружила, что держит в руке кусочек халцедона. Должно быть, она вынула его из кармана, и сейчас Кэсси

крепко сжимала его.

«Если ты когда-нибудь попадешь в беду или будешь в опасности», — подумала она, и волна необъяснимой тоски прокатилась по ней. Затем последовала волна ярости.

«Не глупи, — резко сказала она себе. — Ты не в опасности. И никакой беды с тобой не случится».

У неё был порыв выбросить камень, но вместо этого она просто потерла его о свою щеку, чувствуя прохладную, неровную поверхность его кристаллов. Это заставило её вспомнить его прикосновение — каким нежным оно было, и как оно затронуло саму её душу. Дерзко, она прикоснулась к камню губами и почувствовала, как внезапно начинают пульсировать все клетки её кожи в тех местах, где он дотрагивался до неё. Рука, за которую он держал её, — она всё еще могла чувствовать его пальцы на своей ладони. Её запястье, — она ощущала легкие прикосновения прохладных кончиков пальцев, и как волоски на её руке начинают подниматься. И затем... Она закрыла глаза, и её дыхание остановилось, когда она вспомнила тот поцелуй. Каково бы это было, подумала она, если бы его губы прикоснулись к ней там же, где сейчас дотронулся до неё кристалл? Она позволила своей голове запрокинуться назад, проводя прохладным камнем от её губ вниз по горлу и дальше к впадинке, где бился пульс. Она почти могла почувствовать как он целует её, как не целовал ни один парень, она почти могла представить, что на самом деле там были его губы.

«Я бы позволила тебе, — подумала она, — даже не смотря на то, что не позволила бы кому-то еще... Я бы доверилась тебе...»

Но он оставил её. Внезапно, она вспомнила это, ощутив шок. Он оставил её и ушел, так же, как сделал и другой, самый важный мужчина в её жизни. Кэсси редко думала про своего отца. Она не часто позволяла себе это делать. Он ушел от них, когда она была совсем маленькой девочкой, оставил её маму и саму Кэсси одних заботиться о себе. Мама Кэсси говорила всем, что он умер, но Кэсси она говорила правду: он просто ушел. Может быть, к этому времени он действительно был мертв, а может быть он был где-то еще, с другой семьей, с другой дочерью. Она и её мама никогда этого не узнают. И хотя её мама никогда не говорила о нем, пока кто-нибудь её не спрашивал, Кэсси знала, что он разбил мамино сердце.

«Мужчины всегда уходят, — подумала Кэсси, и её горло заболело. — Они оба оставили меня. И теперь я одна... здесь. Если бы только у меня был кто-то, с кем можно было поговорить... например, сестра... кто-нибудь...»

Её глаза всё еще были закрыты, она позволила руке с кристаллом проскользнуть вниз и упасть на колени. Она была настолько обессилена своими эмоциями, что даже не могла встать, чтобы добраться до кровати. Она просто сидела здесь, дрейфуя по течению в одинокой темноте, пока её дыхание не замедлилось, и она не провалилась в забытие.

В ту ночь Кэсси приснился сон — или, возможно, это и не было сном. Ей приснилось, что её мама и бабушка пришли к ней в комнату, двигаясь бесшумно, почти скользя по полу. В этом сне она знала об их присутствии, но не могла двигаться, пока они поднимали её из кресла, раздевали и укладывали на кровать. Затем они встали у кровати, смотря на неё сверху вниз. Глаза её матери были странными, темными и бездонными.

— Малютка Кэсси, — со вздохом сказала её бабушка. — Наконец-то. Какая жалость...

— Тсс! — резко произнесла её мама. — Она проснется!

Её бабушка снова вздохнула.

— Но ты же видишь, это единственный выход...

— Да, — сказала мама, её голос был покорным и полным смирения. — Я вижу, что от судьбы не уйдешь. И мне не следовало пытаться.

«Это как раз то, о чём я и думала, — осознала Кэсси, когда сон растаял. — Нельзя сбежать от судьбы.»

Она могла смутно видеть как её мама и бабушка идут к двери, и она могла слышать шепот их голосов. Но она не могла различить ни одного слова, пока до её ушей не долетел один свистящий звук.

— ... пожертвовать...

Она не была уверена, кто же из двух женщин произнес это, но шёпот снова и снова эхом отдавался у неё в голове. Даже когда темнота накрыла её, она продолжала слышать это. «Жертва... принести в жертву... пожертвовать...»

Было утро. Она лежала на своей кровати с пологом, а из восточного окна струился солнечный свет. Благодаря ему розовая комната сейчас выглядела как лепесток розы, повернутый к свету. Такой тёплый и сияющий. Где-то снаружи пела птица. Кэсси села. У неё были смутные воспоминания о каком-то сне, но они были неопределёнными и бесформенными. Её нос был заложен — возможно, из-за того, что она плакала, — и она чувствовала легкое головокружение, но всё было не так уж плохо. Она чувствовала себя так, как чувствуют обычно люди, оправившиеся от тяжелой болезни или сильной депрессии, и затем получившие глубокий, восстанавливающий сон: необычайно мирно и немного оторванно от реальности. Спокойствие после бури.

Она оделась. Когда она уже собиралась выйти из комнаты, то заметила на полу приносящий удачу кусочек халцедона, и положила его в карман.

Никто еще, кажется, не проснулся. Даже в дневное время длинный коридор был темным и прохладным, освещенный только окнами с противоположной стороны. Когда Кэсси спускалась в холл, она поняла, что дрожит, а тусклые лампы настенных светильников подмигивали ей, будто выражая сочувствие.

Внизу было светлее. Но там было так много комнат, что когда она попыталась обойти их, то быстро заблудилась. В конце концов, она добралась до прихожей и решила выйти на улицу.

Она даже не думала, почему — но скорее всего, ей просто захотелось увидеть окрестности.

Она шагала по длинной, узкой проселочной дороге, проходя дом за домом. Было еще так рано, что на улице никого не было. И, в конце концов, она пришла к милому желтому дому с башенками.

Наверху, в окне одной из башен горел свет. Кэсси уставилась на него, недоумевая почему, когда вдруг она заметила движение в окне первого этажа, которое было ближе к ней. Это была библиотека или кабинет, а внутри него стояла девушка. Девушка была высокой и стройной, с каскадом невероятно длинных волос, которые затемняли её лицо, так как она склонилась над чем-то, лежащим на столе у окна. Эти волосы — Кэсси не могла оторвать от них взгляд. Они были будто лунный и солнечный свет слиты воедино — и в то же время, они были натуральными. Никаких тёмных корней. Кэсси никогда не видела чего-то столь же красивого.

Они были очень близко — Кэсси, стоящая прямо за аккуратной зелёной изгородью за окном, и девушка стоящая прямо внутри, лицом к ней, но смотрящая вниз. Зачарованно, Кэсси наблюдала за тем, что девушка делала за столом. Руки девушки двигались изящно, растирая что-то в ступке. Специи? Что бы это ни было, движения девушки были быстрыми и ловкими, а её руки красивыми и гибкими.

И у Кэсси было страннейшее чувство...

«Если только эта девушка поднимет глаза, — подумала она. — Просто выглянет из своего собственного окна. Если только она это сделает, тогда... что-то случится».

Кэсси не знала что, но её кожа покрылась мурашками. У неё было такое ощущение связи, ощущение... родства. Если только девушка поднимет глаза...

"Закричи. Брось камень в окно".

И Кэсси на самом деле принялась искать камень, когда снова заметила движение. Девушка со сверкающими волосами повернулась, как будто отвечая кому-то, кто позвал её внутри дома. Кэсси мельком увидела красивое юное лицо, но только на короткий миг. Затем девушка совсем отвернулась и поспешила выйти из комнаты, её волосы развевались за ней словно шелковое полотно.

Кэсси выдохнула.

«Это всё равно было бы глупо, — говорила она себе по пути домой. — Хороший способ представиться соседям — бросать в них камни».

Но ощущение сильного разочарования осталось. Она чувствовала, что так или иначе у неё не будет другого шанса — что она никогда не наберётся смелости представиться этой девушке. Несомненно, у такой красавицы и без Кэсси хватало друзей. И, несомненно, все они вращались в совершенно иных кругах.

После солнечного дома в Викторианском стиле, унылый и старомодный бабушкин дом выглядел даже еще хуже. Безутешно, Кэсси подошла к отвесному берегу, чтобы посмотреть на океан.

Голубой. Цвет был такой насыщенный, что она даже не знала, как его описать. Она наблюдала за тем, как вода плещется вокруг тёмной скалы и чувствовала странное волнение. Ветер сдувал её волосы назад, а она смотрела, как утреннее солнце сверкает на волнах. Она чувствовала... снова родство. Как будто что-то разговаривало с её кровью, с чем-то глубоко внутри неё. Что же это такое с этим местом... и с той девушкой? Она чувствовала, что почти может понять это...

— Кэсси!

Вздвогнув, Кэсси огляделась. Её бабушка звала её с порога старого крыла дома.

— С тобой всё хорошо? Ради бога, отойди от края!

Кэсси посмотрела вниз и немедленно ощутила приступ головокружения. Пальцы её ног были уже почти над обрывом.

— Я не понимала, что была так близко, — сказала она, отступая назад.

Её бабушка вгляделась в неё, затем кивнула.

— Ну, тогда отходи оттуда, а я приготовлю тебе что-нибудь на завтрак. Ты любишь блинчики?

Немного смутившись, Кэсси кивнула. У неё еще остались смутные воспоминания о том сне, из-за которых она теперь чувствовала себя неудобно, но сегодня утром ей определённо было лучше, чем вчера. Она вошла в дом вслед за бабушкой через дверь, которая была гораздо массивнее и толще, чем простые современные двери.

— Это парадный вход самой старой части дома, — объяснила бабуля. Кэсси заметила, что сегодня у старушки не было особых проблем с ногой.

— Странно, что эта дверь ведёт прямо на кухню, правда? Но так было принято в те дни... Что же ты стоишь, присядь, пока я делаю блинчики.

Но Кэсси застыла в изумлении. Эта кухня была не похожа ни на одну кухню, которую она когда-либо видела. Там была газовая плита и холодильник, и даже микроволновка, примостившаяся на деревянной полке... но всё остальное было словно из какого-то фильма. Главное место в кухне занимал огромный открытый камин, такой же большой, как и целая гардеробная, и хотя в нём сейчас не было огня, толстый слой пепла на дне камина свидетельствовал о том, что иногда его всё-таки использовали. Внутри камина на железной перекладине висел железный котелок. Над камином были развешаны веточки засушенных растений и цветов, которые источали приятный аромат.

А что касается женщины у камина...

Предположительно, все бабушки должны быть румяными и уютными, с мягкими морщинками на лице и довольно приличными банковскими счетами. Но эта женщина выглядела сгорбленной и грубой, с её седеющими волосами и выпуклой родинкой на щеке. Кэсси почти ожидала, что она сейчас подойдет к железному горшку и, помешивая его содержимое, будет тихонько бормотать «Пламя, взвейся и гори! Наш котёл, кипи, вари!» (прим. перевод. — тут имеется в виду ведьминская песенка).

Сразу же после того, как Кэсси об этом подумала, ей стало стыдно.

«Это же твоя бабушка, — сказала она себе укоризненно. — Твоя единственная живая родственница кроме мамы. И это не её вина, что она старая и безобразная. Так что не сиди тут просто так. Скажи что-нибудь приятное».

— О, спасибо, — произнесла она, когда её бабушка поставила перед ней тарелку горячих блинчиков. Затем добавила:

— Э, а там над камином, это — засушенные цветы? Они хорошо пахнут.

— Лаванда и иссоп, — сказала бабушка. — Когда закончишь есть, я покажу тебе мой сад, если хочешь.

— С удовольствием, — искренне ответила Кэсси.

Но когда бабушка вывела её во двор, после того как Кэсси позавтракала, картина, представшая перед ними была очень далека от ожиданий Кэсси. Там были какие-то цветы, но по большей части «сад» выглядел просто как сорняки и кустарники — ряд за рядом переросших неухоженных сорняков и кустарников.

— О, как мило, — сказала Кэсси. Может просто старушка была слишком дряхлой. — Какие необычные... растения.

Её бабушка одарила её проницательным, изумленным взглядом.

— Это целебные травы, — ответила она. — Вот это — лимонная мята. Понюхай.

Кэсси взяла листик в форме сердечка, такой же морщинистый, как и лист обычной мяты, но немного больше, и вдохнула его аромат. У него был запах только что очищенного лимона.

— Это здорово, — сказала она удивленно.

— А это — щавель щитковидный, попробуй.

Кэсси осторожно взяла маленький, округлый листочек и откусила с края. Вкус был резким и освежающим.

— Хорошо, прямо как обычный щавель! — воскликнула она, посмотрев на бабушку, которая сейчас улыбалась.

— А это что? — спросила Кэсси, указав на несколько ярких желтых нераспустившихся бутонов цветов, и снова откусила листочек.

— Это пижма. А те цветы, что выглядят как белые маргаритки — пиретрум девичий. Листья пиретрума хороши для салатов.

Кэсси была заинтригована.

— А что начеет этих? — она показала на кремовые цветы, которые вились на других кустах.

— Жимолость. Я выращиваю её просто потому, что она хорошо пахнет. Пчелы её любят, и бабочки тоже. Весной здесь настоящее столпотворение вокруг неё.

Кэсси протянула руку, чтобы сорвать ароматный стебель нежного цветочного бутона, но затем остановилась.

— А можно мне... Я бы хотела взять несколько для моей комнаты. То есть, если ты не возражаешь.

— О, да ради бога! Бери столько, сколько хочешь. Они здесь для этого и растут.

«А она на самом деле совсем не старая и не безобразная, — подумала Кэсси, срывая стебли кремовых цветов. — Она просто... другая. А «другая» совсем не обязательно означает «плохая».

— Спасибо, бабушка, — сказала она, когда они вернулись в дом. Затем она снова открыла рот, чтобы спросить о жёлтом доме и о том, кто там живет. Но бабуля взяла что-то со стола рядом с микроволновкой.

— Вот, Кэсси. Это пришло для тебя вместе с почтой вчера. — Она протянула Кэсси два буклета в картонных обложках, один красный и один белый.

Один гласил: «Справочник старшей школы Нью Салема для учеников и родителей», а другой — «Программа занятий старшей школы Нью Салема».

«О боже мой, — подумала Кэсси. — Школа».

Новые коридоры, новые шкафчики, новые кабинеты, новые лица. Между буклетами был втиснут еще какой-то листочек бумаги с напечатанной наверху кричащей надписью «Расписание Уроков». А под этой надписью стояло её имя, с её адресом, гласившим «Нью Салем, Краухэвен Роуд, дом 12».

Она подумала, что её бабушка, возможно, не такая уж и плохая. И даже дом может оказаться не таким ужасным. Но как насчет школы? Как она вообще сможет встретиться лицом к лицу с новой школой здесь, в Нью Салеме?

Глава 5 (Перевод: Альбина ★-AnGeL♥4eK-★ Хайруллина и Дашка ☪ Дашка)

Серый кашемировый свитер или сине-белый кардиган, вот в чем был вопрос. Кэсси стояла перед зеркалом в золоченой раме, прикладывая на себя сначала один, затем второй. Синий кардиган, решила она; синий был ее любимым цветом, и он хорошо подчеркивал ее голубые глаза. Пухлые херувимы наверху старомодного зеркала, казалось, согласились, улыбаясь ей одобрительно.

Теперь, когда первый учебный день фактически наступил, Кэсси обнаружила, что она была взволнована. Конечно, она также и нервничала, но это не был абсолютный и безнадежный страх, который она ожидала почувствовать. Было что-то интересное и волнующее в начале обучения на новом месте. Это походило на новый старт ее жизни. Возможно, она создаст себе новый образ. Там, дома, её друзья, вероятно, описали бы её как "милая, но застенчивая" или "забавная, но отчасти тихая". А здесь ее никто не знал. Может быть, в этом году она будет Кэсси — Экстраверт или даже Кэсси — Тусовщица. Возможно, она даже будет достаточно хороша для той девушки с блестящими волосами. От этой мысли сердце Кэсси забилось чаще.

Всё зависело от первых впечатлений. Было жизненно важно, чтобы ей удалось хорошее начало. Кэсси надела синий свитер и с тревогой снова проверила отражение в зеркале.

Она хотела бы также сделать что-нибудь со своими волосами. Они были мягкими и вились красивыми локонами, с милыми обесцвеченными прядями, но ей хотелось бы уложить их в более волнующую прическу. Как у девушки в этой рекламе — она поглядела на журнал, открытый на туалетном столике. Она купила его специально, когда ездила в город на прошлой неделе, чтобы узнать о новой школьной моде. Она никак не могла набраться храбрости и снова приблизиться к желтому Викторианскому дому, хотя она медленно объезжала его на бабушкином Фольксвагене «Рэббит», напрасно надеясь «случайно» наткнуться на ту девушку.

«Да, завтра я уложу свои волосы так, как у этой модели из рекламы», — решила Кэсси.

И только она собралась сделать шаг в сторону, как что-то на противоположной странице журнала привлекло её внимание. Колонка гороскопа. Ее знак зодиака — Рак, казалось, глядел прямо на нее. Автоматически, её взгляд скользнул дальше, на слова после заголовка.

«Это мерзкое чувство опасности появиться у вас снова. Пришло время для позитивных мыслей! Если это не сработает, помните, что ничто не длится вечно. Постарайтесь не наломать дров в своих личных отношениях в этом месяце. У Вас уже есть достаточно сил, чтобы со всем справиться».

«Гороскопы — такой мусор», — подумала Кэсси, резко захлопнув журнал. Ее мать всегда так говорила, и это было верно. "Мерзкое чувство опасности" — одного этого сообщения было достаточно, чтобы почувствовать в себе неуверенность и тревогу! И в этом не было ничего сверхъестественного.

Но если она не верит в сверхъестественное, то что тогда делает в её рюкзаке, в отделении на молнии, тот счастливый талисман из халцедона? Стиснув зубы, она вынула его и положила в свою шкатулку для драгоценностей, а затем спустилась вниз, чтобы попрощаться.

Школа была внушительным трехэтажным зданием из красного кирпича. Настолько внушительным, что после того, как Кэсси припарковала Рэббита, она почти боялась подойти чуть ближе. Там было несколько узких тропинок, ведущих вверх на холм, и, наконец,

собравшись с духом, она выбрала путь. Добравшись до вершины, у неё просто перехватило дыхание, и всё, что она могла — это только смотреть.

Боже, школа похожа на колледж или что-то в этом роде. Как исторический памятник. На рельефном камне фасада можно было прочесть — «СРЕДНЯЯ ШКОЛА НЬЮ-САЛЕМА», а ниже был своего рода герб со словами «Город Нью-Салем, Зарегистрировано в 1693 г.»

Было ли это датой основания города? Значит, сейчас ему триста лет? А в Резеде (прим. — родной город Кэсси), — самым старым зданиям было, возможно, лет пятьдесят.

«Я не стесняюсь», — сказала себе Кэсси, заставляя себя идти вперед. — «Я — Кэсси — Уверенная».

Невероятно громкий рёв заставил ее оглянуться, а инстинкт — отскочить в сторону как раз вовремя, чтобы избежать наезда. Сердце бешено колотилось, она стояла и таращила глаза на то, что чуть не сбило ее. Это был мотоцикл на велосипедной дорожке. Но еще более удивительным было то, что его наездница — девчонка. Она была одета в плотные обтягивающие черные джинсы и куртку мотоциклиста, а ее стройное, спортивное тело выглядело по-хулигански угрожающим.

Но когда она обернулась, припарковав свой байк на стоянке для велосипедов, Кэсси увидела, что лицо у нее было восхитительно красивым. Оно было маленьким и женственным, обрамленное темными спадающими кудрями, и омрачено лишь угрюмым, воинственным выражением.

— Чего уставилась? — внезапно потребовала девушка.

Кэсси вздрогнула. Наверно, она и правда слишком пристально её разглядывала. Девушка сделала шаг вперед, а Кэсси, сама того не понимая, отступила назад.

— Извини, я не хотела... — Она попыталась отвести взгляд, но это было трудно.

Под курткой на девушке был надет откровенный черный топ с глубоким вырезом, и Кэсси мельком увидела что-то, очень похожее на маленькую татуировку, чуть выше над тканью. Тату в виде полумесяца.

— Я сожалею, — снова беспомощно произнесла Кэсси.

— Тебе лучше держаться подальше от меня, понятно?

«Ты сама чуть не сбила меня», — подумала Кэсси. Но она лишь поспешно кивнула, и к ее огромному облегчению, девушка отвернулась.

«Боже, какое ужасное начало для первого дня в школе», — думала Кэсси, спеша ко входу, — «И первый разговор был тоже ужасным. Ну, по крайней мере, после такого старта, всё непременно должно пойти в лучшую сторону».

Все подростки вокруг нее приветствовали друг друга, выкрикивая «приветы», девушки хихикали и обнимались, парни шумели. Это была взволнованная суматоха, и все, казалось, знали друг друга.

Кроме Кэсси... Она стояла, глядя на свежие стрижки ребят, совершенно новую одежду девушек, вдыхая ароматы большого количества духов и ненужных лосьонов после бритья, и чувствовала себя более одинокой, чем когда-либо в своей жизни.

«Ну же, иди», — сказала она себе строго, — «Не стой на одном месте, пытайся разглядеть в толпе ту девушку, лучше найди свой класс. Возможно, ты встретишь там кого-нибудь такого же одинокого, и вы сможете поболтать. Ты должна выглядеть уверенной, если хочешь, чтобы люди думали о тебе так же».

Ее первый класс писал для публикации, факультатив по английскому языку, и Кэсси были рада, что выбрала его. Ей нравилось творчество, а Программа Курса указывала, что классу будет предоставлена возможность для публикации в школьном литературном журнале и газете. Она работала в газете в своей старой школе, может быть, она сможет и здесь. Конечно, Программа также указывала, что для возможности публикации нужно было зарегистрироваться ещё прошлой весной, и Кэсси никак не могла понять, как же бабушка получила для неё регистрацию непосредственно перед учебой. Возможно, у бабули были

связи с администрацией или что-то в этом роде.

Она нашла класс без особых проблем и выбрала неприметный стол около стены. Комната заполнялась, и у всех, казалось, был кто-то, с кем можно поговорить.

Никто не обратил ни малейшего внимания на Кэсси.

Она начала яростно рисовать каракули на лицевой стороне тетради, пытаясь выглядеть полностью вовлеченной в это, как будто она не была единственной сидящей в одиночестве в этом классе.

— Ты новенькая, не так ли? — Парень перед ней обернулся. Его улыбка была подлинно дружелюбной и ослепительной, и у нее возникло ощущение, что он точно знал, насколько ослепительна она была.

Его волосы были золотисто-каштановые и кудрявые, и было ясно, что, когда он стоял, он был очень высок.

— Ты новенькая, — снова сказал он.

— Да, — ответила Кэсси, и почувствовала ярость, услышав свой дрожащий голос. Но этот парень был настолько красив...

— Я — Кэсси Блейк. Только что переехала сюда из Калифорнии.

— А я Джеффри Лавджой, — сказал он.

— О, — сказала Кэсси, пытаясь, чтобы это звучало так, будто она слышала о нем прежде, так как этого он, казалось, и ожидал.

— Центровой в команде по баскетболу, — сказал он. — А также капитан.

— О, как здорово.

«О, как глупо». Она должна была придумать ответ получше, чем этот. Она казалась тупой.

— То есть, это должно быть действительно интересно.

— Ты интересуешься баскетболом? Возможно, мы могли бы обсудить это как-нибудь.

Внезапно Кэсси почувствовала себя очень благодарной ему. Он игнорировал ее промахи, ее неловкость. Хорошо, возможно, ему нравится, когда им восхищаются, но какая разница? Он был красив, и определенно смог бы улучшить ее статус, будь она замечена с ним в районе школы.

— Было бы прекрасно! — сказала она, жалея, что не могла придумать другое слово.

— Может быть, может быть за ланчем...

Тень упала на нее. Или, по крайней мере, ей так показалось. В любом случае, она внезапно ощутила присутствие постороннего, и это заставило её беспомощно затихнуть. Она посмотрела наверх, широко раскрыв глаза.

Рядом стояла девушка, ярче которой Кэсси никогда не встречала. Высокая, красивая девушка, стройная и с роскошными формами. У нее была грива черных, как смоль волос, а ее бледная кожа светилась уверенностью и властью.

— Привет, Джеффри, — сказала она. Ее голос был низким для девушки; ярким и почти что хриплым.

— Фэй, — голос Джеффри, в отличие от неё, был заметно не восторженным. Он выглядел напряженным. — Привет.

Девушка наклонилась над ним, одной рукой опираясь на его стул, и Кэсси уловила аромат пьянящих духов.

— Я не видела тебя большую часть летних каникул, — сказала она. — Где ты был?

— Везде, — беспечно ответил Джеффри. Но его улыбка была натянутой, и всё тело теперь находилось в напряжении.

— Тебе не следовало вот так прятаться. Непослушный мальчик!

Фэй наклонилась ближе. Она была одета в топ с открытыми плечами. Этот топ открывал взору Джеффри довольно много. Но Кэсси не могла отвести взгляда от лица девушки. У нее были чувственные, пухлые губы и необычайные медового цвета глаза. Они, казалось, почти пылали странным золотым светом.

— Знаешь, на этой неделе новый фильм ужасов в кинотеатре Капри, — сказала она. —

Мне нравятся фильмы ужасов, Джеффри.

— Я могу взять их в прокате, — ответил он.

Фэй хихикнула, глубокий, тревожный звук.

— Возможно, ты еще не смотрел их с правильной девушкой, — прошептала она. — При надлежащих обстоятельствах, я думаю, что они могут быть очень... стимулирующими.

Кэсси почувствовала, как кровь приливает к её щекам от смущения, хотя едва ли понимала почему.

Джеффри облизал свои губы, выглядя очаровательно, но также и испуганно. Как кролик в ловушке.

— Я собирался взять Салли с собой в Глоустер на этих выходных, — начал он напряженным голосом.

— Нуу, тебе просто придется сказать Салли, что... кое-что произошло, — ответила Фэй, стреляя глазками. — Ты можешь заехать за мной в субботу в семь вечера.

— Фэй, я...

— О, и не опаздывай, ладно? Терпеть не могу, когда мальчики опаздывают.

За всё это время девушка с черными волосами даже не взглянула на Кэсси. Но теперь, когда она выпрямилась, чтобы уйти, она посмотрела. Взгляд, обращенный на Кэсси, был хитрым и таинственным, как будто она точно знала, что Кэсси всё слышала, и что он ей понравился. Затем она снова повернулась к Джеффри.

— О, кстати, — сказала она, поднимая руку в вялом жесте, демонстрируя свои длинные красные ногти, — она тоже с Краухэвен Роуд.

У Джеффри отвисла челюсть. Он на секунду уставился на Кэсси с выражением шока и отвращения, а затем быстро повернулся к передней части класса.

Фэй хихикала, пока шла к своему месту в самом конце классной комнаты.

«Что происходит?» — дико подумала Кэсси. Какая разница, где она жила? Единственное, что она могла теперь видеть у Джеффри-ослепительная-улыбка — это его неподвижная спина.

У нее больше не было времени думать о чем-то еще, потому что заговорил учитель. Он был спокойным мужчиной с седой бородой и очками. Он представился как мистер Хамфриз.

— И так как у вас всех был шанс наговориться в течение летних каникул, то теперь я даю вам возможность творить, — сказал он. — Я хочу, чтобы каждый из вас написал стихотворение, прямо сейчас, спонтанно. Позже мы прочитаем некоторые из них вслух. Стихотворение может быть о чем угодно, но если у вас возникли проблемы с идеями, то напишите о своих снах.

В классе раздались стоны, которые постепенно превратились в тишину и скрип ручек. Но Кэсси склонилась над своей тетрадью с быстро колотящимся сердцем. Смутное воспоминание о странном сне, который она видела на прошлой неделе, вторглось в её сознание, том самом, в котором её мама и бабушка стояли над ней. Но ей не хотелось писать об этом. Ей хотелось написать о нём.

Спустя несколько минут она небрежным почерком написала одну строчку. А когда мистер Хамфриз объявил, что отведённое время вышло, у неё уже был стих, и, перечитывая его снова и снова, она чувствовала лёгкую дрожь от восторга. Стих был хорош, ну или, по крайней мере, она так думала.

А что если учитель вызовет её прочитать его вслух? Она не хотела бы этого, конечно, но что если бы он заставил её, и что если кому-нибудь в классе он бы понравился, и этот кто-нибудь захотел бы потом поговорить с Кэсси после уроков? Возможно, её стали бы расспрашивать о парне, про которого был стих, и тогда она могла бы рассказать им загадочную и романтическую историю о нём. Возможно, ей бы удалось заработать себе репутацию такой мистической и романтической особы. И тогда, возможно, девушка из Викторианского дома услышит о ней...

Мистер Хамфриз вызывал добровольцев. Как и ожидалось, никто не поднимал рук... пока кто-то с задней парты этого не сделал.

Учитель колебался. Кэсси обернулась и увидела, что у поднятой вверх ладони были пальцы с длинными красными ногтями.

— Фэй Чемберлен, — сказал, наконец, мистер Хамфриз.

Он присел на краешек своего учительского стола, в то время как высокая, яркая девушка подошла и встала возле него, но у Кэсси было страннейшее чувство, что учитель сейчас отодвинулся бы от неё как можно дальше, если б мог. Почти осязаемое напряжение наполнило классную комнату, и все глаза повернулись к Фэй.

Она откинула назад гриву своих черных волос и передёрнула плечами, отчего её топ съехал еще чуть ниже. Вскинув голову, она медленно улыбнулась классу и показала листок бумаги.

— Вот моё стихотворение, — лениво произнесла она своим сиплым голосом, — Оно об огне.

Шокированно, Кэсси посмотрела на своё собственное стихотворение, лежавшее перед ней на парте. Затем голос Фэй вновь привлёк её внимание:

- Мне снится сон про пламя огня,
Как его языки охватили меня...
Словно факел пылают волосы мои
А тело горит для тебя, посмотри
Ты просто дотронься скорей до меня
И пальцев своих уж не сможешь отнять
Ты станешь обуглен, как пепел, дотла
Но улыбаясь, ты тоже станешь частью огня
(перевод стиха: Дашка ؎ Дашка)

Пока весь класс сосредоточено смотрел на неё, Фэй достала спичку и каким-то образом — Кэсси не могла точно разглядеть, как — умудрилась зажечь её. Она поднесла её к листку, и огонь перекинулся на бумагу. Затем, медленно ступая, она подошла и встала прямо напротив Джеффри Лавджоя, нежно размахивая горящим листком перед его глазами.

В классе стали раздаваться крики, свист и хлопанье по партам. Многие из учеников выглядели испуганными, но большинство парней казались также и очень восторженными. Некоторые девчонки выглядели так, будто бы им тоже хотелось повторить что-то подобное. Раздались возгласы:

— Джеффри, смотри, вот что бывает, когда ты такой милашка!

— Не уппусти шанс, чувак!

— Берегись, Джефф, Салли узнает об этом!

А Джеффри просто прирос к месту, и его шея уже начинала медленно краснеть.

Когда пламя листка уже почти доставало до пальцев Фэй, она плавной походкой отошла от Джеффри, и бросила лист в металлическую урну возле учительского стола. Кэсси восхитило то, что мистер Хамфриз даже не вздрогнул, когда в мусорке что-то вспыхнуло с новой силой.

— Спасибо, Фэй, — сказал он невозмутимо, — Класс, я думаю, мы можем назвать то, что мы только что увидели, примером... живой поэзии. А завтра мы займёмся поэзией в более традиционном смысле. Все свободны.

Фэй вышла за дверь. На мгновение повисла пауза, а затем все вдруг начали быстро собираться, будто бы кто-то отпустил пружину. Джеффри схватил свою тетрадь и быстро ушёл.

Кэсси посмотрела на свой собственный стих. Огонь. Она и Фэй обе написали об одном и том же...

Внезапно, она выдернула листок и, скомкав его в шарик, закинула в свой рюкзак.

Хватит мечтать о том, чтобы стать романтической и загадочной. Если рядом находится такая девушка, как Фэй, то кто вообще заметит Кэсси?

«И всё равно они все, кажется, побаиваются её», — подумала она. — «Даже учитель. Почему он не оставил её после уроков и даже не сделал предупреждения? Или поджигать корзины для мусора считается нормальным делом в Нью Салеме?

И почему Джеффри позволил ей так к себе приставать? И какое ей дело до того, где я живу, ради всего святого?»

Она настолько нервничала, что в коридоре ей пришлось остановить хоть кого-то и спросить, где находится класс С310.

— Он на третьем этаже, — ответила девушка, — Все занятия по математике проходят там. Поднимись по этой лестнице...

— Эй! Осторожно! Поберегитесь все! — прервал её чей-то крик. Что-то со свистом несло по коридору, раскидывая учеников направо и налево со своего пути. Двое непонятно-кого. Ошарашенная Кэсси увидела, что это были два парня на роликах, которые смеялись и орали, пока продирались сквозь толпу. Кэсси смогла разглядеть спутанные светлые волосы длиной до плеч и миндалевидные зелёно-голубые глаза, когда один из роллеров проехал мимо. И затем она увидела то же самое, когда и второй промчался перед ней. Мальчишки были одинаковыми, за исключением того, что на одном была надета футболка с надписью «Megadeath» (прим. — американская трэш-метал группа), а на другом «Motley Crüe» (прим. — это скандальная американская хард-рок-группа).

Эти двое сеяли хаос повсюду, выбивая книги из рук учеников и хватая девчонок за одежду. Когда они достигли конца коридора, один из них схватился за миниюбку симпатичной рыжеволосой девушки и резко задрал её до самой талии. Девушка пронзительно завопила и выронила из рук сумку, чтобы опустить юбку.

— Почему никто ничего не делает? — выпалила Кэсси. «В этой школе что, все сумасшедшие?» — Почему никто не остановит их... или доложит о них... или...

— Ты издеваешься? Это же братья Хендерсон! — сказала та девушка и пошла вслед за подругой. Кэсси услышала обрывок фразы, брошенной через спину:

— ... даже не знает о Клубе....

И обе девушки обернулись на неё, а затем ушли.

Что за Клуб? Та девчонка произнесла это так, будто само это слово подразумевало написание с большой буквы. Что общего может быть у какого-то клуба с нарушением школьных правил? Что это вообще за место?

Прозвенел звонок, и Кэсси теперь поняла, что уже опаздывает на свой следующий урок. Она закинула рюкзак за спину и побежала по лестнице.

К ланчу она всё еще ни с кем не обменялась фразами длиннее, чем «хай» и «привет», несмотря на все свои старания. И она нигде не видела той девушки с сияющими волосами, что, конечно, было неудивительно, учитывая количество этажей и коридоров этой школы. В своём теперешнем состоянии неуверенности, Кэсси бы не осмелилась приблизиться к той девушке, если бы увидела её. Тяжелое, печальное чувство поселилось у неё в животе.

И один взгляд на зеркальную стену кафетерия, отражающую смеющихся учеников, заставил её колени подогнуться.

Она не могла смотреть на это. У неё просто не было сил.

Обхватив себя руками, она вышла на улицу и продолжала идти. Она прошла через школьные ворота и пошла дальше. Она не знала куда идёт — возможно, она направлялась домой. Но затем она увидела густую зелёную траву на холме.

«Нет», — решила она, — «Я просто пообедаю здесь».

На полпути вниз, на холме было несколько настоящих скалистых выступов, и она обнаружила, что может удобно устроиться в небольшом углублении как раз за одним из них, куда падала тень от дерева. Камень скрывал от неё школу; это было так, будто школы и вовсе там не было. Она смотрела вниз на крутые ступеньки, ведущие вниз холма, и на дорогу перед ними, но никто сверху не мог увидеть её.

Пока она сидела так, смотря на усеивающие траву одуванчики, напряжение постепенно улетучилось от неё. Ну и что, что утро было не самым удачным? Всё станет лучше сегодня же днём. Ясное голубое небо, казалось, говорило ей это. И камень у неё за спиной — знаменитый в Новой Англии красный гранит — давал ей чувство защищенности. Это было странно, но она почти могла слышать в камне гудение, будто чье-то чрезвычайно ускоренное сердцебиение. Гудение жизни.

«Если я прислонюсь к нему щекой, интересно, что случится?» — подумала она с возбуждением и любопытством.

Её отвлекли голоса. Испуганно, Кэсси встала на колени, чтобы заглянуть за верхушку камня, — и напряглась.

Это была та девушка, Фэй. С ней были еще двое других девушек, и одной из них была та самая байкерша, которая чуть не сбила Кэсси утром. Другой была рыжеватая блондинка с крошечной талией и самой большой грудью, которую Кэсси когда-либо видела у девушек-подростков. Они смеялись и медленно спускались по ступенькам — прямо по направлению к Кэсси.

«Я просто выпрямлюсь и скажу «привет», — подумала Кэсси, но не сделала этого. Воспоминание о тех волнующих медового цвета глазах всё ещё не покидало её. Она продолжала молча сидеть в своём укрытии, надеясь, что они пройдут мимо, спустятся вниз с холма, и пойдут дальше от школы.

Вместо этого они остановились на площадке прямо над Кэсси, сев на ступеньки и вынимая бумажные пакеты с ланчем.

Они были так близко, что Кэсси могла видеть красный камень, сверкающий на шее Фэй. И хотя Кэсси сейчас находилась в тени, если бы она сделала хоть какое-то движение, то они могли бы заметить ее.

Она была в ловушке.

— Кто-нибудь следил за нами, Дебора? — лениво спросила Фэй, копаясь в своём рюкзаке.

Байкерша фыркнула:

— Никто не глуп настолько, чтобы попытаться сделать это.

— Хорошо. Потому что это совершенно секретно. Я не хочу, чтобы вы-знаете-кто услышали об этом хоть что-нибудь, — произнесла Фэй. Она достала блокнот с красной обложкой и положила его к себе на колени. — Так, дайте-ка мне посмотреть, с чего бы нам начать этот год? Мне бы хотелось чего-то очень коварного.

Глава 6 (Перевод: Просто Renna)

— Ну, например, Джеффри..., — предложила рыжеватая блондинка.

— Уже занят, — улыбнувшись, произнесла Фэй. — Я быстрая, Сьюзан.

Сьюзан рассмеялась. От смеха ее выдающаяся грудь затряслась так, что у Кэсси не осталось сомнений — под свитером абрикосового цвета больше ничего не надето.

— Я все так же не вижу смысла тратить время на Джеффри Лавджоя, — скривилась байкерша.

— Ты не видишь смысла тратить время ни на одного парня, Дебора, в этом-то вся твоя проблема, — сказала Сьюзан.

— А твоя проблема в том, что ты не видишь смысла тратить время на что-нибудь, кроме парней, — парировала Дебора. — Но Джеффри хуже других. У него зубов и то больше, чем клеток мозга.

— Меня не его зубы интересуют, — задумчиво сказала Фэй. — А ты, Сьюзан, с кого начнешь?

— Даже не знаю. Так трудно выбрать... Марк Флеминг, Брант Хегервуд или Дэвид Дауни — у нас общий английский, и он за лето приобрел просто обалденное тело. И еще всегда есть Ник...

Дебора присвистнула.

— Наш Ник? Да он обратит на тебя внимание, только если у тебя есть четыре колеса и сцепление.

— К тому же он занят, — с улыбкой сказала Фэй, и Кэсси вспомнились приготовившиеся к прыжку дикие кошки.

— Ты же только что сказала, что хочешь Джеффри...

— Они мне оба пригодятся. Усвой-ка, Сьюзан — у нас с Ником своего рода... соглашение. Так что убери руки и найди себе какого-нибудь миленького аутсайдера, хорошо?

Спустя напряженное мгновение, рыжеватая блондинка пожала плечами.

— Хорошо, я возьму Дэвида Дауни. Ника мне не очень-то и хотелось. Он игуана.

Дебора подняла взгляд.

— Он мой кузен!

— И при этом игуана. Он поцеловал меня на выпускном в прошлом году, и это было все равно, что целоваться с рептилией.

— Может, вернемся к делу? — сказала Фэй. — Кого мы ненавидим?

— Салли Уолтман, — тут же ответила Сьюзан.

— Она считает, что раз уж она президент класса, она может нам перечить. И если ты отобьешь у нее Джеффри, она будет очень зла.

— Салли..., — задумалась Фэй. — Да, нам надо будет придумать что-нибудь по-настоящему особенное для нашей милой Салли... Что случилось, Дебора?

Дебора застыла, глядя на склон холма, ведущий ко входу в школу.

— Непрошенные гости, — сказала она. — Я бы сказала, даже целая делегация.

Кэсси их тоже заметила — группку парней и девушек, спускавшуюся от входа в школу вниз по склону холма. Она почувствовала прилив надежды. Может, пока Фэй и две другие будут заняты с ними, ей удастся ускользнуть незамеченной. Ее сердце забилось быстрее. Она наблюдала за приближением группы.

Широкоплечий парень, бывший скорее всего лидером, заговорил.

— Слушай, Фэй, в столовой полно народу. Так что мы здесь поедим, хорошо? — он начал напористо, но под конец его фраза стала больше похожа на вопрос, чем на утверждение.

Фэй неторопливо окинула его взглядом, потом улыбнулась своей медленной красивой улыбкой.

— Нет, — кратко и мягко сказала она. — Не хорошо, — и отвернулась к своему ланчу.

— Как так? — взорвался парень, все еще пытаясь казаться уверенным в себе. — В прошлом году ты не возражала.

— В прошлом году, — произнесла Фэй, — мы были всего на предпоследнем курсе. Сейчас же мы на последнем, и мы можем быть сколь угодно злыми. Как нам захочется.

Дебора и Сьюзан улыбнулись.

В отчаянии, Кэсси сменила позу. Пока не было ни мгновения, когда бы все три девушки смотрели в другую сторону.

«Давайте же, отвернитесь», — взмолилась она про себя.

Группа парней и девушек постояла еще какое-то время, обмениваясь сердитыми взглядами. Но потом они все-таки развернулись и зашагали обратно к зданию школы — все, кроме одной.

— Э-э, Фэй, это значит, что я тоже должна уйти? — спросила она. Хорошенькая, смущенная девушка... и юная. Наверняка второкурсница, решила Кэсси.

Кэсси думала, что Фэй прогонит ее так же, как и остальных, но, к ее удивлению, та приподняла брови и приглашающе похлопала по земле.

— Почему же, Кори, — сказала она, — конечно, ты можешь остаться. Мы просто думали, что ты предпочтешь кушать в столовой с Принцессой Непорочности и остальными благодетелями человечества.

Кори села.

— Когда добродетели слишком много — это становится скучно, — сказала она.

Фэй склонила голову и улыbnулась.

— А я-то думала, ты у нас маленькая ранимая пуританка. Глупая я, — произнесла она. — Что ж, мы тебе всегда рады. Ты же практически одна из нас, да?

Кори кивнула.

— Через две недели мне будет пятнадцать.

— Ну вот, видите, — обратилась Фэй к другим девушкам. — Она почти готова. Так, о чем мы говорили? О новом фильме ужасов, кажется?

— Да, — ухмыльнулась Дебора. — Том самом, где парень режет людей на куски и делает из них заправку для салата.

Сьюзан в это время разворачивала Твинки (прим. ред. — бисквит с начинкой от фирмы Хостесс).

— Дебора, не надо. Меня сейчас стошнит.

— А меня тошнит от этих твоих штук, — сказала Дебора. — Ты их постоянно ешь. Вот, знаешь ли, что это такое, — сказала она Кори, указывая на грудь Сьюзан. — Две огромные Твинки. Если бы Хостесс разорились, у нее был бы всего-навсего первый размер.

Фэй рассмеялась своим ленивым, грудным смехом, и даже Сьюзан хихикнула. Кори улыbnулась, но выглядела она так, будто бы ей немного не по себе.

— Кори! Мы же не смущаем тебя? — воскликнула Фэй, широко раскрывая свои золотистые глаза.

— Конечно нет, меня не так просто смутить, — возразила Кори.

— Ну, с твоими-то братьями, это неудивительно. Хотя, — продолжила она, — ты кажешься такой юной, знаешь, почти... девственной. Но это же только кажется, да?

Сейчас Кори покраснела. Все три старшеклассницы смотрели на нее с ободряющими улыбками.

— Да, конечно... то есть, это только кажется... я вовсе не такая уж юная, — Кори нервно сглотнула. — Я встречалась с Джимми Кларком этим летом, — защищаясь, добавила она.

— Так почему бы тебе не рассказать нам все в подробностях? — вкрадчиво предложила Фэй.

Кори смутилась еще больше.

— Я... я... думаю, мне пора бежать, у меня физкультура следующим уроком, и мне надо аж в крыло Е. Увидимся! — она поспешно вскочила на ноги и исчезла.

— Странно, она забыла свой ланч, — задумчиво произнесла Фэй, слегка нахмурившись. — Ну что ж, — она достала из пакета с ланчем Кори упаковку кексов и бросила ее Сьюзан. Та рассмеялась.

Дебора, тем не менее, нахмурилась.

— Это было глупо, Фэй. Она нам понадобится позже... практически через две недели. Одно место, один кандидат — помнишь?

— Верно, — согласилась Фэй. — Ну ничего, я ей это компенсирую. Не волнуйся, когда придет время, она будет на нашей стороне.

— Думаю, нам тоже пора, — сказала Сьюзан, и Кэсси за своим камнем с облегчением закрыла глаза. — Мне еще на алгебру на третий этаж подниматься.

— Что может занять несколько часов, — зло сказала Дебора. — Но не торопись пока. К нам еще гости.

Фэй, не оборачиваясь, раздраженно вздохнула.

— И кто теперь? Что нам надо сделать, чтобы тихо и мирно пообщаться между собой?

— Это лично Мадам Президент нашего Класса. Салли. И у нее дым из ушей идет.

Раздражение исчезло с лица Фэй, сменившись чем-то куда более прекрасным и бесконечно опасным. Она все еще сидела, повернувшись спиной к школе, и с улыбкой проверила свои длинные, покрашенные красным лаком, ногти, как кошки пробуют свои

коготки.

— А я-то думала сегодня будет скучно, — произнесла она, прищелкнув языком. — Оказывается, не стоит загадывать. Привет, Салли! — громко сказала она, встав на ноги и повернувшись одним неторопливым движением. — Какой приятный сюрприз. Как прошло лето?

— Побереги слова, Фэй, — ответила девушка, только что спустившаяся вниз по ступенькам. Она была на голову ниже Фэй и более хрупкой с виду, но мышцы на ее руках и ногах были напряжены, а кулаки сжаты, словно бы она приготовилась к драке. — Я не болтать сюда пришла.

— Но мы так давно не общались... Ты подстриглась? Твои волосы выглядят... любопытно.

Кэсси посмотрела на волосы Салли. Они отливали ржавчиной, вились мелким бесом и выглядели так, будто бы девушка переборщила с перманентной завивкой. Когда Салли вскинула руку к волосам, будто бы защищаясь, Кэсси чуть было не хихикнула — если бы все происходящее не было бы таким ужасным.

— Я и не о моих волосах пришла говорить, — отрезала Салли. У нее был пронзительный голос, звучавший все тоньше и тоньше с каждым последующим словом. — Я пришла поговорить о Джеффри. Оставь его в покое!

Фэй улыбнулась. Очень, очень медленно.

— Почему это? — ее голос, контрастируя с голосом Салли, звучал еще ниже и чувственнее. — Боишься, что он может сделать что-нибудь не то, если ты не будешь держать его за ручку?

— Ты его не интересуешь!

— Он так сказал? Хм. Этим утром он казался весьма заинтересованным. Он пригласил меня на свидание в субботу вечером.

— Потому что ты его заставила!

— Заставила? Не хочешь ли ты сказать, что большой мальчик Джеффри не может сказать «нет»? — Фэй покачала головой. — И почему он сам не пришел? Знаешь, что я тебе скажу, Салли, — добавила она, заговорщически понизив голос, — он не очень-то сопротивлялся. Совсем не сопротивлялся.

Салли отвела руку назад, будто замахиваясь для удара, но бить не стала.

— Ты думаешь, что можешь творить все, что угодно, Фэй, ты и ваш Клуб! Что ж, настало время кому-нибудь показать вам, что это вовсе не так. Нас много — очень много — тех, кто устал, что ими помыкают. Настало время постоять за себя.

— Так вот, что ты собираешься делать? — мило спросила Фэй.

Салли кружила вокруг нее, как бульдог, ждущий удобного момента, чтобы вцепиться в жертву, и сейчас девушка стояла спиной к ступенькам, ведущим вниз.

— Да! — агрессивно выкрикнула Салли.

— Забавно, — протянула Фэй, — учитывая то, что это будет не так-то просто сделать, лежа на спине, — с этими словами ее длинные красные ногти метнулись к лицу Салли.

Она так и не коснулась кожи девушки. Кэсси, внимательно наблюдавшая за всем происходящим и отчаянно выискивающая возможность ускользнуть отсюда, была в этом уверена. Но Салли как будто бы что-то ударило. Что-то невидимое, и очень тяжелое. Девушку отбросило назад, и она отчаянно пыталась удержаться на краю площадки. Одно долгое мгновение она зависла в воздухе, пытаясь удержать равновесие руками, но потом начала падать назад.

Кэсси не помнила, что случилось потом. Мгновением раньше она сидела, скрючившись, за своим камнем в полной безопасности, а мгновение спустя она уже бежала к падающей девушке, выталкивая ту на траву. Какой-то миг Кэсси казалось, что они обе скатятся вниз по холму, но все обошлось. Она оказалась прижата к земле телом Салли.

— Пусти! Ты мне кофту порвала! — взвизгнул тонкий голосок, и Салли, упершись кулаком в грудь Кэсси, поднялась на ноги. Кэсси смотрела на нее снизу вверх, приоткрыв

рот от удивления. Да уж, благодарность называется... — а ты, Фэй Чемберлен, пыталась меня убить! Но и тебе достанется то, что ты заслужила, вот увидишь!

— Мне и то, что ты заслужила, достанется, Салли, — пообещала Фэй, улыбаясь, но ее ленивая улыбка не была больше искренне ленивой. Она будто бы скалила зубы.

— Вот увидишь! — с жаром повторила Салли. — Когда-нибудь тебя найдут под этой лестницей со сломанной шеей, — с этими словами она поднялась вверх на площадку, а потом вверх по ступеням, впечатывая ноги в землю с такой силой, будто бы это было лицо Фэй. Она даже не обернулась и никак не прореагировала на Кэсси.

Кэсси медленно поднялась и посмотрела вниз, на длинный, извилистый ряд ступеней, ведущих к подножью холма. Она не могла бы поступить иначе, осознала она. Салли бы повезло, если бы она только шею сломала, скатившись вниз. Но сейчас...

Она повернулась к трем старшекласникам, застывшим над ней.

Они стояли с все той же беззаботной грацией, но под всем этим скрывалась жестокость. Кэсси видела её в мрачной черноте глаз Деборы и в злой ухмылке на губах Сьюзан. Но больше всего жестокости было в Фэй.

Она вдруг осознала, что эти девушки, пожалуй, самые красивые из всех, которых она когда-либо встречала. Дело было даже не в их безупречной коже, которую не коснулась ни одна из обычных подростковых проблем. И не в их прекрасных волосах: растрепанных темных кудрях Деборы, иссиня-черной гриве Фэй или облаке красного золота волос Сьюзан. И даже не в том, как они держались, когда яркая индивидуальность каждой лишь оттеняла индивидуальности остальных, а не затеняла их.

Это было что-то иное, что-то идущее изнутри. Та уверенность в себе, которой не должно быть ни у одной шестнадцати или семнадцатилетней девушки. Внутренняя энергия. Сила.

Это ее пугало.

— Так-так, что это у нас тут? — хрипло произнесла Фэй. — Шпион? Или маленькая белая мышка?

Беги, — подумала Кэсси. Но ноги отказывались ей подчиняться.

— Я видела ее утром, — сказала Дебора. — Она болталась рядом с парковкой и пялилась на меня.

— О, я ее и раньше видела, Дебби, — ответила Фэй. — На прошлой неделе у двенадцатого дома. Она наша соседка.

— В смысле она..., — Сьюзан осеклась.

— Да.

— Кем бы она ни была, теперь она труп, — сказала Дебора. Ее красивое лицо скривилось в злой усмешке.

— Давайте не будем торопиться, — вкрадчиво предложила Фэй. — Даже мыши могут быть полезными. Кстати говоря, давно ты там прячешься?

У Кэсси был один единственный ответ, и она боролась с желанием его произнести. Сейчас было не время для колких фразочек. Но, в конце концов, она сдалась — потому что это было правдой, и потому, что больше ничего ей в голову не пришло.

— Порядочно, — сказала она и зажмурилась.

Фэй неторопливо приблизилась и остановилась прямо перед ней.

— И часто ты подслушиваешь личные разговоры?

— Я сюда раньше вас пришла! — возразила Кэсси, собрав остатки решимости. Если бы еще Фэй перестала на нее так смотреть! Эти медовые глаза будто бы светились сверхъестественным светом, и он фокусировался на Кэсси как луч лазера, вытягивая всю ее волю, всю ее силу.

Фэй будто бы хотела заставить ее что-то сделать... или хотела что-то от нее получить. Это сбивало ее с толку, вышибало из колеи, и делало ее такой слабой...

А потом она ощутила прилив силы, идущей откуда-то снизу, от ее ног. Или же от земли под ее ногами, от красного гранита Новой Англии, того самого, который излучал жизнь

раньше. Это успокаивало ее, заставляло выпрямиться и поднять подбородок, смотреть в эти желтые глаза, не моргая.

— Я сюда первая пришла! — обороняясь, произнесла она.

— Отлично, — пробормотала Фэй, и в ее взгляде промелькнуло что-то странное. Потом она отвернулась. — Что-нибудь интересное в ее рюкзаке?

Кэсси увидела, что Дебора роется в ее рюкзаке, выкидывая вещи одну за другой.

— Да нет, — сказала байкерша, бросая его на землю, так что остатки содержимого рассыпались по склону холма.

— Ладно, — Фэй снова улыбалась, той самой неприятной улыбкой, что делала ее красные губы жесткими. — Думаю, ты была права, Дебора. Она труп, — она взглянула на Кэсси. — Ты новенькая, так что, наверное, не понимаешь, что за ошибку ты совершила. А у меня нет времени тебе объяснять. Но ты узнаешь. Ты узнаешь... Кэсси.

Она подалась вперед и взяла Кэсси за подбородок своими длинными пальцами.

Кэсси хотелось отстраниться, но ее мышцы будто бы онемели. Она чувствовала силу этих пальцев и твердость длинных, загибающихся книзу ногтей.

Как когти, — подумала она. — Как когти хищной птицы.

Впервые она заметила, что на красном камне, который Фэй носила на шее, была звезда. Сапфировая звезда. Она переливалась в солнечном свете, и Кэсси не могла отвести от нее глаз.

Вдруг рассмеявшись, Фэй отпустила ее.

— Пойдемте, — сказала она двум другим девушкам.

Все трое развернулись и поднялись вверх по ступенькам.

Кэсси выдохнула — воздух вырвался из ее легких так, будто бы шарик прокололи. Ее сотрясала дрожь. Это было... Это было совершенно...

«Соберись! Она всего лишь главарь подростковой банды, — сказала она себе. — По крайней мере, секрет Клуба раскрыт. Они всего лишь банда. Ты же слышала о бандах, даже если тебе никогда не приходилось ходить с ними в одну школу. До тех пор пока ты не трогаешь их и не переходишь им дорогу, с тобой все будет в порядке».

Но это самовнушение растворилось в ее сознании. Последние слова Фэй прозвучали как угроза. Но угроза чего?

Когда Кэсси вернулась домой, мамы внизу не было. Она ходила по комнатам, зовя ее, пока, наконец, бабушка не появилась на лестнице. Глядя на выражение ее лица, Кэсси почувствовала, как её желудок сжался.

— Что случилось? Где мама?

— Наверху, у себя в комнате. Она не очень хорошо себя чувствует, но не надо волноваться...

Кэсси бросилась вверх по скрипящим старым ступенькам к зеленой комнате. Мама лежала на широкой кровати с пологом, и ее глаза были закрыты, а лицо — бледным и покрытым капельками пота.

— Мама?

Ее большие черные глаза открылись. Мама сглотнула и болезненно улыбнулась.

— Это просто грипп, — сказала она, и ее голос был тихим и отстраненным. — Я поправлюсь через день или два, милая. Как школа?

Лучшее в Кэсси боролось с желанием выплеснуть ее отчаяние на кого-нибудь еще. Ее мать вздохнула и закрыла глаза, словно бы свет причинял ей боль. Лучшее победило. Кэсси впиалась ногтями в ладони и ровно сказала:

— Нормально.

— Встретила кого-нибудь интересного?

— Можно и так сказать.

Ей не хотелось волновать и бабушку, но за обедом, когда та спросила, почему Кэсси так притихла, слова будто бы сами полились из нее:

— Эта девушка в школе, Фэй, она просто ужасна! Женская версия Атиллы, вождя Гуннов. И в первый же день я умудрилась дать ей повод меня ненавидеть..., — она рассказала все. В конце истории, бабушка смотрела в камин так, будто бы он занимал всё её внимание.

— Все наладится, Кэсси, — произнесла она.

«А что если нет?» — подумала Кэсси.

— Да, конечно, — сказала она вслух.

Потом бабушка сделала то, чего от нее никто не ожидал. Она оглянулась, будто бы смотрела, не подслушивает ли кто, а потом наклонилась вперед:

— Нет, я серьезно, Кэсси. Я знаю. Видишь ли, у тебя есть особое преимущество. Очень, очень особое..., — она понизила голос почти до шепота.

Кэсси в свою очередь подалась вперед.

— Что?

Бабушка открыла было рот, но потом что-то другое привлекло ее внимание. Что-то щелкнуло в камине, и она встала, чтобы помешать дрова.

— Бабушка, что?

— Ты узнаешь.

Кэсси была в шоке. Второй раз за день она слышала эти слова.

— Бабушка...

— С одной стороны, у тебя есть чувства, — сказала она каким-то новым, живым тоном. — И пара неплохих ног с другой. Вот, отнеси бульона своей матери. Она весь день не ела.

Этой ночью Кэсси никак не могла уснуть. Или же это просто страх сковал её, и она замечала еще больше поскрипываний, завываний и других звуков, которые издают старые дома, или же их действительно было больше. Она начинала засыпать, а потом вдруг резко просыпалась. Так часто, что она полезла рукой под подушку, чтобы прикоснуться к счастливому халцедону. Если бы только она могла уснуть... ей бы приснился он...

Она резко села в постели.

Потом встала, шлепая босиком по деревянному полу, дошла до рюкзака и расстегнула его. Выложила вещи, которые подобрала со склона холма одну за одной, карандаш за карандашом, книжку за книжкой. Посмотрела на выложенный на покрывале ряд.

Она оказалась права. Тогда она была слишком напугана угрозой Фэй, чтобы заметить, но стихотворение, которое она написала этим утром, а потом гневно скомкала, исчезло.

Глава 7 (Перевод: Юлия Лазарева)

Первой, кого Кэсси увидела на следующее утро, была Фэй. Высокая девушка стояла с группой людей напротив бокового входа, через который Кэсси хотела незаметно проскользнуть.

Байкерша Дебора и Сьюзан, пышная блондинка, были среди этой группы. Также там были два блондина, которые вчера катались на роликах в холле, и два других парня. Один из них был маленького роста, со скользким, вкрадчивым взглядом и хитрой улыбкой. Второй был высоким, с темными волосами, с красивым, но холодным лицом. Он был одет в футболку и в черные джинсы как у Деборы, и курил.

"Ник?" — подумала Кэсси, вспоминая вчерашний разговор девушек. — "Рептилия?"

Кэсси прижалась к кирпичной стене и скрылась быстро и бесшумно, насколько это было возможно.

Она вошла через главный вход и поспешила на урок английского.

Практически с чувством вины, она провела рукой по своему карману. Было глупо взять его с собой, но благодаря маленькому кусочку халцедона она чувствовала себя лучше. И, конечно же, было глупо думать о том, что он может принести ей удачу, но в то же время, она

ведь не столкнулась лицом к лицу с Фэй, не так ли?

Она заметила свободное место в дальнем углу класса, в другом конце от того места, где вчера сидела Фэй. Кэсси не хотела, чтобы Фэй была где-то поблизости. Здесь, в углу, она будет защищена другими учениками, разделяющими их.

Странно, но как только Кэсси села, вокруг неё тут же стали происходить какие-то перемещения. Она подняла взгляд и заметила, как две девушки пересели вперёд. А парень позади неё отодвинул стул назад.

На минуту она застыла и даже перестала дышать.

"Не будь параноиком. Если люди просто пересаживаются, это еще не значит, что это как-то касается тебя".

Но она не могла не заметить, что теперь вокруг неё образовалось немало пустых парт.

Фэй влетела в класс, разговаривая с напряженным Джеффри Лавджойем. Кэсси бегло взглянула на нее и быстро отвела взгляд.

Она не могла сосредоточиться на лекции мистера Хамфриза. Как она может думать, когда вокруг нее столько свободных мест? Это, должно быть, всего лишь совпадение, но всё равно она продолжала дрожать.

К концу урока, когда Кэсси встала, она почувствовала на себе взгляд. Обернувшись, она заметила Фэй, которая смотрела на нее и улыбалась.

Медленно, Фэй закрыла один глаз, подмигивая ей.

Выйдя из класса, Кэсси направилась к своему шкафчику. Набрав код, она почувствовала, что рядом кто-то стоит, и с ужасом обнаружила невысокого, скользкого парня, который этим утром был вместе с Фэй.

Его шкафчик был открыт, и она заметила несколько рекламных брошюр похожих на брошюры Солофлекс (прим. перевод. — тренажер), приклеенных к двери. Он усмехался ей. Серебряная пряжка на его ремне была украшена блестящими камнями, которыми было выгравировано — Шон.

Кэсси одарила его взглядом, которым она обычно смотрела на маленьких мальчиков, когда

работала сиделкой с детьми дома в Калифорнии. Затем Кэсси открыла свой шкафчик.

И закричала.

Хотя больше это было похоже на глухой, сдавленный вопль, так как ее горло свело от ужаса. В шкафу висела кукла, вокруг ее шеи был обмотан шнурок. Голова куклы причудливо болталась, наклоненная на бок — она была почти оторвана. Один голубой стеклянный глаз был открыт, другой отвратительно застыл в полуприкрытом состоянии.

Создавалось впечатление, что кукла ей подмигивает.

Коротышка пристально смотрел на нее со странным напряженным выражением на лице, казалось, что он упивался ее ужасом. Словно это опьяняло его.

— Ты не собираешься доложить об этом? Разве ты не собираешься пойти в кабинет директора? — спросил он. Его голос был веселым и возбужденным.

Кэсси просто уставилась на него, прерывисто дыша. Наконец, она смогла ответить:

— Да, я пойду, — она схватила куклу и резко дернула за нее, шнурок легко

поддался. Захлопнув дверь шкафчика, Кэсси направилась к лестнице. Кабинет директора находился на втором этаже. Кэсси думала, что ей придется долго ждать, но секретарь провела ее в кабинет, как только та представилась.

— Я могу вам помочь? — директор был высоким мужчиной, со строгим, отталкивающим лицом. Кэсси растерянно заметила, что в кабинете есть камин, и директор стоит напротив него со скрещенными руками за спиной.

— Да, — сказала она. Ее голос дрожал. И теперь она не была такой уверенной в том, что это хорошая идея. — Я новенькая в школе, меня зовут Кэсси Блейк...

— Я в курсе кто ты, — его голос был резким и грубым.

— Ну... — промямлила Кэсси, — Я просто хотела сообщить... Вчера я видела ту девушку, она дралась с другой, и та ее толкнула... — О чем она вообще говорит? Она просто

лепечет. — А я увидела это, и теперь она угрожает мне. Она состоит в том клубе, но главное, что она мне угрожает. А я не собиралась вмешиваться, но сегодня я нашла это в своем шкафчике.

Он взял куклу за край платья, держа ее двумя пальцами, будто Кэсси принесла ему то, что собака отрыла в саду. Его губа скривилась, и в этот момент он напомнил ей Портию.

— Забавно, — сказал он, — Как умес...

Кэсси даже не догадывалась, что это могло значить. Возможно «умес» обозначало «уместно». Но как может быть уместно то, что кто-то вешает куклу в ее шкафчике?

— Это была Фэй Чемберлен, — сказала она.

— О, несомненно, — ответил он, — Я в курсе проблем, которые имеет мисс Чемберлен при общении с другими учениками. У меня даже есть рапорт о вчерашнем инциденте, и о том, как ты пыталась столкнуть Салли Уолтман со ступенек.

Кэсси изумленно глянула на директора, а потом выпалила:

— Я что? Кто Вам это сказал?

— Мне кажется, что это была Сьюзан Уиттиер.

— Это ложь! Я никогда...

— Будь как будет, — перебил ее директор, — Я думаю, что будет лучше, если ли вы научитесь решать такие проблемы между собой, не так ли? Вместо того, чтобы полагаться на чью-то помощь.

Кэсси продолжала на него изумленно смотреть, лишённая дара речи.

— Это все. — Директор выкинул куклу в мусорное ведро, которое отозвалось соответствующим глухим звуком пластика.

Кэсси поняла, что разговор окончен. Больше ничего не оставалось, как просто развернуться и уйти.

На следующий урок Кэсси опоздала. Как только она вошла в класс, все взгляды были устремлены на нее, и на какое-то мгновение она почувствовала вспышку паранойи. Но, по крайней мере, никто не встал и не вышел, когда она заняла свое место.

Она смотрела на примеры, которые решала на доске учительница, и вдруг обратила внимание на то, что ее рюкзак двигается. Он лежал на полу возле ее ног, и краем глаза Кэсси заметила, что темно-синий нейлон становится выпуклым. Она была уверена, что видела это, но когда посмотрела на него, обнаружила, что он неподвижен.

Воображение...

Как только она повернулась к доске, рюкзак снова начал двигаться. Взглянула — неподвижен. Повернулась к доске. Рюкзак начал надуваться, словно в нем что-то извивалось.

Наверно, просто дуновение воздуха или что-то не так с ее глазами.

Очень медленно и осторожно Кэсси занесла ногу над рюкзаком. Смотря на доску, она резко опустила ногу на его “выпуклость”.

Всё, что она почувствовала — это плоскость книги по Французскому.

И только когда она выдохнула, то поняла, что прodelывала все это, затаив дыхание. Ее глаза

закрылись в беспомощном облегчении...

И тут, что-то под ее ногой скрутилось. Она почувствовала это под своим кроссовком. С пронзительным криком Кэсси вскочила на ноги.

— В чем дело? — закричала учительница. Теперь все действительно смотрели на нее.

— Там есть что-то, что-то в моем рюкзаке. Оно шевелится, — Кэсси еле сдержалась, чтобы не вцепиться в руку учительницы. — Нет, не приближайтесь к нему...

Слегка оттолкнув Кэсси, учительница открыла рюкзак, запустила туда руку и достала длинную резиновую змею.

— Это должно быть смешно? — задала вопрос учительница.

— Это не мое, — глупо сказала Кэсси, — Я не положила ее туда.

Она пристально смотрела гипнотическим взглядом на болтающуюся резиновую голову

и на выкрашенный в черный цвет резиновый язык. Она выглядела реальной, но не была таковой. Она была неживой. Она мертва?

— Она шевелилась, — прошептала Кэсси — Я чувствовала, что она шевелится... Мне так кажется. Должно быть, это моя нога соскользнула.

Класс молчаливо наблюдал. Кэсси показалось, она увидела выражение сожаления на лице учительницы, но через секунду оно исчезло.

— Ладно. Давайте вернемся к работе, — сказала учительница, положив змею на свой стол, и вернулась к доске.

До конца урока Кэсси не сводила глаз с этой резиновой змеи. Но она так и не пошевелилась.

Кэсси смотрела на кафетерий через стеклянную дверь. Кафетерий был наполнен смехом и голосами учеников. Урок французского прошел как в тумане. И паранойя того, что люди смотрят на нее, а потом нарочно отворачиваются, продолжала расти.

«Нужно выйти на улицу» — подумала она, но, конечно, это было нелепо. Взять хотя бы то, к чему привела её такая “прогулка” вчера. Нет, сегодня она сделает то, что должна была сделать ранее: подойти к кому-нибудь и спросить может ли она присесть рядом.

«Ладно. Сделай это».

Было бы намного легче, если бы она не чувствовала такого головокружения.

«Недостаток сна», — подумала она.

С полным подносом в руках она остановилась возле двух девушек, которые сидели за квадратным столом на четверых. Они выглядели милыми, но более важным было то, что они выглядели как второкурсницы. Они должны быть рады, что с ними сидит кто-то старший.

— Привет, — она услышала свой собственный голос, непринужденный, но вежливый. — Могу я присесть здесь?

Они переглянулись. Кэсси почти могла видеть этот неистовый обмен мыслями. Одна из них заговорила:

— Конечно... но мы уже уходим. Располагайся, — Она взяла свой поднос и выкинула его содержимое в мусорную корзину.

Другая девушка испугано взглянула на свой, но последовала примеру подруги.

Кэсси показалось, что она вросла корнями в пол.

«Ладно. Это плохо. Но ты выбрала тех, кто уже собирался уходить. Все хорошо. И это не повод для огорчения... Даже если их ланч был наполовину недоеден?»

С огромным усилием она заставила себя подойти к другому столу. Вокруг него сидело шесть человек, но одно место было свободным.

«Не спрашивай, — мысленно сказала она себе, — Просто присядь».

Кэсси поставила свой поднос на свободное место, сняла с плеча рюкзак и села. Ее глаза были словно приклеены к подносу, сосредоточены на кусочке пепперони на ее пицце. Она не хотела выглядеть так, будто нуждается в чем-то разрешении.

Разговор за столом утих, и она услышала звук отодвигающихся стульев.

«О Боже, я не верю в это, я не верю, что это происходит, это неправда...»

Но это была реальность. Ее самый страшный ночной кошмар. И это намного хуже, чем мертвые куклы или резиновые змеи.

В состоянии шока, она подняла свой взгляд. Сидящие за столом забрали свои ланчи и ушли, но в отличие от двух второкурсниц они не стали выбрасывать их, они просто пересели за другие столики, где смогли найти свободные места. Подальше от нее. По крайней мере, насколько это было возможно.

— Мама...?

Она взглянула на закрытые глаза с густыми черными ресницами, на бледное лицо. Она плохо помнила, как вытерпела остаток школьного дня, а когда вернулась домой, ее бабушка сказала, что мама чувствует себя хуже. Не так плохо, чтобы сильно беспокоиться, но все же

хуже. Ей нужна тишина и покой. Она приняла немного снотворного.

Кэсси смотрела на темные круги под закрытыми глазами. Ее мама выглядела больной. И более того, хрупкой. Уязвимой. Такой молодой.

— Мама... — ее голос был молящий, но глухой.

Мама пошевелилась, на мгновение приступ боли исказил ее лицо, а затем оно снова стало неподвижным.

Кэсси почувствовала, что все глубже погружается в оцепенение. Никто не может помочь ей.

Она развернулась и вышла из комнаты.

В своей комнате Кэсси положила кусочек халцедона в шкатулку с украшениями и больше не прикасалась к нему. Хватит уже с неё “удачи”.

Скрип и шум дома не давал ей заснуть и в эту ночь.

В четверг утром в своём шкафчике она обнаружила птицу. Чучело совы. Оно смотрело на нее круглыми жёлтыми сверкающими глазами. Мимо проходил охранник, и она молча указала ему на чучело дрожащей рукой. Он забрал его прочь.

А после полудня Кэсси обнаружила мертвую золотую рыбку. Она свернула листок бумаги в трубочку и с его помощью выкинула рыбку. В течение оставшегося дня она старалась не подходить к своему шкафчику. Она также решила не идти в кафетерий, а обед провела в самом дальнем углу библиотеки.

И именно там Кэсси снова увидела ту девушку.

Девушку с блестящими волосами, девушку, которую она уже отчаялась когда-либо встретить. Было почти неудивительно, что до этого момента Кэсси не встречала ее в школе. Все эти дни Кэсси ходила по школе словно тень, проходя по коридорам с опущенными глазами, и ни с кем не заговаривала. Она не знала для чего вообще ходит в школу. Может просто потому, что больше некуда ходить. И если бы она увидела эту девушку раньше, она бы, наверное, убежала. Мысль о том, что она может быть отвергнута ею, как была отвергнута остальными в школе, была невыносимой.

Но сейчас Кэсси оторвала взгляд от стола в конце библиотеки, за которым сидела, и увидела сияние, словно солнечный свет.

Эти волосы. Они были абсолютно такими же, как Кэсси запомнила их — удивительно длинными и невероятного цвета. Девушка стояла возле стола библиотекарши, улыбаясь и разговаривая с ней. Через все помещение Кэсси могла чувствовать то сияние, которое создавало присутствие девушки. Кэсси ощутила дикое желание вскочить на ноги и подбежать к ней. А потом... что? Она не знала. Но это желание было практически не подвластно ей. Она почувствовала боль в горле, ее глаза наполнились слезами. И тут она поняла, что уже стоит. Она побежит к девушке, а потом, а потом... Образы захватили ее разум: вот ее обнимала мама, когда она была маленькая, промывая ее разбитую коленку, вот она целует ее. Утешение. Спасение. Любовь.

— Диана! — Другая девушка направлялась к столу библиотекарши, — Диана, ты что, не знаешь, сколько сейчас времени? Поторопись!

Она потащила девушку с блестящими волосами за собой, улыбнувшись и помахав библиотекарше. И вот они уже были у двери. И вот они уже скрылись из виду.

Кэсси осталась стоять одна. Девушка даже не взглянула в ее сторону.

В пятницу утром Кэсси остановилась напротив своего шкафчика. Ей так не хотелось открывать его, но он притягивал ее словно магнитом. Она не могла стоять там и чувствовать это притяжение, только строя догадки и не зная наверняка.

Она медленно набирала код на шкафчике, все её органы чувств были на пределе.

Дверь шкафчика открылась.

На этот раз она даже не могла закричать. Ее глаза были открыты так же широко, как у

того чучела совы. Рот приоткрылся в безмолвном удивлении. Желудок скрутило. Этот запах...

В ее шкафчике было полно рубленого бифштекса. Сырого и красного, будто с чьей-то плоти содрали кожу, потемневшего в некоторых местах от жары. Фунты и фунты этого. Это воняло как...

Как мясо. Как труп.

Кэсси захлопнула дверь шкафчика, но от этого несколько кусков бифштекса выпали, и теперь из них сочилась кровь. Спотыкаясь, она помчалась прочь. Ее зрение затуманилось.

И тут чья-то рука схватила ее. На какой-то миг ей показалось, что это предложение поддержки. Затем она почувствовала, что кто-то стаскивает рюкзак с ее плеча.

Она обернулась и увидела красивое, но сердитое лицо. Злые темные глаза. Мотоциклетную куртку. Дебора швырнула ее рюкзак в сторону и по инерции Кэсси повернулась, провожая его взглядом.

Напротив себя она увидела светлые волосы, длиной до плеч. Раскосые, слегка безумные сине-зеленые глаза. Смеющийся рот. Это был один из тех парней на роликах, один из братьев Хендерсон.

— Добро пожаловать в джунгли, — пропел он и бросил рюкзак Деборе, которая поймала его и пропела другую строчку.

Кэсси не могла перестать поворачиваться снова и снова за рюкзаком, словно кошка, охотящаяся за мышкой на веревочке.

Её глаза наполнились слезами. Смех и пение звенели у нее в ушах все громче и громче.

Вдруг загорелая рука ворвалась в её поле зрения. Рука поймала рюкзак на лету, в воздухе. Смех затих.

Она обернулась и сквозь пелену слез увидела красивое, холодное лицо темноволосого парня, который был с Фэй тем утром, два дня назад... Действительно ли это было только два дня назад? Он был в другой футболке с закатанными рукавами и в тех же поношенных черных джинсах.

— Эй, Ник, — выразил свое недовольство брат Хендерсон, — Ты портишь нашу игру.

— Убирайтесь отсюда, — сказал Ник.

— Сам убирайся, — прорычала Дебора из-за спины Кэсси, — Дуг и я, мы просто...

— Да, мы только...

— Заткнитесь, — Ник взглянул на шкафчик Кэсси, из которого продолжало стекать мясо. Потом он резко швырнул ей рюкзак.

— Уходи, — сказал он. Кэсси взглянул ему в глаза. Они были темно-коричневыми, цвета мебели из красного дерева в доме ее бабушки. И как мебель, казалось, они поглощали солнечный свет и отражали его обратно на неё. В действительности, они не были недружелюбными.

Просто безразличными. Словно ничто не могло тронуть этого парня.

— Спасибо, — сказала она, смахивая слезы.

Что-то промелькнуло в этих темных глазах цвета красного дерева.

— Не за что меня благодарить, — сказал он. Его голос звучал как холодный ветер, но Кэсси было наплевать. Прижав рюкзак к себе, она убежала.

На уроке физики она получила записку.

Девушка по имени Тина бросила ее на парту, будто случайно, пытаясь выглядеть так, словно она этого и не делала. Она прошла дальше и села в другом конце класса. Кэсси взглянула на сложенный квадратом лист бумаги так, словно он обожжет ее, если она до него дотронется. На нем было написано ее имя, подчерк казался напыщенным и в то же время аккуратным.

Медленно, она развернула бумагу.

«Кэсси, — прочитала она, — Встреть меня в старом научном здании, на втором этаже, после школы. Я думаю, мы можем помочь друг другу.

Друг».

(далее перевод: Дашка ٢ Дашка)

Кэсси продолжала смотреть на эту записку, пока у нее не начало двоиться в глазах. После урока она загнала Тину в угол:

— Кто дал тебе записку, чтобы ты передала её мне?

Девушка смотрела на записку, словно не признавая её.

— О чем ты говоришь? Я не...

— Да, ты это сделала. Кто тебе её дал?

Тина осмотрелась вокруг затравленным взглядом. Затем она прошептала:

— Салли Уолтман, понятно? Но она запретила мне кому-либо рассказывать. А теперь я должна идти.

Кэсси преградила ей путь.

— Где старое научное здание?

— Послушай...

— Где оно?

Тина зашипела:

— С другой стороны от крыла Е. Позади парковки. А теперь дай пройти!

Она вырвалась от Кэсси и понеслась прочь.

«Записка от друга», — с сарказмом подумала Кэсси. Если бы Салли действительно являлась другом Кэсси, то она поговорила бы с ней на людях. Если бы она на самом деле была ей другом, она бы осталась в тот день на лестнице, вместо того, чтобы бросать Кэсси одну лицом к лицу с Фэй. Она бы сказала «Спасибо за то, что спасла мне жизнь».

Но, может быть, сейчас она уже раскаялась.

Старое научное здание выглядело так, будто им не пользовались уже довольно давно. На дверях был висячий замок, но он был сломан. Кэсси толкнула дверь, и она медленно подалась вперед.

Внутри было довольно темно. Кэсси не могла различить какие-либо детали своими глазами со слегка притупленным зрением. Но она могла видеть лестницу. Она поднялась по ней, держа одну руку на стене, чтобы как-то прокладывать себе путь.

Как раз когда она добралась до конца лестницы, то заметила что-то странное. Её пальцы касались чего-то... мягкого. Почти невесомого. Она поднесла их к своему лицу, приглядываясь к ним. Сажа?

Что-то двинулось перед ней в комнате.

— Салли? — она сделала нерешительный шаг вперед.

«Почему из окон не подают больше света?» — подумала она. Она могла видеть только небольшие промежутки света то там, то тут.

Она с шарканьем сделала еще шаг, потом ещё, и ещё.

— Салли?

Как только она произнесла это, озарение наконец-то осветило её измученный рассудок. Не Салли. Кто бы или что бы там ни было, это была не Салли.

«Развернись, идиотка. Убирайся отсюда. Сейчас же».

Она неуклюже обернулась, напрягая свои пытающиеся приспособиться к темноте глаза, ища то место, где должна была находиться лестница...

И внезапно вспыхнул свет, направленный ей в лицо, ослепляя её. Раздался скрипучий, искаженный звук, и еще больше света наполнило комнату.

«Через окно, которое раньше было заколочено досками», — осознала Кэсси.

Теперь кто-то стоял напротив этого окна, держа кусок доски.

Она снова развернулась по направлению к лестнице. Но кто-то стоял и там тоже.

Теперь в комнате было достаточно света, чтобы Кэсси могла рассмотреть черты той девушки, которая сделала шаг ей навстречу.

— Привет, Кэсси, — сказала Фэй. — Боюсь, что Салли не могла бы этого сделать. Но, может быть, ты и я поможем друг другу вместо этого.

Глава 8 (Перевод: Просто Renna)

— Так это ты отправила записку, — прямо сказала Кэсси.

Фэй улыбнулась своей неторопливой, пугающей улыбкой.

— Мне почему-то показалось, что ты не придешь, если я подпишусь собственным именем, — сказала она.

«И я повелась, — подумала Кэсси. — Она, должно быть, заранее сказала Тине, что ей надо будет говорить, и я проглотила наживку».

— Как тебе мои маленькие подарки?

Глаза Кэсси наполнились слезами. Она чувствовала себя настолько опустошенной и беспомощной, что не могла ответить. Если бы только она могла думать...

— Ты хорошо спишь? — невинно продолжала Фэй. — Ужасно выглядишь. Может, сны мешают тебе спать?

Кэсси повернулась, чтобы осмотреться. Позади нее был выход, но перед ним маячила Сьюзан.

— О, уходить пока рано, — сказала Фэй, — я не могу тебе этого позволить.

Кэсси взглянула на нее.

— Мечтать не вредно, — Дебора неприятно рассмеялась.

Кэсси не понимала, что происходит. А потом она увидела лист бумаги в руках Фэй — сейчас он был тщательно расправлен, но до этого его хорошенько помяли. Ее стихотворение.

Гнев вытеснил усталость; такой яркий, что на мгновение его энергия заполнила ее, озарила изнутри. Она бросилась на Фэй с криком:

— Это мое!

Ее порыв застал Фэй врасплох. Она отпрянула, уворачиваясь, и подняла стихотворение так высоко, что Кэсси не могла до него дотянуться.

Потом кто-то схватил Кэсси за руки, выворачивая их за спину.

— Спасибо, Дебора, — произнесла Фэй. Ее дыхание чуть-чуть сбилось. Она разглядывала Кэсси. — Что ж, похоже, даже маленькие белые мыши умеют кусаться. Запомним на будущее. Но прямо сейчас, — продолжила она, — у нас будет внеплановый творческий вечер. Прошу прощения, что атмосфера немного не соответствующая, но что уж поделаешь. Когда-то это была лаборатория, но сейчас сюда почти никто не заходит — с тех пор, как Дуг и Крис Хендерсон допустили маленькую ошибку в химическом эксперименте. Ты наверняка уже видела братьев Хендерсон, их трудно не заметить. Хорошие парни, только малость безответственные. Они нечаянно создали бомбу.

Теперь, когда глаза Кэсси приспособились к свету, она увидела, что комната была полностью выжжена. Стены почернели от копоти.

— Конечно, некоторые думают, что здесь небезопасно, — продолжала Фэй, — и держат это место закрытым, но нас такие мелочи никогда не останавливали. Зато здесь удобно. Мы можем шуметь сколько угодно, и никто нас не услышит.

Хватка Деборы была болезненной, но как только Фэй откашлялась и поднесла листок бумаги к глазам, Кэсси снова начала вырываться.

— Посмотрим-ка. «Мои сны», Кэсси Блейк. Какое, однако, нестандартное название.

— Ты не имеешь права..., — начала Кэсси, но Фэй ее проигнорировала.

Она начала читать наигранно драматическим голосом:

— И каждой ночью грежу я о нем...

— Это личное! — выкрикнула Кэсси.

— Он поцелует пробудил во мне желанье...

— Отпусти меня!

— Лишь час мы провели вдвоем...

— Это не справедливо...

— Но как в огне с тех пор пылаю я, — Фэй подняла взгляд. — Вот и все. Что скажешь, Дебора?

— Гадость, — заключила Дебора, сильнее стискивая руки Кэсси, когда та в очередной раз попыталась вырваться. — Глупость.

— А я даже не знаю... Некоторые фразы меня впечатлили. Про огонь, например. Любишь огонь, Кэсси?

Кэсси застыла. В этом ленивом, грубоватом голосе теперь появилась новая нотка, нотка которую она подсознательно распознала. Опасность.

— Что ты думаешь об огне, Кэсси? Мечтаешь о нем?

Во рту пересохло. Кэсси смотрела на Фэй. Глаза цвета меда светились жаром. Возбуждением.

— Показать тебе фокус с огнем?

Кэсси покачала головой. Она осознала, что есть вещи хуже унижения.

Впервые за эту неделю она испугалась не за свою гордость, а за свою жизнь.

Фэй свернула лист бумаги. Пламя вспыхнуло на уголке.

— Расскажи нам, о ком твое стихотворение, Кэсси? Кто он, парень, который тебя пробудил?

Кэсси отпрянула от пылающего прямо перед ее лицом листка бумаги.

— Осторожнее, — насмешливо сказала Дебора — не подпали ей волосы.

— То есть, вот так не подносить? — спросила Фэй, — или так?

Кэсси пришлось извернуться, чтобы избежать огня. Крошечные светящиеся частички бумаги разлетались во все стороны. Перед глазами Кэсси до сих пор плыли светлые пятна, и она чувствовала жар на своей коже.

— Ой, слишком близко. Хотя ее ресницы все равно были слишком длинными, разве нет, Дебора?

Кэсси опять начала сопротивляться, но Дебора была невообразимо сильной. И чем больше Кэсси вырывалась, тем болезненней становилась ее хватка.

— Отпусти меня, — выдохнула она.

— Но мне казалось, ты любишь огонь, Кэсси. Посмотри на него. Что ты видишь?

Кэсси не хотелось этого делать, но она не могла не подчиниться. Несомненно, листок бумаги уже давно должен был сгореть. Но он еще пылал.

«Желтый, — подумала она. — Огонь желтый и оранжевый. А не красный, как все говорят».

Все ее чувства сфокусировались на пламени. От жара щеки покалывало. Она чувствовала треск пожираемой огнем бумаги, чувствовала запах дыма. И не видела больше ничего. Серый пепел и желтое пламя. Синее внизу, как у газовой горелки. Огонь менял форму каждую секунду, беспрестанно тянулся вверх. Выплескивал свою энергию.

Энергию.

«Огонь — это сила», — подумала она.

Кэсси почти могла почувствовать заряд золотого пламени. Не обманчивое спокойствие моря или неба, не замершую непоколебимость камня. Живую энергию. Силу, которую можно взять...

— Да, — шепнула Фэй.

Ее голос вывел Кэсси из транса.

«Не сходи с ума», — сказала она сама себе.

Фантазии об огне умерли. Вот, что бывает, когда ты не спишь. Когда стресс так силен, и ты почти на пределе.

Она сходила с ума.

Слезы навернулись на глаза, потекли по щекам вниз.

— О-о, и все-таки она просто ребенок, — с жестоким отвращением произнесла Фэй. С отвращением и чем-то похожим на разочарование. — Давай, детка, поплачь-ка еще. Может у тебя получится нас разжалобить.

Всхлипывая, Кэсси мотала головой в стороны от приближающегося горящего листа. Он был уже так близко, что несколько слезинок, упавших на него с шипением испарились. Кэсси дольше не могла думать, она была парализована страхом. Как загнанное животное — отчаявшееся, жалкое загнанное животное.

Труп, труп, труп, труп...

— Ты что делаешь? Отпусти ее — сейчас же! — голос донесся словно бы из ниоткуда, и в первое мгновение Кэсси даже не попыталась определить, откуда именно.

Она полностью сосредоточилась на пламени. Оно вдруг вспыхнуло и рассыпалось серым пеплом. В руке Фэй остался лишь клочок обугленной бумаги.

— Я же сказала отпустить ее! — что-то яркое метнулось к Деборе. Но не яркое, как огонь. Яркое, как солнечный свет. Или лунный, как тогда когда полная луна сияет в небе, и в этом свете можно даже читать.

Это была она.

Девушка из желтого дома, девушка с сияющими волосами.

Ошарашенная, Кэсси смотрела на нее так, словно видела впервые.

Она была почти такой же высокой как Фэй, но на этом их сходство заканчивалось. Фэй обладала соблазнительными формами, она же была просто стройной и гибкой. Фэй одевалась в красное, она — в белое. Волосы Фэй представляли собой неукротимую черную гриву, ее же были длинными, прямыми и сияющими — цвета солнца, бьющего в окна.

И, конечно же, она была красива; вблизи еще красивее, чем показалось тогда издали. Но ее красота так отличалась от красоты Фэй, что их невозможно было даже называть одним и тем же словом. Красота Фэй завораживала, но и пугала. Ее странные золотистые глаза притягивали взгляд, но в то же время от них хотелось бежать без оглядки.

Эта же девушка словно бы сошла с мозаичного окна. Кэсси впервые увидела ее глаза, и они оказались зелеными и ясными, сияющими, словно озаренными внутренним светом. Ее щеки чуть-чуть розовели, но это было естественно, от природы, а не от румян.

Ее грудь вздымалась от возмущения, и ее голос, ясный и мелодичный, звенел от гнева:

— Когда Тина сказала, что передала от тебя записку, я знала, что ты что-то замышляешь, — произнесла она. — Но такое... В последний раз говорю, Дебора, отпусти ее.

Медленно и неохотно хватка Деборы ослабла.

— Посмотри, ты могла ей навредить, — негодовала обладательница прекраснейших волос. Она вытащила салфетку и начала стирать пепел и слезы со щек Кэсси.

— Ты в порядке? — мягко спросила она.

Кэсси могла только смотреть на нее. Сияющая девушка пришла ей на помощь. Это было похоже на сон.

— Она до смерти перепугана, — произнесла девушка, оборачиваясь к Фей. — Как ты можешь, Фэй? Как ты можешь быть такой жестокой?

— Это врожденное, — буркнула Фэй.

Ее глаза были столь же пасмурными, как и лицо Деборы.

— И ты, Сьюзан, ты меня удивляешь. Разве ты не понимаешь, что это не правильно?

Сьюзан что-то пробормотала, глядя в сторону.

— И почему вы хотели ее обидеть? Кто она? — Она обхватила Кэсси, защищая, и переводила взгляд с одной старшеклассницы на другую. Никто не ответил.

— Я Кэсси, — сказала Кэсси. Ее голос задрожал, но она попыталась успокоиться. Все, что она теперь чувствовала — это теплую руку девушки на своем плече. — Кэсси Блейк, — умудрилась закончить она, — переехала сюда пару недель назад. Миссис Ховард моя бабушка.

Девушка выглядела ошарашенной.

— Миссис Ховард? Из двенадцатого дома? Ты живешь с ней?

Кэсси замерла от страха. Ей вспомнилась реакция Джеффри, когда он узнал, где она живет. Она умрет, если эта девушка отреагирует так же. Она обреченно кивнула.

Девушка снова обернулась к Фэй.

— Она одна из нас. Соседка, — резко добавила она, когда Фэй с сомнением выгнула брови.

— Едва ли, — сказала Фэй.

— Она всего лишь наполовину..., - начала Сьюзан.

— Заткнись! — оборвала ее Дебора.

— Она наша соседка, — упрямо повторила обладательница прекрасных волос. Она перевела взгляд на Кэсси. — Прости, я не знала, что ты к нам переехала. Если бы знала, — она метнула гневный взгляд на Фэй, — Я бы зашла. Я живу в начале Краухэвен Роуд, в доме номер один, — она снова ободряюще приобняла Кэсси. — Пойдем. Если хочешь, я провожу тебя до дома.

Кэсси кивнула. Она бы с радостью последовала за этой девушкой, даже если та приказала ей выпрыгнуть из окна.

— Забыла представиться, — сказала она, останавливаясь на полпути к лестнице. — Меня зовут Диана.

— Я знаю.

Диана водила синюю Акуру Интегра. Она остановилась рядом с ней и спросила Кэсси, не хочет ли та забрать что-нибудь из ее шкафчика.

Содрогнувшись, Кэсси покачала головой.

— Почему?

Кэсси замешкалась. Потом рассказала Диане все.

Диана слушала, скрестив руки и постукивая ногой все быстрее и быстрее по мере того, как Кэсси рассказывала дальше. В ее зеленых глазах зажглась почти невыносимая ярость.

— Не волнуйся, — вот и все, что она сказала в итоге. — Я позвоню, чтобы обслуживающий персонал очистил твой шкафчик. А сейчас нам надо увезти тебя отсюда.

Она села за руль, сказав Кэсси оставить Рэббита.

— Мы потом его заберем.

И Кэсси ей поверила. Раз уж Диана говорит, что обо всем позаботятся, значит, обо всем позаботятся.

В машине Кэсси только и могла, что разглядывать длинные, сияющие волосы Дианы, спадающие до самого тормоза. Они были, как шелк, только цвета солнечного света. Или, вернее, солнечного и лунного света. На мгновение в подсознании Кэсси возникла мысль, что у кого-то еще тоже были волосы нескольких оттенков, но когда она попыталась ухватиться за нее, мысль исчезла. Она так и не решилась прикоснуться к пряди волос Дианы, хотя ей очень хотелось узнать, похожи ли они и на ошупь на шелк. Вместо этого она пыталась слушать, что говорит Диана:

— ...не знаю уж, что временами находит на Фэй. Она совершенно не думает. Не осознает, что делает.

Кэсси перевела взгляд на лицо Дианы. Она была уверена, что Фэй прекрасно понимала, что делает. Но она ничего не сказала — они уже поворачивали к красивому дому Викторианской эпохи.

— Пойдем, — сказала Диана, выбираясь из машины. — Давай приведем тебя в порядок прежде, чем ты пойдешь домой.

Приведем в порядок? Кэсси поняла, о чем говорила Диана, когда та привела ее в старомодную ванную на втором этаже. Сажа была на ее сером свитере, руках, джинсах. Ее волосы были в полном беспорядке. Лицо вымазано черным со светлыми полосками, оставленными слезами. Она напоминала сироту военных времен.

— Я одолжу тебе одежду, пока мы не отчистим твою. А помыться можешь здесь, — Диана оставила ванную на ножках в форме когтей наполняться горячей водой, добавила туда что-то пенящееся и сладко пахнущее. Вытащила полотенца, мыло, шампунь — так быстро, что это поразило Кэсси.

— Брось свою одежду снаружи, когда разденешься. И можешь потом надеть это, — сказала она, вешая пушистый белый халат на дверной крючок. — Хорошо. Вот и все готово.

Она исчезла, а Кэсси так и осталась смотреть на закрытую дверь. Потом посмотрела в зеркало, перевела взгляд на ванную. Она чувствовала себя окоченевшей и больной внутри. Мышцы дрожали от напряжения. Горячая, сладко пахнущая вода выглядела замечательно, и когда она забралась внутрь и вода сомкнулась над ней, она не смогла не вздохнуть от удовольствия.

О, это было прекрасно. То, что надо.

Она вытянулась, и какое-то время лежала неподвижно, давая жару просочиться до костей, а легкому, цветочному запаху наполнить ее легкие. Это, казалось, смыло остатки паутины, которую усталость сплела в ее голове, и восстановило ее силы.

Она взяла мочалку и отскребла грязь с лица и тела.

Шампунь тоже пах чем-то сладким. Когда она, наконец, вылезла из ванны и завернулась в большой белый халат, она была совершенно чистой и спокойнее, чем когда-либо за все эти две недели. Ей все еще слабо верилось, что все это происходит, но свет заполнил ее всю.

Ванна была старомодной, но не в плохом смысле, решила она. Красивые полотенца и разноцветные соли для ванной делали ее очень даже милой.

Она надела мягкие тапки, оставленные Дианой, и вышла в холл.

Дверь напротив была приоткрыта. Помедлив, Кэсси постучала и открыла ее нараспашку. И замерла на пороге. Диана сидела у окна, склонив голову над серым кашемировым свитером Кэсси, лежавшем у нее на коленях. Над ней, в оконном проёме, висели призмы. Солнечный свет проходил через них, и маленькие разноцветные треугольнички света попадали в комнату — полосы фиолетового, зеленого и красно-оранжевого. Они скользили по стенам, танцевали на полу, на руках и волосах Дианы. Казалось, что она сидит в центре калейдоскопа.

«Неудивительно, что окно поблескивало», — подумала Кэсси.

Диана подняла взгляд и улыбнулась.

— Заходи. Я как раз отчищаю сажу с твоего свитера.

— Ох. Это кашемир...

— Знаю. Не волнуйся, с ним все будет в порядке, — Диана взяла какую-то книгу, которая лежала рядом на сиденье у окна и убрала ее в большой шкаф у стены. Кэсси обратила внимание, что потом она заперла шкаф. И вышла из комнаты вместе со свитером. Кэсси с любопытством осмотрела сидение у окна, но так и не увидела никакого пятновыводителя. Только упаковку какой-то смеси из сухих цветов и что-то, напоминающее часть чьей-то коллекции минералов.

Сама по себе комната была красивой. В ней сочетались роскошная, антикварная мебель и современные вещи — будто бы прошлое и настоящее здесь сосуществовали в гармонии. Полог на кровати был бледно-голубым с нежным узором в виде виноградной лозы, легким и воздушным. На стенах вместо постеров и плакатов висели картины. В целом всё выглядело очень стильно, изящно и артистично, но в то же время уютно.

— Нравятся? Картины?

Обернувшись, Кэсси обнаружила, что Диана беззвучно вошла в комнату. Она кивнула, мечтая о том, чтобы ей пришло на ум что-нибудь умное, что она могла бы сказать этой девушке, которая была настолько лучше нее.

— Кто на них? — спросила она, надеясь, что это не кто-то, кого она уже должна была бы знать.

— Греческие Боги. Точнее, Богини. Вот это — Афродита, Богиня любви. Видишь голубей и херувимов вокруг нее?

Кэсси посмотрела на женщину на картине, лениво разместившуюся на чем-то вроде дивана. Она была красива. Что-то в её позе — или, может, её обнаженная грудь — напомнили Сьюзан.

— А это Артемида, — Диана перешла к следующей гравюре. — Богиня охоты. Она ни разу не выходила замуж, и если мужчина заставлял её купающейся, она приказывала собакам разорвать его на части.

Девушка на картине была стройной и гибкой, с сильными руками и ногами. Она преклонила колено, целясь из лука. Темные волосы волнами падали ей на плечи, и на лице был написан вызов.

«Дебора иногда бывала такой», — подумала Кэсси.

Потом она посмотрела на следующую картину и застыла.

— Кто это?

— Это Гера, королева Богов. Она может быть ревнивой.

Кэсси и не сомневалась. Молодая женщина была высокой и горделивой, с царственно поднятым подбородком. Но именно её глаза поразили Кэсси. Они словно бы сияли с картины, полные страсти, воли и опасности. Как у подготовившейся к прыжку дикой кошки...

Невольно содрогнувшись, Кэсси отвернулась.

— Ты в порядке? — спросила Диана.

Кэсси кивнула, нервно сглатывая. Теперь, когда она была в полной безопасности, к ней возвращались не только воспоминания этого дня, но и всей прошедшей недели. Вся боль, все унижение. Повешенная кукла в шкафчике, эпизод в столовой. Резиновая змея. Игра с отбиранием рюкзака...

— Кэсси? — рука Дианы коснулась ее плеча. Это было слишком. Кэсси развернулась, бросилась Диане в объятия и разрыдалась.

— Все в порядке. Все в порядке. Не переживай..., — Диана обняла ее и похлопала по спине.

Все те слезы, которые Кэсси не могла пролить при маме и бабушке, изливались сейчас. Она вцепилась в Диану и всхлипывала, как маленький ребенок. И это было прямо как в ее видении в библиотеке. Будто бы ей снова было семь, и мама утешала ее. Каким-то образом Диана убеждала Кэсси, что все действительно будет хорошо.

Постепенно рыдания сменились редкими вздрагиваниями и хлопаньем носа. Наконец, она подняла голову.

— Вот, что я тебе скажу, — произнесла Диана, вручая Кэсси салфетку. — Почему бы тебе не остаться на ужин? Папа не вернется до позднего вечера — он у меня юрист. Я позвоню паре друзей и мы закажем пиццу. Как тебе?

— О, здорово, — ответила Кэсси, кусая губы — Замечательно.

— Можешь надеть это, пока твоя одежда не высохнет — они будут тебе чуть великоваты, но это ничего. Спускайся вниз, как будешь готова, — Диана помедлила, всматриваясь в лицо Кэсси своими изумрудно-зелеными глазами, — что-то не так?

— Нет... не то, чтобы, но..., — Кэсси замялась, потом сердито встряхнула головой. — Просто... просто... почему ты так хорошо ко мне относишься? — выпалила она.

Все это казалось просто сном. Диана разглядывала ее почти целую минуту, потом улыбнулась — глазами, ее губы остались не подвижными.

— Не знаю. Наверное, мне кажется, что ты хороший человек и заслуживаешь этого. Но если хочешь, я могу попробовать стать злой.

Кэсси снова покачала головой, в этот раз уже не сердито. Она почувствовала, как уголки ее губ дернулись в ответной улыбке.

— И..., — Теперь взгляд Дианы был устремлен в пространство, ее ясные зеленые глаза казались далекими. — Мы все сестры, знаешь ли.

Кэсси задержала дыхание.

— Разве? — шепнула она.

— Да, — мягко сказала Диана, глядя вдаль. — Да. Несмотря ни на что, — потом выражение ее лица изменилось, и она снова посмотрела на Кэсси. — Можешь позвонить маме по этой линии, — сказала она, указывая на телефон. — Я спущусь вниз и закажу пиццу.

И с этими словами она ушла.

Глава 9 (Перевод: Дашка ۞ Дашка и Лиса ۞Всегда۞ Мечтающая)

Девушек, которые пришли, звали Лорел и Мелани. Лорел была той самой девчонкой, которую Кэсси видела в библиотеке вместе с Дианой. Вблизи она оказалась очень худой, со светло-каштановыми волосами, почти такими же длинными, как у Дианы, и милым лицом, напоминающим эльфа. На ней было платье с цветочным узором и высокие розовые кеды.

— Это ведь овощная пицца, правда? — сказала она, пинком закрывая за собой дверь, потому что в руках она несла кучу пластиковых контейнеров. — Ты же не заказывала никаких первобытных пепперони, да?

— Никакого мяса, — уверила её Диана, снова открывая дверь, чтобы впустить другую девушку, терпеливо ждавшую снаружи.

— Уупс! Извини! — прокричала Лорел по пути на кухню. — Я тут принесла кое-что для салатика.

Диана и новая вошедшая девушка закричали как один:

— Только не тофу! (прим. перевод. — японский соевый творог)

— Да тут просто овощи и зелень, — донёлся голос Лорел. Диана и новенькая девушка обменялись взглядами облегчения.

Кэсси боролась со стеснительностью. Новая девушка определённо была старше, высокая и красивая, с изысканными манерами. Копна её гладких каштановых волос была откинута назад широким ободком-лентой, а её серые глаза были холодными и оценивающими.

— Это Мелани, — сказала Диана. — Она живёт на этой же улице, в доме Номер Четыре. Мелани, это Кэсси Блейк, она недавно переехала в Номер Двенадцатый. Миссис Ховард — её бабушка.

Задумчивые серые глаза остановились на Кэсси, и затем Мелани кивнула.

— Привет.

— Привет, — ответила Кэсси, радуясь, что успела принять ванну, и надеясь, что одежда Дианы не выглядела на ней слишком глупо.

— Мелани — наш мозговой центр, — нежно произнесла Диана. — Она потрясающе умна. И она знает о компьютерах всё, что только возможно о них знать.

— Не всё, — сказала Мелани без улыбки. — Иногда я думаю, что не всё.

Она посмотрела на Диану.

— Ты знаешь, я случайно услышала кое-какие разговоры о некой Кэсси, и что-то там касалось Фэй, но никто не захотел мне рассказать об этом больше.

— Я знаю. Я только сегодня обо всём этом узнала. Может быть, я потеряла связь с тем, что в действительности происходит в школе — но тебе, по крайней мере, следовало мне рассказать о том, что ты слышала.

— Ты не можешь сражаться за всех, Диана.

Диана просто посмотрела на неё, затем легонько покачала головой.

— Кэсси, почему бы тебе не пойти и не помочь Лорел с салатом? Тебе понравится Лорел, она с тобой одного возраста.

На кухне Лорел стояла у стола, на котором лежало много овощей, и делала нарезку.

— Диана сказала, мне следует помочь тебе.

Лорел обернулась.

— Хорошо! Ты можешь помыть пастушью сумку (прим. перевод. — как я поняла, это какое-то растение с белыми соцветиями) вон там — она свежая, и наверно в ней еще остался дух живой природы.

Пастушья сумка? Кэсси с сомнением посмотрела на несколько пучков зелени. Это должно быть что-то, что она должна знать?

— Эм... вот это? — спросила она, подняв тёмно-зелёный треугольный листок, почти белый с обратной стороны.

— Нет, это дикий шпинат. — Лорел показала локтем в сторону на грудку длинных тонких листьев с неровными краями. — Вот пастушья сумка. Но ты можешь помыть и то, и другое.

— А вы когда-нибудь кладёте... ээ... пиретрум девичий в салаты? — нерешительно спросила Кэсси, пока мыла зелень.

Она была рада, что могла хоть чем-то поспособствовать. Эти девушки были такими умными, такими сведущими, такими дружными; она отчаянно желала произвести на них хорошее впечатление.

Лорел улыбнулась и кивнула.

— Да, но ты должна быть осторожной и не есть его слишком много, а то можешь покрыться сыпью. Пиретрум также хорош и для других целей. Из него получается отличная мазь от укусов насекомых и великолепное любовное...

Внезапно Лорел замолчала и суетливо принялась за нарезку зелени.

— Ну вот, черноголовник готов. Хорошо, когда всё это свежее, знаешь ли, — добавила она быстро. — Потому что так вкуснее и потому что в зелени ещё полно жизни от Матери Земли.

Кэсси осторожно взглянула на неё. Может быть, эта девчонка была не такой уж и сведущей. Полно жизни от Матери Земли? Но затем, внезапно Кэсси вспомнила тот день, когда она сидела, облокотившись на камень из красного гранита, и чувствовала гудение где-то глубоко внутри него. Когда она об этом вспомнила, то почти могла почувствовать то гудение снова. Да, теперь она понимала, как эта свежая зелень могла оказаться полной жизни.

— Ок, всё готово. Ты можешь сказать Ди и Мелани, что мы закончили. А я достану тарелки, — произнесла Лорел.

Кэсси пошла назад в просторную гостиную. Мелани и Диана были поглощены разговором, и никто из них не заметил, как она подошла к ним сзади.

— ... подобрать её с улицы как какого-нибудь щенка! Ты всегда так делаешь. — Убеждающим тоном говорила Мелани, а Диана слушала её, скрестив руки. — Но что же будет дальше?...

Она замолчала, когда Диана тронула её за плечо, увидев Кэсси.

— Всё готово, — сказала Кэсси, чувствуя себя неловко.

Они говорили о ней? Называли её щенком с улицы? Но ведь так говорила не Диана, а только Мелани. Кэсси убеждала себя, что ей всё равно, что думает Мелани.

Но когда Мелани взглянула на неё, пока они ели салат, то её холодные серые глаза совсем не были недружелюбными. Только задумчивыми. И когда доставили пиццу, Кэсси восхищалась той легкостью, с которой три девушки смеялись и разговаривали с разносчиком пиццы — судя по возрасту, парень наверно уже учился в колледже. Его так заинтересовала Мелани, что он практически сам зашёл в дом, не дожидаясь приглашения, но Диана, смеясь, закрыла перед ним дверь.

Потом Мелани рассказала несколько забавных историй о своём путешествии в Канаду этим летом, и Кэсси почти забыла о том её высказывании. Было так замечательно просто находиться здесь, окруженной легким непринуждённым, дружеским разговором; не чувствовать себя изгоем. И находиться здесь по приглашению Дианы, видеть, как Диана улыбается ей... Кэсси всё еще едва ли могла в это поверить.

Когда она уже собиралась уходить, то была шокирована. Диана протянула ей аккуратную стопку её одежды — теперь на сером свитере не было и следов сажи — и сказала:

— Я отвезу тебя домой. Не волнуйся о машине своей бабушки. Если ты дашь мне

ключи, то я скажу Крису Хендерсону подгонать её к твоему дому.

Кэсси так и застыла с протянутыми ключами.

— Хендерсон? То есть... ты же не имеешь в виду одного из братьев Хендерсон?

Диана улыбнулась, открывая дверь Интегры.

— Значит, ты слышала о них. Крис милый, правда, просто немного сумасбродный. Не волнуйся.

Когда они отъезжали, Кэсси вспомнила, что того из братьев, который кидал её рюкзак, звали Дуг, а не Крис. Но всё равно она не могла не чувствовать тревогу.

— Мы все тут друг друга знаем на Краухэвен Роуд, — объясняла Диана успокаивающим тоном. — Видишь, вот это — дом Лорел, а следующий — дом Фэй. Дети, которые выросли здесь, уже как бы очень сплотились. Всё будет хорошо...

— Сплотились? — в голове у Кэсси вдруг промелькнула беспокойная мысль.

— Да, — тон Дианы был намеренно непринуждённым. — У нас тут что-то типа клуба...

— Тот самый Клуб?! — Кэсси была так потрясена, что перебила её. — Ты имеешь в виду, что вы тоже состоите в нём? Ты, и Лорел, и Мелани?

— Мм... — произнесла Диана. — Ну вот и твой дом. Я позвоню тебе завтра — может быть, я могла бы даже зайти к тебе. И мы сможем договориться кто кого подвезёт до школы в понедельник...

Она уставилась на выражение лица Кэсси.

— Что такое, Кэсси? — спросила она мягко.

Кэсси затрясла головой.

— Я не знаю... нет, я знаю. Я уже рассказала тебе, как услышала разговор Фэй, Сьюзан и Деборы в первый школьный день — с этого начались все мои проблемы. Я услышала, о каких вещах они говорили, и я знаю, что они состоят в Клубе. И это было так ужасно... Я не понимаю, как вы можете быть в том же клубе, с ними.

— Это не то, что ты думаешь... — Мягкий голос Дианы оборвался. — И я на самом деле не могу тебе объяснить. Но я скажу тебе так — не суди о Клубе только по Фэй. Хотя и в ней есть много хорошего, если приглядеться.

Кэсси подумала, что приглядываться нужно будет со сканирующим электронным микроскопом, чтобы это хорошее найти. Спустя мгновение, она произнесла это вслух.

Диана засмеялась.

— Нет, правда... Я знаю её с пелёнок. Мы все здесь знаем друг друга очень давно.

— Но... — Кэсси взволнованно посмотрела на неё. — Разве ты не боишься её? Ты не думаешь, что она может попытаться сделать что-нибудь ужасное и тебе тоже?

— Нет, — ответила Диана. — Я так не думаю. Во-первых, она дала что-то вроде обещания не делать этого. И, во-вторых... — она посмотрела на Кэсси, будто оправдываясь, хотя в уголках её губ затаилась улыбка, — Только не надо меня ненавидеть, но выходит так, что Фэй моя двоюродная сестра.

У Кэсси отвисла челюсть.

— Большинство из нас здесь — родственники. — Мягко произнесла Диана. — Иногда двоюродные или троюродные и всё такое, но многие даже ближе... Возьми немного этого травяного чая, Лорел собрала его для меня летом. — Добавила она, вкладывая что-то в руку Кэсси. — Выпей немного сегодня вечером, если у тебя будут проблемы со сном. Это должно помочь. Увидимся завтра утром.

Когда Диана появилась на пороге на следующий день, её волосы были зачесаны назад и спускались вниз длинной, изящной французской косой. В одной руке у Дианы был пакет вкусно пахнущих сушеных листьев, завернутых в марлю.

— Ты говорила, у твоей мамы грипп, поэтому я принесла немного чая для неё. Он помогает при ознобе и простуде. А ты пробовала вчера тот чай, который я дала тебе?

Кэсси кивнула.

— Я не могу в это поверить. Я сразу же заснула и проснулась только сейчас, утром, и чувствую себя отлично. Что было в этом чае?

— Ну, во-первых, молотый котловник кошачий, — сказала Диана и затем улыбнулась реакции Кэсси. — Не волнуйся, он не имеет такого же эффекта на людях, как на кошках. Просто успокаивает.

Было ли это тем, чем занималась Диана в то утро, когда Кэсси впервые увидела её? Делала какой-то чай? Кэсси не осмелилась признать, что она шпионила за ней в тот день, но она была рада, когда Диана сказала что хочет сделать для её мамы чай и передать ей его лично.

— Это простые травы и минеральный эликсир от простуды, — тихо сказала она миссис Блейк, и в её голосе было что-то обнадеживающее. Мама Кэсси колебалась какое-то мгновение, а затем потянулась к кружке. Она отпила немного, а после подняла глаза и улыбнулась Диане. Кэсси почувствовала разливающееся по всему телу тепло.

Даже старое морщинистое лицо бабушки Кэсси расплылось в улыбке при виде Дианы, когда девушки шли по коридору в комнату Кэсси.

— Наверно здорово иметь такую бабушку, — сказала Диана. — Она, должно быть, знает много старинных историй.

Кэсси чувствовала облегчение. Она переживала, что Диана испугается большой родинки, сгорбленной спины и жестких седых волос её бабушки.

— Она у меня и вправду замечательная, — произнесла Кэсси, сама поражаясь тому, как изменилось её собственное отношение к бабушке с тех пор, когда она увидела сгорбленную фигуру в дверном проёме нового дома. — И здорово было наконец узнать её, тем более она единственная, кто у меня еще остался из родственников, не считая мамы. Все мои другие бабушки и дедушки уже умерли.

— Мои тоже, — сказала Диана, — как и моя мама. Это печально, потому что я всегда хотела иметь младшую сестренку, но моя мама умерла в том же году, когда я родилась, а мой отец не стал жениться во второй раз, поэтому у меня никогда не было шансов иметь сестру.

— Я бы тоже хотела себе сестру, — пролепетала Кэсси.

Повисло молчание. Затем Диана сказала:

— А у тебя красивая комната.

— Я знаю, — ответила Кэсси, оглядывая массивную, сияющую мебель со строгой драпировкой и жесткие стулья. — Комната красивая, но тут как в музее. Вот все мои вещи, которые я привезла из дома.

Она указала рукой на свои пожитки, сложенные в кучу в углу.

— Я хотела разложить их тут, но боялась что-нибудь поцарапать или сломать.

Диана засмеялась.

— Я бы не стала переживать. В течение прошедших трехсот лет эти вещи служили верой и правдой; они выдержат и еще немного. От вас потребуется только обустроить эту комнату им подстать. Мы могли бы попробовать сделать это в следующие выходные, я уверена — Лорел и Мелани тоже помогут. Это было бы даже забавно.

Кэсси подумала о яркой, полной воздуха, и гармоничной комнате Дианы и почувствовала волну надежды. Если бы ее собственная спальня выглядела хотя бы наполовину так же хорошо, она была бы счастлива.

— Ты слишком добра ко мне, — взболтнула она, а затем вздрогнула и приложила руку ко лбу, — Я знаю, как невероятно глупо это звучит, — беспомощно пролепетала она, — но это правда. Я имею в виду, ты всё это сделала для меня и ничего не просишь взамен. И... Я, честно, не могу понять, зачем тебе это нужно...

Диана, стоя у окна, смотрела на океан. Он переливался и искрился, отражая пронзительно синее сентябрьское небо.

— Я скажу тебе, — сказала она, и улыбнулась. — Я думаю, что ты хорошая. Ты была

так добра, оказывая помощь Салли, так, как смогла, и это было храбро — противостоять Фэй. Я восхищаюсь этим. И, кроме того, — добавила она, пожимая плечами, — Я люблю общаться с людьми. И это совсем не походит на то, что я ничего не получаю взамен. Я всегда задаюсь вопросом, почему людям так хорошо со мной...

Кэсси бросила взгляд на нее, сидящую у окна, в лучах солнечного света, окружающих ее подобно яркому нимбу. Её светлые волосы, казалось, пылали, и её профиль был прекрасен, словно изящно вырезанная камея (прим. перевод. камея — изящное украшение, которое появилось ещё в Древней Греции; искусство резьбы на драгоценных и полудрагоценных камнях). Неужели она действительно не знает ответ?

— Ну, полагаю, факт, что ты всегда, кажется, пытаешься найти частичку хорошего в ком угодно, — сказала Кэсси. — Люди не могут сопротивляться этому. И факт, что ты не тщеславна и действительно интересуешься тем, что говорят другие..., и, я полагаю, факт, что ты — самый красивый человек из всех, кого я видела в своей жизни, также не мешает, — добавила она, наконец.

Диана рассмеялась.

— Сожалею, что ты росла среди таких уродливых людей, — сказала она. Затем она успокоилась, и, смотря в окно, поигрывала со шнуром драпировки.

— Но ты знаешь..., - начала она, и ее голос был почти застенчив. Она повернулась к Кэсси и её глаза были такими бриллиантово-зелёными, что у той прихватило дыхание.

— Ты знаешь, это забавно, что мы обе мечтаем иметь сестру, и ни у одной из нас ее нет, — сказала она. — И с тех пор, как я увидела тебя в заброшенном научном корпусе... ну, я почувствовала то же самое, как если бы ты была моей младшей сестрой. Это звучит странно, но это правда.

Это не казалось странным для Кэсси. С тех пор, как она увидела Диану, она чувствовала между ними необъяснимую связь.

— И, я не знаю, но я чувствую, что могу рассказать тебе всё, что угодно. Даже больше, чем Мелани и Лорел, и это при том, что мы только что встретились. Я чувствую, что, так или иначе, ты поймешь меня... Я могу доверять тебе.

— Можешь, — Кэсси ответила спокойно, но со страстью, которая удивила даже ее саму. — Я сама не понимаю, почему, но ты можешь доверять мне, несмотря ни на что.

— Ну, если ты хочешь..., - Диана слегка нахмурилась, и, закусив губу, всё еще смотрела вниз, теребя материал штор.

— Хорошо, я подумала, что, может быть, мы сможем стать друг другу кем-то вроде приёмных сестёр. Принять друг друга. Тогда у меня была бы младшая сестра, а у тебя — старшая. Но только если ты хочешь этого, — добавила она быстро, оглядываясь по сторонам.

«Хочешь этого?» — проблема Кэсси была в том, что она не знала, что сделать — обнять Диану или протанцевать по комнате, взрываясь от смеха, или разрыдаться от радости.

— Это было бы отлично, — удалось ей произнести спустя минуту. Тогда, с пением в сердце, она застенчиво улыбнулась Диане, но встретившись с нею глазами, добавила: — Нет, это было бы просто великолепно.

— Сегодня утром ты выглядишь лучше, мама, — сказала Кэсси. Мать, сидящая на краю кровати, улыбнулась ей.

— Это был жуткий грипп, но сейчас мне уже лучше, — ответила она. — А ты — ты выглядишь более счастливой, влюбленной.

— Выгляжу, — ответила Кэсси, нагибаясь, чтобы поцеловать маму в щечку.

«И ты даже не представляешь, насколько» — подумала она.

Это утро было похоже на утро перед первым днём в школе, в волнении и ожидании.

«Мне все равно, даже если все в школе меня ненавидят», — думала Кэсси. — «Диана будет там».

Лишь эта мысль мешала ей думать обо всем остальном.

Диана выглядела в тот день особенно красиво, в зеленом замшевом жакете, окантованном синим шелком, поверх джинс, казавшихся почти белыми. На ее шее висел простой кулон с одним камнем — молочного цвета со светло-синим мерцанием. Кэсси была горда, идя рядом с ней по школе. И в коридорах она заметила нечто странное. Было трудно пройти три шага и не быть кем-нибудь остановленными.

— О, привет, Диана, у тебя будет минутка?..

— Диана! Я так рада тебя видеть!...

— Диана, это убивает меня. Что ты делаешь на этих выходных? (от какого-то парня)

Практически каждый из них добивался разговора с Дианой, а те, кому нечего было сказать, бродили вокруг и подслушивали. Кэсси видела, что Диана говорит с каждым из них. Парни, интересующиеся свиданиями, были единственными, кому она, улыбаясь, отказывала.

Некоторые из учеников бросали нервные взгляды на Кэсси, но ни один из них не двинулся в обратном направлении или не сказал что-либо неприятное. Очевидно, власть Дианы распространялась и на Фэй.

Наконец, за несколько минут до звонка, Диана отделилась от толпы и отвела Кэсси к ее классу английского языка.

Она не только вошла в класс, но и села за стол прямо рядом с Кэсси и болтала с ней, игнорируя всех, кто смотрел на них.

— У нас должна быть еще одна вечеринка с пищей на этой неделе, — сказала она ясным, твердым голосом. — Мы с Лорел поговорили о способах ремонта твоей комнаты, если ты всё еще хочешь этого... Лорел — очень хороший декоратор. И еще я думаю, что ты должна перейти в мой класс по Американской истории, если сможешь. Это — последняя ступень, и учительница — миссис Лэннинг, великолепна..., — она продолжала разговаривать, будто бы совершенно не обращая внимания на остальную часть класса. Но Кэсси чувствовала, что в ней что-то словно бурлит, подобно насыщенной углекислоте в бутылке с содовой.

Девушки, которые на прошлой неделе практически повернулись к ней спиной и удрали, теперь страстно слушали монолог Дианы, кивая, как будто они были частью беседы.

— Ну, полагаю, мне пора... Встретимся в 11:15, за ланчем, — сказала Диана.

— Где? — спросила Кэсси, почти паникуя, поскольку Диана встала. Она только что поняла, что никогда не видела ни Диану, ни Лорел, ни Мелани за ланчем.

— О, в кафетерии — в задней части здания. За стеклянной дверью. Мы называем это задней комнатой. Ты увидишь ее, — ответила Диана. Девушки вокруг Кэсси обменялись удивленными взглядами. Поскольку Диана ушла, одна из них заговорила.

— Вы собираетесь поехать в заднюю комнату? — спросила она с завистью.

— Наверно, — ответила Кэсси рассеяно, наблюдая за Дианой.

— Но..., — несколько другой взгляд промелькнул между девушками, — Ты в Клубе? — закончила одна из них.

Кэсси почувствовала себя неудобно.

— Нет... На самом деле — нет. Я только дружу с Дианой.

Наступила пауза.

Девушки отодвинулись назад, глядя изумленными, но впечатленными. Кэсси это едва заметила. Она смотрела на дверь и на девушку, вошедшую в класс точно так же, как только что вышла оттуда Диана. Фэй этим утром также выглядела особенно красивой. Ее темные волосы были пышными и блестящими, ее бледная кожа сияла. Подчеркнутые новым оттенком красной, словно ягода, помады, губы выглядели более чувственными, чем когда-либо.

На ней был одет красный свитер, облегающий каждый изгиб ее тела. Она остановилась в дверном проеме, заблокировав его, и они с Дианой посмотрели друг на друга.

Это был долгий, оценивающий взгляд прищуренных золотистых глаз против глаз зеленых. Ни одна из девушек не проронила ни слова, но воздух между ними почти потрескивал электричеством.

Кэсси практически могла почувствовать, как борются за господство две сильные натуры.

Наконец, именно Фэй отодвинулась в сторону, приглашая Диану войти в дверной проём ироничным жестом, больше похожим на презрение, чем на вежливость. И когда Диана проходила мимо, Фэй говорила ей что-то через плечо, не поворачиваясь к ней лицом.

— Что она сказала? — спросила у Кэсси одна из девочек.

— Я не смогла расслышать, — ответила Кэсси. Но это было ложью. Она слышала. Но все равно ничего не понимала.

Фэй сказала: «Победив битву, проиграешь войну».

За ланчем Кэсси задавалась вопросом, как это она не видела заднюю комнату кафетерия прежде. Но, тем не менее, она поняла, как Диана и ее друзья не увидели её — вход в эту комнату был буквально заполонен людьми. Ученики, стоящие вокруг, ученики, надеющиеся, что им предложат войти, и просто люди, теряющие время.

Они блокировали любой вид, который мог бы открыться сидящим внутри. Сразу было понятно, почему эта комната является любимым местом для сборищ — здесь был телевизор, установленный на стене, хотя было слышком шумно, чтобы его слушать. Была микроволновая печь, и высококачественная соковыжималка. Кэсси знала, что все взгляды направлены на ее спину, когда она зашла в комнату и села около Дианы, но сегодня это были взгляды, полные зависти.

Мелани и Лорел также были внутри. Там был и Шон, маленький юркий мальчик, из-за которого она тогда ходила к директору. Ещё там был парень со светлыми взъерошенными волосами и слегка раскосыми сине-зелеными глазами, — "Боже, это же один из братьев Хендерсон!" Кэсси попыталась не показать ему свою тревогу, поскольку Диана кивнула в его сторону и сказала:

— Это Кристофер Хендерсон — Крис, скажи «привет»; Это Кэсси. Ты отгонял ее белого Рэббита.

Белокурый парень повернулся и посмотрел на нее, защищаясь:

— Я его не касался. Я даже его не видел, okay? Я был где-то в другом месте.

Диана и Мелани обменялись терпеливыми взглядами.

— Крис, — сказала Диана, — Ты о чем?

— О Рэббите этой малышки. Я не брал его. Я не интересуюсь маленькими пушистыми животными. Мы все братья, okay?

Диана секунду смотрела на него, затем покачала головой.

— Возвращайся к своему обеду, Крис. Забудем об этом.

Крис нахмурился, пожал плечами, и повернулся к Шону.

— Так что там с этой новой группой — «Холера», правильно? И они выпускают новый альбом..?

— Но кто-то ведь действительно пригнал мою машину, — неуверенно произнесла Кэсси.

— Он сделал это, — сказала Лорел, — У него просто не очень хорошая память на события. Но всё же он много знает о музыке.

Шон, как заметила Кэсси, здесь был совсем не таким, как тогда, у шкафчиков. Он был чрезмерно вежлив, словно сильно хотел понравиться, и часто предлагал девушкам какую-либо помощь. Они смотрели на него, как на вечно немного раздражающего младшего брата.

Он и Лорел были примерно того же возраста, что и Кэсси. Они сидели и ели всего несколько минут, когда в дверном проеме появилась землянично-белокурая голова. Сьюзан выглядела недовольной.

— Дебора задерживается на обед, а Фэй чем-то занята, поэтому я ем здесь, — объявила она.

Диана подняла на неё глаза.

— Хорошо, — ровным голосом сказала она, затем добавила, — Это — моя подруга Кэсси, Сьюзан. Кэсси, это — Сьюзан Уиттиер.

— Привет, — поздоровалась Кэсси, стараясь, чтобы это прозвучало будничным тоном. Возникла некая напряженность. Затем Сьюзан обратила на нее свои синие, словно фарфоровые, глаза.

— Привет, — ответила она, наконец, немедленно села и начала вынимать еду из своего пакета для ланча.

Кэсси смотрела на приготовления Сьюзан, затем бросила быстрый взгляд на Лорел. После она посмотрела на Диану и вопросительно приподняла брови. Она услышала треск пластмассы — Сьюзан извлекла из пакета последний предмет. Сразу за этим последовал пронизывающий вопль Лорел:

— О, Боже мой! Ты опять ешь это! Ты знаешь, что находится в этой еде, Сьюзан? Говяжий жир, сало, растительное масло — а этот пятидесятипроцентный белый сахар...

Диана сидела, закусив губу, а Кэсси тихо подрагивала, пытаясь удержать серьезное выражение лица. Наконец, это стало слишком невыносимо, и она начала хихикать. И как только она сделала это, Диана тоже начала смеяться. Остальные смотрели на них, явно сбитые с толку.

Кэсси улыбнулась своему бутерброду с тунцом. После долгих недель одиночества она нашла своё место. Она была подругой Дианы, приёмной сестрой Дианы. И её место здесь — рядом с Дианой.

Глава 10 (Перевод: Катя Katrin Морохова)

В ту пятницу Кори пришла в заднюю комнату на ланч. Она, казалось, испытывала благоговейный трепет перед старшими девочками и даже была весьма почтительна к Кэсси, что было довольно мило с её стороны.

Конечно, к Сьюзан и Деборе не было такого уважения. Клубничная блондинка будто бы и не замечала присутствия Кэсси, если только она не хотела что-то ей отдать или что-то забрать, а байкерша не спускала с Кэсси пристального угрюмого взгляда всякий раз, когда они проходили по холлу. Дебора и Дуг — один из братьев Хендерсон — появились в задней комнате только один раз с тех пор, как там начала есть Кэсси, и они провели все время, неистово споря о какой-то группе хэви-метал. Ни Фэй, ни Ник, темноволосый холодный красавчик, который спас рюкзак Кэсси, совсем не появлялись всю ту неделю. Но Кори Хендерсон была дружелюбна. Теперь, когда Кэсси знала, она видела её сходство с Крисом и Дугом — светлые волосы и сине-зеленые глаза, которые Кори подчеркивала, нося всё время бирюзовое ожерелье и кольцо. Хотя Кори не была столь же необузданная, как ее братья. Она казалась самой обыкновенной, приветливой, выглядящей-на-пятнадцать девчонкой.

— Я так этого ждала, не могу поверить, что осталось совсем немного, — сказала она в конце ланча. — Я хочу сказать, вы подумайте только, уже в следующий вторник! Папа сказал, что мы можем устроить вечеринку на пляже — ну, по крайней мере, он не сказал, что мы не можем — и я хочу устроить что-то действительно особенное, потому что это будет еще и праздник...

Она внезапно затихла. Кэсси, проследила за её взглядом и увидела, как Диана прикусила нижнюю губу и слегка покачала головой.

«Что Кори сказала не так?» — Задалась вопросом Кэсси. И затем её осенило: она впервые услышала про вечеринку, хотя это точно не было новостью для других. Неужели её не пригласят?

— Так, эмм, вы думаете, Адам вернется как раз к... к... Я... в смысле, когда вы думаете вернется Адам? — Заикаясь, спросила Кори.

— Я действительно не знаю. Я надеюсь, что скоро, но... — Диана слегка пожала

плечами. — Кто может сказать? Кто вообще может знать?

— Кто такой Адам? — Спросила Кэсси, решив показать, что её совершенно не интересует вечеринка.

— Ты хочешь сказать, она тебе еще не рассказала об Адаме? Диана, есть такая вещь как чрезмерная скромность, — произнесла Мелани, и ее холодные серые глаза были полны скептицизма.

Щеки Дианы залил жаркий румянец.

— Просто не было времени... — начала она, а Лорел и Мелани заулюлюкали.

Кэсси была удивлена. Она никогда не видела, чтобы Диана так реагировала.

— Нет, ну правда, — произнесла Кэсси. — Кто он? Он твой парень?

— Еще с детства, — ответила Лорел. — Они всегда были вместе.

— Но где он? Он в колледже? Какой он?

— Нет, он просто посещает некоторых людей, — сказала Диана. — Он взрослый, но он был далеко отсюда весь этот год. И что касается того, какой он... что ж, он хорош. Я думаю, тебе бы он понравился. — Она улыбнулась.

Кэсси обернулась к Лорел за дополнительной информацией. Лорел махнула палочкой цуккини.

— Адам... — Сказала Кори, — да, он...

Даже Мелани не смогла найти правильных слов.

— Ты должна его увидеть, — наконец сказала она.

Кэсси была заинтригована.

— У тебя есть его фотография? — спросила она Диану.

— Нет, у меня её нет, — ответила Диана. Увидев разочарование Кэсси, она решила пояснить, — понимаешь, здесь у людей есть своего рода глупое суеверие о фотографиях — они им не нравятся. Поэтому многие из нас их не делают.

Кэсси попыталась притвориться, что это не так причудливо, как она на самом деле думает.

«Как аборигены», — изумленно подумала она. — «Считают, что камера украдет их души. Как хоть кто-то, живущий в двадцатом веке, может так считать?»

— Тем не менее, он очень симпатичный, — пылко произнесла Кори.

Сьюзан, которая была полностью поглощена поеданием ланча, отвлеклась, чтобы томным голосом произнести:

— То тело...

— Те глаза... — продолжила Лорел.

— Эй, полегче, — сказала, улыбаясь Мелани. — А то вы сведете Диану с ума прежде, чем он вернется.

— Свести с ума настолько, чтобы она, быть может, дала шанс кому-то другому? — Высказался Шон. Девочки снисходительно переглянулись.

— Возможно Шон, когда-нибудь в следующем тысячелетии, — негромко сказала Лорел. Забавляясь, Мелани пояснила Кэсси:

— Адам и Диана даже не видят никого другого из противоположного пола, кроме друг друга. В течение многих лет Адам считал, что все мы мальчики.

— Что в случае с Сьюзан требовало бы от него большого воображения, — вмешалась Лорел.

Сьюзан фыркнула и посмотрела на плоскую грудь Лорел.

— А по отношению к другим людям он не проявил вообще никакого воображения.

— Что насчет тебя, Кэсси? — прервала Диана прежде, чем мог разгореться спор. — У тебя там дома остался парень?

— Не совсем, — ответила Кэсси. — Хотя этим летом был один парень. Он был... — Она остановилась. Не хотела рассказывать эту историю при Сьюзан. — Он выглядел... полный порядок. Итак, всё-таки, как прошло свидание Фэй с Джеффри? — Внезапно спросила она Сьюзан.

Взгляд Сьюзан ясно говорил о том, что её не одурачила внезапная смена темы, но, тем не менее, она не могла не ответить:

— Рыбка клюнула, — сказала она с ухмылкой. — Теперь всё, что она должна сделать — это затянуть леску.

Затем прозвенел звонок, прервав все дальнейшие беседы о парнях или свиданиях. Но Кэсси заметила во взгляде Дианы нежность, задумчивость, мечтательность — этот взгляд был у нее весь остаток дня.

После школы Диана и Кэсси возвращались вместе по Краухэвен Роуд. Когда они проезжали мимо дома семьи Хендерсон, одного из тех домов, которые были в ужасном состоянии, Кэсси заметила, что Диана прикусила нижнюю губу. Это был верный признак того, что её что-то сильно беспокоило.

Кэсси решила, что знает причину этого беспокойства.

— Я не переживаю из-за вечеринки Кори, — тихо сказала она, и Диана бросила на нее удивленный взгляд.

— Я... нет, — настаивала Кэсси. — Я даже на самом-то деле не знаю Кори. Единственный раз, когда я ее видела, это тогда, когда она спускалась по лестнице вместе с Фэй. Что случилось? — добавила она, поскольку Диана выглядела еще более удивленной.

— Кори обедала вместе с Фэй и остальными в тот день, когда ты подслушала их разговор?

— Ну да, она пришла, когда они уже заканчивали есть. Там была еще группа ребят, но Кори была единственной, кому Фэй позволила остаться. Фэй сказала...

— Что сказала Фэй? — Спросила Диана спокойным голосом.

— Она сказала, "Я думала, что ты поешь в кафетерии с остальной компанией тех ходячих добродетелей". — Кэсси не стала упоминать "Мадемуазель Непорочность".

— Хм. И что Кори на это ответила?

Кэсси стало неловко.

— Она сказала что-то о том, что совершенство в таком количестве — это уже скучно. Хотя она не пробыла с ними долго. Я думаю, Фэй и Сьюзан попытались запутать её.

— Мм, — сказала Диана. Она снова кусала губу.

— Так или иначе, — продолжала Кэсси, — я не возражаю против того, чтобы не быть приглашенной на её вечеринку, но как думаешь... то есть, как ты думаешь, у меня есть шанс когда-нибудь тоже попасть в Клуб?

Зеленые глаза Дианы немного расширились.

— Ох, Кэсси. Но ты же сама не хочешь. — Сказала она.

— Я знаю, что некоторые вещи, которые я говорила на прошлой неделе, прозвучали именно так. Но ты же сказала мне не судить о Клубе по Фэй, я теперь и не сужу. И вы мне нравитесь — и ты, и Мелани, и Лорел, и Кори, ну и Сьюзан тоже ничего. Да даже Крис Хендерсон. Таким образом, я думаю, возможно... — Она мягко понизила голос в конце предложения. Кэсси почувствовала, что её сердце забилось быстрее.

— Это не то, что я имела в виду, — ответила Диана. — Я имела в виду, что ты не можешь, потому что ты хочешь вернуться домой, в Калифорнию, как только у тебя появится возможность это сделать. Это ведь правда, не так ли? Ты говорила, что планируешь поступить там в колледж.

— Хорошо, да, со временем, но... — Кэсси это сказала, когда впервые ночевала у Дианы. Теперь она не была столь же в этом уверена, как раньше, но она не знала, как это объяснить.

— Причем здесь это вообще? — продолжала она. — В смысле, ведь вступление не означает же, что надо быть тут всю оставшуюся жизнь, не так ли?

Взгляд Дианы был прикован к дороге.

— Это трудно объяснить. — Мягко сказала она, — И в любом случае, я боюсь, что членство сильно ограничено.

Внезапно Кэсси вспомнила слова Деборы после того, как Кори ушла в тот день. «Одно вакантное место — один кандидат, понимаете?» А Кори не была чужой. Она выросла здесь. Крис и Дуг были ее братьями. Она не была чужаком, принятым только потому, что Диана настояла, она не была щенком, подобранным с улицы.

— Я понимаю, — сказала Кэсси. Она попыталась произнести это так, будто всё хорошо, будто для нее это не имеет никакого значения. Но имело. И это было ужасно.

— Нет, не понимаешь, — прошептала Диана. — Но я думаю, что всё к лучшему. Это действительно так, Кэсси, поверь мне.

— О, нет, — сказала Диана. — У меня нет скотча. Он, должно быть, закатился под сидение. Подожди меня тут, вдвоем возвращаться нет смысла. — Она развернулась и заспешила в сторону стоянки. Сейчас было раннее утро. У Дианы был плакат, который они нарисовали вместе с Лорел, с надписью "С днем рождения, Кори". Она собиралась повесить его над главным входом в школу, и Кэсси предложила помочь. Кэсси думала, что это особенно благородный и бескорыстный жест, поскольку она не была приглашена на вечеринку Кори. Это также показывало, что она совершенно не переживает по этому поводу. Сейчас она смотрела на главный вход в школу, который еще две недели назад пугал ее до смерти. Две недели. Первую неделю она провела как изгнанница, изгой, та, с кем опасно заговорить, не рискуя обрушить гнев Фэй на голову заговорившего. Но вторая неделя...

«Диана, — размышляла она, — не влияет на людей, запугивая их. Она делает это намного более тонко, и с любовью. Звучит невероятно глупо и как с открытки Холлмарка, но это правда».

Все любили Диану — как девчонки, так и парни — и большинство из них прошли бы по раскаленным углям ради нее. Поскольку Диана окрестила Кэсси «маленькая сестрёнка», то она моментально получила статус намного выше того, который когда-либо смогла бы достигнуть сама. Теперь она повсюду ходила с самой модной компанией в школе, и если она и не была полностью ее членом, то это знали только они сами.

«Ты почти одна из нас». — Кэсси снова услышала в мыслях слова Фэй к Кори. Отлично, сегодня день рождения Кори, и сегодня Кори станет одной из них. Сегодня Кори вступит Клуб.

А Кэсси никогда.

Кэсси сгорбила плечи, пытаясь не обращать внимания на мысли, но её пробрала дрожь. Она обхватила себя, сжав руками локти. В конце сентября было намного прохладней, чем она привыкла. Лорел и Мелани обсуждали уикенд по поводу осеннего равноденствия, которое как раз было сегодня. Мелани объяснила, что это был день, когда количество часов дневного света равнялось количеству часов темноты, что и означало начало осени. Кэсси предположила, что сегодняшний день по праву может быть таким холодным. Все говорили, что скоро начнут опадать листья.

Мелани и Лорел действительно ушли с головой в обсуждение равноденствия. Казалось, это ужасно важно для них, хотя Кэсси и не понимала почему. Еще одна маленькая тайна о Нью Салеме, начинающая сводить Кэсси с ума. Её снова пробрала дрожь, и она зашагала быстрее, растирая руки от холода.

Холм простирался перед ней далеко вниз. Она подошла к вершине лестницы и попружинила на носочках. Стоял ясный, свежий день, и она видела, как вокруг неё осенние краски смешивались с яркой зеленью то тут, то там. Кусты через дорогу — как Лорел их называла? Сумах. Кусты сумаха были уже красными. Некоторые из сахарных кленов стали золотисто-желтыми, а у основания холма более красными...

Кэсси нахмурилась и перестала растирать руки. Она спустилась на одну-две ступеньки вниз и немного наклонилась вперёд, внимательно присмотревшись. Краснота у основания холма была слишком уж алой, слишком яркой. Она никогда не думала, что листва может окрашиваться в такой цвет. Это не естественно.

Её охватила сильная дрожь. Боже, как же холодно. Что бы ни было там внизу, оно было

скрыто в молодом подлесье, но это был не кустарник, решила она. Походило больше на свитер, который кто-то выкинул.

«Он испортится, лежа на влажной земле», — подумала Кэсси. — «Чей бы он ни был, но владелец явно будет недоволен».

Она спустилась еще на одну ступеньку вниз. Конечно, он мог быть уже испорчен или возможно его просто кто-то выбросил как мусор.

Но это не было похоже на мусор. У него была форма — она увидела что-то, что было похоже на рукав свитера. На самом деле, это даже было похоже на целую связку одежды. А чуть ниже свитера лежало что-то похожее на джинсы...

Внезапно у Кэсси перехватило дыхание.

Забавно, действительно забавно, потому что это очень похоже на человека. Но это было бы настолько глупо — земля сейчас влажная и холодная, — любой лежащий там моментально бы замерз...

Она начала быстро спускаться вниз.

Глупо, но действительно, это больше похоже на человека. Вон там — ноги. А желтое — это могут быть волосы. Должно быть, спит... но кто мог вот так заснуть? Прямо около дороги. Конечно, сорняки и трава скрывали того, кто лежал там...

Теперь она была очень близко, и всё происходило как при замедленной съемке, всё, кроме её бешено крутящихся мыслей.

"О, Слава Богу — это все же не человек, а просто кукла. Как одна из тех набитых чучел, которые делают на Хэллоуин, чтобы пугать людей. Эта кукла так согнута пополам... человек не может быть так согнут... шея похожа на шею той куклы в моем шкафчике. Будто кто-то оторвал голову..."

Тело Кэсси странно реагировало. Ее грудь вздымалась, всё тело дрожало. Дрожь в коленях была настолько сильной, что она едва могла стоять. В глазах всё искрилось по краям, будто она сейчас упадет в обморок.

"Слава Богу, это не человек — но... О Боже мой, это рука? У кукол не бывает рук, как эта... рук с небольшими розовыми пальцами... и у кукол нет колец, бирюзовых колец..."

Где же она раньше видела подобное кольцо?

«Надо посмотреть на это поближе... нет, не надо смотреть, не надо смотреть...»

Но она уже увидела. Рука, с женскими ногтями, человеческая. Кольцо Кори.

До половины подъема на холм, Кэсси не осознавала, что кричит.

Ее ноги, так сильно дрожащие, сейчас через две ступеньки поднимали её всё выше на холм. Она постоянно кричала «Помогите, помогите, помогите». Только это были тоненькие, жалкие крики — неудивительно, что её никто не услышал. Всё это было похоже на те кошмары, в которых ваши голосовые связки парализованы. Но кто-то услышал. Поскольку как только она достигла вершины холма, к ней подбежала Диана. Она схватила Кэсси за плечи.

— Что случилось?

— Кори! — Еле выдавила Кэсси. Она едва могла говорить. — Диана, помоги Кори! Она ранена. Что-то не так! — Она знала, что это было больше чем «что-то не так», но просто не могла этого сказать, не могла. — Помогите ей, пожалуйста!

— Где? — Резко спросила Диана.

— У подножья. У подножья холма. Но не иди туда, — Кэсси задыхалась.

О, Боже, она совсем расклеилась. Она не могла с этим справиться, но и позволить Диане идти туда одной тоже не могла.

Диана уже летела вниз по лестнице. С негнущимися ногами, Кэсси побежала следом. Она видела, что достигнув конца лестницы, Диана остановилась, затем упала на колени и согнулась вперед.

— Она...? — Кэсси сжала кулаки.

Диана выпрямилась. Кэсси поняла ответ из-за напряжения в её плечах.

— Она холодная. Она мертва.

Затем Диана обернулась. Лицо ее было белым, а зеленые глаза горели. Что-то в ее выражении дало Кэсси силу, и она, подойдя ближе, опустилась рядом с Дианой и крепко ее обняла. Она почувствовала, что Диану бьет сильная дрожь. Кори была другом Дианы, но не её.

— Всё будет хорошо. Всё будет хорошо, — выдыхала она успокоительную ложь. Никогда уже не будет всё хорошо, никогда. В голове Кэсси снова и снова эхом звучали слова.

"Когда-нибудь тебя могут найти у основания той лестницы со сломанной шеей..."

"Когда-нибудь они могут найти тебя..."

Шея Кори была сломана.

Именно это сказал полицейский врач. После того, как Кэсси и Диана поднялись по лестнице, всё вокруг казалось им дурным сном. Приехали взрослые и взяли всё на себя. Управление школы, полиция, врач. Все они задавали вопросы. Делали заметки в своих блокнотах. В течение всего этого школьники стояли в стороне и наблюдали. Они не были частью этого взрослого процесса. У них были свои вопросы.

— Чего мы ждем? Почему мы просто не сдадим ее? — говорила Дебора, когда Кэсси вошла в заднюю комнату. Сейчас не было время ланча, но в этот день, казалось, всех обычных правил просто не существует.

— Мы все слышали, что она сказала, — продолжала Дебора. — Сьюзан, Фэй, и я, и даже она слышала это. — Она махнула рукой в сторону Кэсси, которая тупо пыталась сделать сок с помощью соковыжималки. — Эта дрянь сказала, что собирается это сделать, и она сделала это. Так чего же мы ждем?

— Правду, — спокойно и холодно ответила Мелани.

— От них? Посторонних? Ты это сказала не всерьез. Они никогда не признают, что это сделала Салли. Полицейские говорят, что это был несчастный случай. Несчастный случай! Они говорят, что нет никаких следов борьбы. Она поскользнулась на влажной ступеньке. А вы знаете, что говорят другие ребята? Они говорят, что это был один из нас!

Лорел оторвала взгляд от горячей воды, которую она заливала в чашку с сушеными листьями. Кончик ее носа был розоватый.

— Возможно, это и был один из нас, — сказала она.

— Например? — Глаза Деборы сверкнули.

— Например, тот, кто не хотел, чтобы она вступила в Клуб. Тот, кто боялся, что она не на правильной стороне, — ответила Лорел.

— И все мы знаем, какая сторона боялась бы, — сказал новый голос, и Кэсси так вздрогнула, что чуть не уронила стакан с соком.

Это была Фэй. Кэсси никогда прежде не видела ее в задней комнате, но сейчас она была здесь, с её немного прищуренными глазами медового цвета.

— Хорошо, со стороны Дианы нечего было бояться, — сказала Лорел. — Кори боготворила Диану.

— Да-а? Тогда почему она всю прошлую неделю обедала со мной? — Медленно спросила Фэй хрипловатым голосом.

Лорел выглядела неуверенно. Затем ее лицо стало спокойным, и она покачала головой.

— Мне всё равно, что ты говоришь. Я никогда не поверю, что Диана могла бы причинить вред Кори.

— Она права, — Вставила Сьюзан к удивлению Кэсси. — Диана не смогла бы.

— Между прочим, мы уже знаем, кто смог бы, — резко сказала Дебора. — Это была Салли или возможно тот ее друг-идиот. Я говорю, мы сдадим их, сейчас же!

— Она права, — сказал Шон.

Лорел посмотрела на него, затем на Дебору, потом на Фэй.

— А ты что думаешь, Мелани? — Наконец сказала она.

Голос Мелани был все еще тихий, словно отдаленный.

— Я думаю, мы должны провести собрание, — ответила она. Шон легонько стукнул себя по лбу.

— Она права, — сказал он.

Именно тогда вошла Диана. Позади нее шли братья Хендерсон. Они оба выглядели изумлёнными и подавленными. Как будто они не могли понять, как это могло случиться с ними. У Криса были покрасневшие глаза.

Все замолчали при виде братьев. И они сели за стол в полной тишине.

Фэй повернулась к Диане. Ее золотые глаза были как два золотых пламени.

— Садись, — решительно заявила она. — Нам надо поговорить.

— Да, — ответила Диана.

Она села, и Фэй тоже. Лорел тоже села после того, как поставила две чашки горячего чая перед братьями Хендерсон. Дебора развернула стул и уселась на него. Сьюзан и Мелани итак уже сидели.

Все повернулись и посмотрели на Кэсси.

Их лица были странными. Чужак. Обычно дружелюбное, напоминающее эльфа, лицо Лорел сейчас было непроницаемым. Холодные серые глаза Мелани были еще более безразличными, чем когда-либо. Пухлые губы Сьюзан были плотно сжаты. Дебора была в ярости настолько, что еле сдерживалась. Даже обычно хитрое выражение лица Шона сменилось беспрецедентным достоинством. Диана была бледной и строгой.

Стеклянная дверь распахнулась, и вошел Ник. Его лицо походило на холодный красивый камень, и ничего не выражало, но он сел за стол около Дуга.

Кэсси была единственной в комнате, кто остался стоять. Она смотрела на них, членов Клуба, а они смотрели на нее. Ничего не нужно было говорить. Она просто развернулась и вышла из комнаты.

Глава 11 (Перевод: Надежда)

Кэсси не знала, куда она направляется. Школа была попыткой удержать класс, даже, несмотря на то что, кажется, снаружи детей было больше, чем в кабинетах. Они были в коридорах, на лестнице, толпились около главного входа. Кэсси с изумлением посмотрела на часы и затем пошла в кабинет начальной физики. Она, вероятно, могла позвонить маме и сразу идти домой, если бы захотела, но она не хотела встречаться с мамой прямо сейчас. Она только хотела попытаться и сделать вид, что всё нормально.

Когда она села, получив бессмысленное замечание, она почувствовала взгляды, направленные на неё. У неё было странное ощущение, что она вернулась в прошлое и что это было две недели назад, когда Фэй избрала её. Но сейчас класс, который она видела, был другим. Люди подходили к ней и бормотали «Ты в порядке?» и «Как дела?». Они выглядели болезненно — будто не хотели говорить с ней, но чувствовали, что так будет лучше. После её последнего урока было намного больше визитов: люди подходили группами по двое или по трое, чтобы сказать «Сожалеем» или «Только хотим, чтобы ты знала, что мы тоже скучаем по ней».

Истинность этого внезапно поразила её, и она чуть не засмеялась над иронией. Они соболезновали! Кэсси не состояла в Клубе. Все эти посторонние подходили к ней, не осознавая, что она была такой же посторонней, как любой из них.

Когда чирлидер подошла к ней и сказала: «Ох, это, должно быть, так тяжело для тебя», — Кэсси не выдержала.

— Я даже не знала её! — взорвалась она. — Я разговаривала с ней единственный раз в жизни!

Чирлидер поспешно отошла. После этого соболезнования закончились.

Миссис Лэннинг, учитель истории, привезла Кэсси домой.

Кэсси уклонилась от взволнованного маминого вопроса — по-видимому, из школы уже позвонили, чтобы объяснить, что случилось — и вышла наружу. Она слезла по крутому спуску к пляжу за домом её бабушки.

Океан никогда не казался холоднее. Он был тяжелого, отливающего серебром цвета — как ртуть в термометре. День, который вначале был таким ярким, превращался в тучный, и он становился всё мрачнее и мрачнее, пока Кэсси шла.

И шла.

Пляж был одним из плюсов жизни здесь — но что сейчас в нем хорошего? Она гуляла по нему в одиночестве.

Её грудь разрывалась. Это было, словно все страшные события дня были заперты в ней и стремились выбраться наружу. Но освобождения не было.

Она думала, что быть загнанной в школу — самая худшая вещь, которая могла с ней случиться. Но было хуже почти принадлежать, и внутренне знать, что это не так и никогда так не будет. Она знала, что это эгоистично, заботиться о себе после того, что случилось с Кори, но она не могла изменить этого. Со всем гневом смятения и болью внутри неё, она почти завидовала Кори. Кори была мертва, но она до сих пор принадлежала той компании. У неё было место.

Кэсси, с другой стороны, никогда не чувствовала себя так одиноко.

Небо было темно-серым. Океан, бесконечно протянувшийся под ним, был даже темнее. Глядя на него, Кэсси почувствовала странное и страшное очарование. Если бы она только пошла навстречу ему и продолжала идти...

«Прекрати это! — Подумала она свирепо. — Держи себя в руках».

Но это было бы так легко...

«Да, и тогда ты была бы действительно одинока. Навсегда одинока, в темноте. Звучит хорошо, не так ли, Кэсси?»

Сильно дрожа, она увела себя от шепота серой воды. Её ноги были оцепенелыми и холодными, а пальцы были как лёд. Она спотыкалась, пока поднималась по узкой, каменной дороге.

Этой ночью она задернула все занавески в своей комнате так, чтобы не видеть океан или темноту снаружи. Грудь болела. Она открыла свою ювелирную шкатулку и достала кусочек халцедона.

«Я пока не прикасалась к твоему подарку. Но я думаю о тебе. Что бы я ни делала, где бы я ни была, ты где-то в моём разуме. И ох, как я хочу...»

Её рука дрожала, когда она закрыла глаза и приложила камень к своим губам. Она почувствовала знакомую кристальную шершавость, прохладу, нагревающуюся от её тепла. Её дыхание становилось чаще, и слёзы наворачивались на глаза.

«Ох, когда-нибудь, когда-нибудь...», — думала она.

Затем её рот искривился от боли. Волны чего-то похожего на лаву хлынули в её грудь, и она бросила камень так сильно, как могла, через всю комнату. Он ударился о стену с резким звуком и со звоном упал на пол.

«Ничего не будет когда-нибудь! — кричал жестокий голос в ней. — Прекрати обманывать себя! Ты никогда не увидишь его снова».

Она легла на кровать, уставившись болевшими глазами в тусклый свет маленького ночника на дальней стене. Она не могла плакать. Все её слёзы были высушены. Но её сердце чувствовало себя так, словно рвалось наружу.

Кэсси снился океан — тёмный бесконечный океан. Корабль был в опасности. Она могла слышать скрип дерева под собой. Они сели на мель. И что-то было потеряно... потеряно...

Она тут же проснулась, задыхаясь. Что это был за шум?

Напрягая тело, она прислушалась. Тишина. Её глаза старались проникнуть в темноту. Ночник был выключен.

Почему ей раньше не приходило на ум бояться? Что с ней было не так этим вечером? Она ходила по пляжу одна, даже никогда не задумываясь, что человек, который убил Кори, может наблюдать, поджидать...

«Несчастный случай, — думала она, напрягая все органы чувств. — Они сказали, что, вероятно, это был несчастный случай».

Ей казалось, что она видит мерцающий свет в темноте. И она могла чувствовать...

Присутствие. Наподобие тени перед ней. Ох, Боже, она может чувствовать это. Она ощущала, что это словно давило на кожу, словно излучало холод. Что-то было в её спальне.

Её глаза пристально всматривались в абсолютный мрак, её тело напряженно дрожало. С безумием, она думала, что если не будет шевелиться, если не издаст ни звука, то это не сможет найти её.

Но она была права.

Она слышала шуршащий шум, крадущийся вперед. Затем ясный скрип паркета.

Что-то шло к ней.

Внезапно она ощутила способность двигаться. Она набрала в грудь воздуха, чтобы закричать — нечто пронеслось в темноте и закрыло ей рот.

Моментально, всё изменилось. До этого, всё было как на замедленной пленке, теперь всё пришло в головокружительное движение. Она боролась. В любом случае, это не было ничем хорошим; её руки были схвачены и сдерживаемы. Что-то ещё удерживало её ноги.

Её крутили снова и снова. Заворачивали в простыню. Она не могла пошевелиться. Её руки были в капкане из полотна. Она попыталась пнуть, но ноги тоже были в ловушке.

Она чувствовала, как её подняли. Она не могла кричать; она задыхалась. Что-то было над головой, душащее её. И ещё более страшной вещью была тишина, абсолютная, продолжающаяся тишина. Что бы её ни держало, оно было таким бесшумным, как призрак.

Как призрак... и она сама была сейчас укутана в саван. Дикие размышления укоренились в голове Кэсси.

Оно несло её из её спальни. Уводило вниз по лестнице — из дома. Оно вынесло её наружу, чтобы похоронить.

Она завидовала Кори — теперь же она направлялась присоединиться к ней. Что-то собирается бросить её в грунт — или в море. Отчаянно, она пыталась отбиться, но сдерживающая ткань была слишком тугой.

Она никогда не была так напугана.

Вовремя, хотя неистовство её первой паники исчерпало себя. Это было словно бороться с узкой курткой; борьба только способствовала усталости. И перегреву. Что-то её душило, и здесь было так жарко... если бы она только могла дышать....

Задыхаясь, Кэсси почувствовала, как её тело обмякало. Следующие несколько минут вся её концентрация была посвящена только тому, как получить достаточно воздуха. Затем, медленно, она снова начала думать.

Её нес больше, чем один человек. Это было определено. Её руки и ноги были сдерживаемы не только намотанной тканью простыни, но и руками.

Человеческими руками? Или... изображения наводнили её разум. Изображения ужасного передвижения. Скелетообразные руки, едва покрытые высохшей плотью. Сумрачные руки с синюшно-голубыми когтями смерти. Изувеченные руки, руки из могилы...

«Ох, Боже, пожалуйста.... Я схожу с ума. Пожалуйста, заставь это прекратиться или я умру. Я умру от ужаса. Никто не может быть таким напуганным и выжить».

Но, в конце концов, умереть было не так-то легко. Это не прекращалось, и она продолжала жить. Это походило на кошмар, но Кэсси знала, что не спит. Она могла просить всё, что угодно, но не просыпалась.

Тогда всё прекратилось.

Её больше не несли; её держали. Затем наклонили... Её ноги оттолкнулись и прикоснулись к земле. Она стояла на своих ногах. Простыня была развернута; она почувствовала ветерок на ногах, и как подол её ночной рубашки развеялся по ним. Её руки были свободны.

Она слабо дернулась, но её запястья схватили и сдерживали за ней. Она до сих пор не могла видеть. Что-то было на её голове, что-то вроде капюшона. Внутри было жарко, и она вдыхала свой собственный углекислый газ. Она покачивалась, желая оттолкнуться, снова бороться, осознавая, что у неё нет сил.

Затем, прямо за собой, она услышала звук, который изменил всё.

Это было хихиканье.

Медленное и громкое. Забавное. Но с мрачной остротой.

Безошибочно.

Фэй.

Кэсси думала, что прежде была напугана. Она представляла призраков, живую смерть, которая тащит её в землю за собой. Но все эти дикие и сверхъестественные страхи были ничем по сравнению с ужасом, что она почувствовала сейчас.

В один ослепительный миг она сложила всё вместе. Фэй убила Кори. И так же, как Кори, сейчас будет убита Кэсси.

— Подойди, — сказала Фэй, и Кэсси почувствовала толчок посередине спины. Её руки были связаны вместе за ней. Она покачнулась и сделала шаг.

— Вперед, — сказала Фэй.

Кэсси покачнулась на следующем шаге, и рука привела её в равновесие. Это был кто-то сбоку. Выходит, Фэй не была одна. Ну, конечно, нет; она бы не смогла нести Кэсси на себе.

Кэсси никогда не осознавала, как это важно — видеть. Это было ужасно, проделывать прогулку подобно этой, прогулку в неизвестность. По всему, что она знала, Фэй могла вести её вперед с утёса.

Нет, не с утеса. Они не были на обрыве; они были на берегу. Несмотря на то, что она не могла видеть, теперь, потому что она больше не была завернута в простыню, функционировали её остальные органы чувств. Слева от неё был медленный, ритмичный рев волн. Очень близко. Под своими ногами она могла чувствовать раскрошенный, слегка придавленный песок. Ветерок, который приподымал ночную рубашку у её икр, был холодным и свежим. Пахло солью и водорослями.

— Остановись.

Кэсси автоматически повиновалась. Она попыталась сглотнуть и поняла, что внутри рот был как склеенный.

— Фэй... — выдавила она.

— Тихо! — голос был резким, уже без лени. Как кошка с выпущенными когтями. Внезапное давление на шею заставило Кэсси сжаться — кто-то схватил низ капюшона и предостерегающе затянул его. — Не разговаривай, пока тебе не зададут вопрос. Не двигайся, пока тебе не скажут. Ты поняла?

Оцепенело, Кэсси кивнула.

— Теперь сделай шаг вперед. Повернись влево. Остановись. Вернись вправо. Не издавай ни звука.

Руки двигались за шеей Кэсси. Затем пронесся великолепный прохладный воздух, когда слетел капюшон. Свет вспыхнул перед ней, и Кэсси в изумлении уставилась на фантастическую сцену перед глазами.

«Черное и белое», — это была первая мысль. Всё было абсолютно черным и белым, как поверхность луны.

И луна была перед ней. Чисто белая, только что взошедшая, в форме совершенного полумесяца над океаном. Океан был таким же черным, как небо, за исключением призрачно белой пены на волнах. И перед ним стояла фигура, которая, казалось, сияла тусклым светом.

Диана?

Она была одета в тонкую белую рубашку, в которой её руки оставались обнаженными. Одной рукой сжимала широкую серебряную манжету со странной гравировкой. На её лбу было что-то вроде диадемы с полумесяцем луны, с рогами направленными вверх. Её длинные волосы, свободно ниспадающие вниз, казалось, были сплетены из лунного света.

В её руке был кинжал.

С ужасной ясностью Кэсси сейчас вспомнила сон, в котором она с мамой и бабушкой были в её комнате. Жертвоприношение, — сказала одна из них. Было ли это тем, зачем она сейчас здесь? Жертвоприношение?

Очарованная, она уставилась на лезвие кинжала, на лунный свет, мерцающий на нём. Затем она посмотрела на лицо Дианы.

«Я бы никогда в это не поверила — нет, я бы не поверила в то, что ты поможешь Фэй сделать это. Но ты здесь, с ножом. Я вижу это. Как я могу не верить собственным глазам?»

— Повернись вокруг, — сказал голос.

Кэсси почувствовала, как её тело разворачивается.

Круг был начерчен на песке, огромный круг. Внутри и снаружи были свечи, воткнутые прямо в побережье. Воск плавился на песок. Свечи были всех размеров, всех цветов. Некоторые выглядели так, будто горели уже долгое время, из-за количества воска расплавленного под ними и слабого свечения. Каждое пламя плясало в легком ветре.

Внутри круга были члены Клуба. Испуг Кэсси отступил, пока она мельком просматривала лица, но не больше, как вспышка молнии. Некоторые лица она видела собравшимися вокруг стола в задней комнате сегодня днем. Гордые. Красивые. Чужие.

Фэй была одной из них. Она была одета во всё черное. И, если волосы Дианы казались сплетенными из лунного света, то её были сплетены из мрака.

Диана прошла мимо Кэсси и шагнула в круг. Внезапно Кэсси осознала, что кольцо нарисовано на песке не до конца. Был пробел в северо-восточном углу, прямо перед её ногами.

Она стояла как раз на пороге.

Пораженно, её глаза искали Дианы. Выражение Дианы ничего не показывало; её лицо было бледным и отдаленным. Сердце Кэсси, которое прежде приглушенно стучало, теперь набирало скорость.

Диана заговорила, её голос чистый и музыкальный, но она говорила не с Кэсси.

— Кто вызовет её?

Гортанный голос Фэй ожил в ответ.

— Я вызову.

Кэсси не видела кинжал, пока Фэй держала его на её горле. Он колол, слегка нажимая на выемку, и она почувствовала, как её глаза расширяются. Она пыталась держаться совершенно тихо. Из-под капюшона Фэй, загадочные глаза пристально смотрели прямо в её. Было какого-то рода жестокое удовольствие в их глубине и такой огонь, какой Кэсси видела в научном здании, когда Фэй угрожала ей огнём.

Фэй улыбнулась ей медленной, пугающей улыбкой, и давление лезвия на горло Кэсси увеличилось.

— Я вызываю тебя, — сказала Фэй прямо Кэсси. — Если есть какой-нибудь страх в твоём сердце, то для тебя будет лучше самой броситься на этот кинжал, чем продолжать. Так что, Кэсси? — добавила она, её голос лениво понизился, приближаясь к шепоту, так что едва ли другие могли слышать. — Есть страх в твоём сердце? Будь осторожна с ответом.

Ошеломленная, Кэсси только пристально смотрела. Страх в её сердце? Как может не быть страха в её сердце? Они сделали всё, что могли, чтобы привести её в ужас — конечно, в её сердце был страх.

Затем, двигая только глазами, она посмотрела на Диану.

Кэсси вспомнила Лорел в задней комнате сегодня, после того, как Фэй намекнула, что Диана могла что-нибудь сделать со смертью Кори. Лорел на мгновение выглядела смущенной, но потом её лицо прояснилось, и она тогда сказала: «Меня не заботит, что ты говоришь; ты никогда не заставишь меня поверить, что Диана причинила бы Кори боль».

«Это была вера, — думала Кэсси. — Вера несмотря ни на что».

Верила ли она Диане так же?

«Да, — думала она, до сих пор глядя в пристальные зеленые глаза Дианы. — Я верю. Тогда могу я доверять ей несмотря ни на что? Достаточно ли ничего не бояться?»

Ответ пришел изнутри. Кэсси искала его в своём разуме, пытаясь найти истину. Всё, что случилось сегодня ночью — то, что они похитили её из кровати, понесли вниз без каких-либо объяснений, нож, странность всей церемонии — всё это выглядело плохо. И кто-то убил Кори...

«Я доверяю тебе, Диана».

Это был ответ, который она нашла на дне своего разума.

«Я доверяю тебе. Несмотря на всё это, не имеет значения, как это выглядит, я доверяю тебе».

Она посмотрела назад на Фэй, на лице которой до сих пор держалась маленькая кошачья улыбка. Пристально вглядываясь прямо в её глаза цвета мёда, Кэсси четко сказала:

— Продолжайте. В моем сердце нет страха.

Сразу, как она произнесла это, она почувствовала, как признаки ужаса спадают с неё. Слабость, головокружение, глухие удары её сердца. Она выпрямилась, даже несмотря на то, что её руки до сих пор были за спиной, и кинжал всё ещё указывал на её горло.

Что-то вспыхнуло в глазах Фэй. Что-то наподобие мрачного уважения. Её улыбка

изменилась, и она почти незаметно кивнула. В следующее мгновение её черные брови иронично поднялись, пока она говорила.

— Тогда шагни внутрь, — пригласила она.

Прямо вперед? На лезвие кинжала? Кэсси не позволила своим глазам оторваться от тех, золотых напротив неё. Момент она колебалась, затем шагнула вперед.

Лезвие отступило перед ней. Кэсси могла чувствовать, как сочились капельки влаги на её горле, когда оно отдернулось, и Фэй отступила назад.

Затем она посмотрела вниз. Она была внутри круга.

Диана взяла кинжал у Фэй и подошла к разлому в круге за Кэсси. Черча ножом по песку, она заполнила промежуток, делая круг целым. У Кэсси было странное ощущение закрытости, чего-то скрепленного. Словно дверь за ней была заперта. И словно всё внутри круга отличалось от всего снаружи.

— Встань в центр, — сказала Диана.

Кэсси попыталась пройти, выпрямившись во весь рост. Рубашка Дианы, теперь она могла видеть, была разрезана сбоку по всему бедру. На Диане было что-то длинное и изящное выше ступни. Подвязка? Выглядело наподобие этого. Как декоративные кружевные тесёмки и ленты, которые невеста одевает на свадьбу. Кроме того, они были сделаны из чего-то похожего на зеленую замшу и отстрочены голубым шелком. На них была серебряная пряжка.

— Повернись, — приказала Диана.

Кэсси надеялась, что веревки, которыми были связаны её руки, разрежут. Но вместо этого она почувствовала руки на своих плечах, раскручивающие её быстрее и быстрее. Её кружили вокруг и толкали из стороны в сторону, от человека к человеку. На мгновение паника снова поднялась в ней. У неё кружилась голова, она была дезориентирована. Со связанными руками она не могла поймать себя, если упадет. И где-то этот нож...

«Только продолжай. Расслабься» — сказала она себе. И, как по волшебству, её страх растворился. Она позволила себе отскакивать от одного человека к другому. Если она упадет, она упадет.

Руки привели её в равновесие, снова остановив лицом к лицу с Дианой. Она немного запыхалась, и мир покачивался, но она попыталась выпрямить себя.

— Ты вызвана и ты прошла испытание, — уведомила её Диана, и сейчас в Дианиных зеленых глазах была небольшая улыбка, несмотря на то, что губы были серьезными. — Теперь ты готова поклясться?

Поклясться о чём? Но Кэсси кивнула.

— Ты клянешься быть верной Кругу? Никогда не причинять вред тем, кто состоит в нём? Ты будешь защищать и оберегать их от тех, кто причинит им вред, даже если это будет стоить тебе жизни?

Кэсси сглотнула. Затем, пытаясь держать свой голос ровным, она сказала:

— Да.

— Ты клянешься никогда не открывать секреты, которые узнаешь, за исключением подходящих людей, как следует подготовленных Кругом, как любой из тех, кто стоит в нем сейчас? Ты клянешься хранить их секреты от всех посторонних, друзей и врагов, даже если это будет стоить тебе жизни?

— Да, — прошептала Кэсси.

— Океаном, луной, своей собственной кровью, ты клянешься?

— Да.

— Скажи, 'я клянусь'.

— Я клянусь.

— Она была вызвана и испытана, и она поклялась, — сказала Диана, шагнув назад и обращаясь к другим. — И теперь, раз все из нас в Круге согласны, я вызываю Силу посмотреть на неё.

Диана подняла кинжал над головой, указывая лезвием на небо. Затем она указала им на восток, навстречу океану, затем на юг, затем на западный утес, затем на север. Наконец, она указала на Кэсси. Слова, что она произносила, пока делала это, пронеслись волнами потрясения по позвоночнику Кэсси:

Огонь и воздух, земля и вода,
Смотрите, как дочь ваша встала сюда.
Во мраке иль в солнечном свете взываю,
Позвольте, чтоб было, как я пожелаю.

За вызов, за суд и священный обет,
Позвольте примкнуть ей к Кругу сейчас.
И тело, и жилы, и кровь, и скелет,
Кэсси одной сейчас станет...

— Но мы не все согласны, — перебил гневный голос. — Я до сих пор не думаю, что она одна из нас. Я не думаю, что она вообще когда-нибудь сможет быть одной из нас.

Глава 12 (Перевод: Елена Forever In Love With Dublin Черниченко)

Диана резко повернулась, чтобы посмотреть прямо в лицо Деборе.

— Нельзя прерывать ритуал!

— Да не должно быть никакого ритуала, — яростно ответила Дебора, ее лицо потемнело и стало напряженным.

— Ты же согласилась на собрании...

— Я согласилась, что мы сделаем все, что потребуется, чтобы стать сильными. Но... Дебора остановилась и сердито посмотрела.

— Но некоторые из нас не верили, что она пройдет испытания, — вмешалась Фэй, улыбаясь.

Лицо Дианы было бледным и злым. Казалось, что диадема, которая была на ней, делает ее выше, так что она выглядела выше Фэй. Лунный свет сверкал в ее волосах так же, как если бы он сверкал на острие ножа.

— Но она на самом деле прошла все испытания, — холодно сказала она. — А сейчас ты прервала ритуал, разрушила его, в то время как я призывала Силы. Я надеюсь, у тебя для этого есть причины получше.

— Я назову тебе причину, — сказала Дебора. — В действительности она не одна из нас. Ее мать вышла замуж за чужого, не из Круга.

— И что же ты тогда хочешь? — спросила Диана. — Ты хочешь, чтобы у нас не было настоящего Круга? Ты ведь знаешь, что нужно 12 человек, чтобы хоть что-то делать. И что мы будем делать, ждать пока твои родители, или родители Хендерсонов родят еще одного ребенка? Больше ни у кого из нас нет обоих родителей. Нет.

Диана повернулась посмотреть на остальных, которые стояли внутри периметра круга.

— Мы последние, — сказала она им. — Последнее поколение в Америке. И если мы не сможем образовать наш Круг, тогда все здесь и закончится. Вместе с нами.

Мелани заговорила. На ней была обычная одежда, сверху которой была светло-зеленая бахромчатая шаль, которая в одно и то же время выглядела оборванной и хрупкой, как если бы она была очень старой.

— наших родителей и бабушек с дедушками устроил бы такой вариант, — сказала она. — Они хотят, чтобы мы оставили Круг в прошлом, так же как сделали они и их родители. Они не хотят, чтобы мы разыскивали старые традиции и пробуждали Древние Силы.

— Они боятся, — презрительно сказала Дебора.

— Они будут только рады, если мы не образуем Круг, — произнесла Мелани. — Но разве это то, что мы хотим? — Она взглянула на Фэй.

Фэй спокойно пробормотала:

— По отдельности тоже много чего можно сделать.

— Да ну, — вмешалась Лорел. — Не так много как с настоящим Кругом. Только если, — добавила она, — кто-то не планирует придержать артефакты и самостоятельно их использовать.

Фэй одарила ее ленивой ослепительной улыбкой.

— Не одна я ищу потерянные артефакты, — ответила она.

— Это не относится к делу, — резко сказала Диана. — Вопрос в том, хотим ли мы образовать полный Круг или нет.

— Хотим, — сказал один из братьев Хендерсон.

«Нет, это был Крис», — Кэсси поправила себя. Внезапно она смогла их отличать. Оба брата казались бледными и напряженными в лунном свете, но глаза Криса не были такими злыми.

— Мы сделаем все, что потребуется, чтобы выяснить, кто убил Кори, — закончил парень.

— И мы позаботимся о них, — вставил Дуг. Он изобразил удар ножом.

— Тогда нам нужен полный Круг, — сказала Мелани. — Двенадцать человек и седьмая девушка. И это как раз Кэсси.

— И она прошла испытания, — повторила Диана. — Ее мать была одной из нас. Да, она уехала. Но сейчас она вернулась. И она привезла нам свою дочь именно тогда, когда мы в ней так нуждаемся.

В глазах Деборы все еще был упрямый проблеск.

— А кто сказал, что она вообще может использовать Силы? — потребовала она.

— Я, — ровно ответила Диана. — Я чувствую это в ней.

— И я тоже, — неожиданно для всех сказала Фэй. Дебора повернулась и пристально уставилась на нее. И та простодушно улыбнулась.

— Я бы сказала, что она по-крайней мере может призывать Огонь и Землю, — продолжила Фэй, раздражающе вежливо. — Может даже оказаться, что у нее на самом деле есть талант.

«Но почему же...», — думала Кэсси, от этого у нее волосы на шее встали дыбом.

Брови Дианы были нахмурены, когда она окидывала Фэй долгим испытующим взглядом. Но затем она повернулась к Деборе.

— Ну, это отводит твоё возражение?

Возникла пауза. Затем Дебора угрюмо кивнула и отступила.

— В таком случае, — сказала Диана, со спокойной вежливостью, которая, казалось, прикрывала ледяную ярость, — мы могли бы продолжить?

Все отступили, когда она вернулась на свое место. Она снова подняла кинжал в небо, затем на кординальные точки окружности, затем на Кэсси. И снова она повторила слова, которые отправили мурашки по спине Кэсси, но в этот раз она произнесла их до конца, и ее никто не перебивал.

- Огонь и воздух, земля и вода,
Смотрите, как дочь ваша встала сюда.
Во мраке иль в солнечном свете взываю,
Позвольте, чтоб было, как я пожелаю.

За вызов, за суд и священный обет,
Позвольте примкнуть ей к Кругу сейчас.
И тело, и жилы, и кровь, и скелет,
Кэсси одной сейчас станет из нас.
(Перевод стиха Надежда Паршанина)

— Вот и все, — мягко сказала Лорел, стоя у Кэсси за спиной. — Теперь ты часть нас.

«Часть. Я их часть» — теперь Кэсси знала это, чувствуя безумное возбуждение; знала, что с этого момента все будет по-другому.

— Кэсси.

Диана расстёгивала серебряное ожерелье, которое было на ней. Взгляд Кэсси сфокусировался на кулоне в виде полумесяца, который был на ожерелье. Он походил на один из диадемы Дианы, и тату Деборы, поняла Кэсси.

— Это символический подарок, — сказала Диана, застегивая цепочку на шее Кэсси, — показатель членства в Круге.

Затем она обняла девушку. Это не было просто спонтанным жестом, а больше походило на часть ритуала.

Следующее, что Диана сделала, развернула Кэсси лицом к остальным и сказала:

— Силы приняли её. Я приняла её. Теперь каждый из вас должен.

Лорел была первой, кто ступил вперед. Её лицо было серьезным, но в глубине этих карих глаз была искренняя теплота и дружелюбие. Она обняла Кэсси и слегка чмокнула ее в щеку.

— Я рада, что ты одна из нас, — прошептала она и отступила, её длинные, светло-каштановые волосы слегка колыхались от легкого ветра.

— Спасибо, — прошептала Кэсси.

Следующей была Мелани. Её объятие было более официальным. И её холодные, умные серые глаза всё еще пугали Кэсси. Но она сказала:

— Добро пожаловать в Клуб, — и это звучало так, что он действительно это подразумевала.

Дебора, наоборот, хмурилась, когда шагнула вперед, она обняла ее так, будто хотела сломать пару ребер. Она ничего не сказала.

Шон поспешил, он выглядел жаждающим. Его объятие было слишком уж долгим и слишком тесным, по ощущениям Кэсси. Ей даже пришлось высвободиться. Он сказал:

— Рад, что ты с нами.

Его взгляд был зафиксирован на ее ночной сорочке, так что Кэсси захотела, чтобы на ней была фланелевая пижама, а не тонкий хлопок.

— Уж я-то поняла, — тихо сказала она, когда Шон отступил, а Диане, стоящей рядом с ней пришлось закусить губу.

При обычных обстоятельствах, братья Хендерсон могли бы быть еще даже хуже. Но сегодня, казалось, им было все равно, обнимали они девушку или деревянный чурбан. Они машинально её обняли и отступили и продолжили смотреть на церемонию злым отсутствующим взглядом.

Затем подошла очередь Ника.

Кэсси почувствовала, как внутри нее что-то сжалось. Это произошло не из-за того, что она находила его привлекательным, не совсем.... Но девушка ничего не могла поделать с легкой внутренней дрожью, которая возникла, когда она взглянула на него. Он был таким красивым, и холод, который окружал его, подобно тонкому слою темного льда, казалось, только усиливает его красоту. Он стоял и наблюдал за всей церемонией сегодня с такой отстраненностью, как если бы она никоим образом его не затрагивала.

Даже его объятие было неопределенным. Холодным. Так, как если бы он производил все эти движения, думая о чем-то еще. Тем не менее, его руки были сильными.

«Ну, разумеется, — думала Кэсси, — любой парень, у которого договоренности с Фэй, должен быть сильным».

От Сьюзан пахло духами, и когда она поцеловала Кэсси в щеку, та была уверена, что на щеке остался вишневый след от помады. Обнимать ее походило на объятие с надушенной

духами подушкой.

Наконец подошла Фэй. Ее глаза с тяжелыми веками загадочно светились, как если бы она знала о замешательстве Кэсси и наслаждалась этим.

Все что в свою очередь знала Кэсси, так это рост Фэй и то, как сильно она хотела сбежать. У нее было паническое убеждение, что Фэй сделает что-то ужасное.

Но Фэй просто пробормотала, когда отступила:

— Ну что ж, маленькая белая мышка сильнее, чем она выглядит. Я делала ставку, что ты просто не выдержишь церемонию.

— Я не уверена, что выдержала ее, — пробормотала Кэсси. Она отчаянно хотела сесть и собраться мыслями. Так много всего произошло и так быстро.... Но она была частью. Даже Фэй приняла ее. И этот факт не изменить.

— Хорошо, — спокойно сказала Диана. — Теперь это всё с ритуалом посвящения. Обычно после него у нас вечеринка или что-то в таком духе, но... — Она посмотрела на Кэсси и подняла руки. Кэсси кивнула. Сегодня вечеринка едва ли была бы уместной. — Поэтому я думаю, мы должны официально рассеять Круг, но продолжить обычным собранием. Таким образом, мы сможем помочь Кэсси нагнать то, что ей необходимо знать.

Внутри круга все кивали, и все дружно выдохнули. Диана взяла в руку горсть песка и рассыпала его по линии, нарисованной на пляже. Остальные последовали ее примеру, рассыпая горсти песка и разравнивая его таким образом, чтобы очертание круга смазлось, стерлось. Затем они раздали всё еще горящие свечи. Кто-то сел на песок, а кто-то на выступающие скалы. Ник остался стоять, с сигаретой во рту.

Диана подождала, пока все поуспокоится и посмотрят на нее, затем она повернулась к Кэсси. Ее лицо было серьезным, так же как и ее зеленые глаза.

— Сейчас, когда ты одна из нас, — просто сказала она, — я думаю, настало время рассказать тебе кто мы такие.

У Кэсси перехватило дыхание. Так много странных вещей произошло с ней с тех пор, как она приехала в Нью Салем, и вот сейчас она собирается услышать объяснение. Но странным образом, она не была уверена, что ей нужно было рассказывать. Даже до того как они принесли её сюда, в её голове все эти разные вещи во что-то выстраивались. Сотня разных странностей относительно Нью Салема, которые она заметила, сотня маленьких загадок, которые она не могла разрешить. Каким-то образом её разум начал их составлять, и теперь...

Она посмотрела на лица, окружавшие её, освещенные светом луны и мерцающих свечей.

— Я думаю, — сказала она медленно, — я уже знаю, — честность вынудила ее добавить, — по крайней мере, какую-то часть.

— Да неужели? — Фэй подняла брови. — Почему бы тебе тогда не рассказать нам об этом?

Кэсси взглянула на Диану, та кивнула.

— Ну, во-первых, — начала она медленно. — Я знаю, что вы не клуб Микки Мауса.

Смешки.

— Тебе лучше в это поверить, — пробормотала Дебора. — А еще мы не

девочки-скауты.

— Я знаю, — Кэсси остановилась. — Я знаю, что вы можете разжигать огонь без спичек, и то, что вы используете пиретрум девичий не только в салатах.

Фэй внимательно изучала свои ногти, выглядя при этом невинно. Лорел уныло улынулась.

— Я знаю, что вы можете заставить двигаться неживые предметы.

В этот раз улынулась Фэй. Дебора и Сьюзан обменялись самодовольными взглядами. И Сьюзан пробормотала:

— Ссс...

— Я знаю, что в школе вас все боятся, даже взрослые. Они боятся всех, кто живет на Краухэвен Роуд.

— Они еще больше будут бояться, — сказал Дуг Хендерсон.

— Я знаю, что вы используете камни в качестве пятновыводителей.

— Кристаллы, — пробормотала Диана.

— И я знаю, что в вашем чае, не только чайные листья. И я также знаю, — Кэсси сглотнула, и решительно продолжила говорить, — что вы можете толкнуть человека, не прикоснувшись к нему, заставить его упасть.

После этого утверждения возникла тишина. Несколько человек взглянули на Фэй. Она приподняла подбородок и посмотрела на океан, сузив глаза.

— Ты права, — сказала Диана. — Ты многое узнала, просто наблюдая. А мы были немножко безалаберными в плане безопасности. Но я думаю, тебе следует выслушать всю историю с самого начала.

— Я её расскажу, — произнесла Фэй. И когда Диана с сомнением на нее посмотрела, она добавила:

— Почему нет? Я люблю хорошие истории. И я определенно знаю этот рассказ.

— Хорошо, — сказала Диана. — Но не могла бы ты придерживаться его? Я ведь знаю твои рассказы, Фэй.

— Разумеется, — любезно ответила Фэй. — А теперь, дайте-ка мне подумать, с чего же начать? — Она секунду размышляла, наклонив голову, затем улынулась. — Давным-давно, — сказала она, — была такая маленькая необычная и милая деревня, под названием Салем. И была она наполнена необычными и милыми пуританами, типичные американцы, трудолюбивые, честные, смелые и настоящие...

— Фэй...

— Ну, прямо вот такие люди, каких мы все знаем, — сказала Фэй, не обеспокоенная тем, что её перебили. Она стояла, перебирая свою восхитительную гриву темных волос, очевидно наслаждаясь тем, что находится в центре внимания. Океан с его бесконечным прибоем, образовывал идеальный фон. Когда она начала ходить взад и вперед, её черная шелковая блузка опустилась так, что оголила плечо.

— Эти пуритане были полны мелких чистых помыслов, большинство из них. А некоторые может быть были недовольны своими маленькими скучными пуританскими жизнями, постоянная работа без каких-либо развлечений, одетые по сюда, — она указала на шею, — да еще шесть часов в церкви по воскресеньям...

— Фэй, — сказала Диана.

Фэй проигнорировала ее.

— А еще соседи, — сказала она. — Те, которые наблюдали, сплетничали, и

отслеживали, чтобы убедиться, нет ли лишней пуговицы на платье, чтобы не улыбались когда шли на собрания. В те дни нужно было быть смиренным, не отрывать взгляд от земли, и делать как велено, не задавая вопросов. Во всяком случае — девушкам. Даже не позволяли играть в куклы, потому что это творения дьявола.

Кэсси, очарованная, и наблюдающая за двигающейся Фэй, думала о камышовых кошках, запертых в клетку.

«Если бы Фэй жила в те времена, — думала Кэсси, — она бы точно была проблемой».

— А может быть, некоторые из тех девушек тоже были недовольны, — произнесла Фэй. — Кто знает. Но, так или иначе, однажды зимой некоторые из них собрались вечером погадать. Разумеется, им не нужно было этого делать. Это было грешно. Но они все равно это сделали. У одной из них была рабыня с островов Вест-Индии, и она знала о гаданиях. Это помогало скрашивать те долгие, скучные зимние ночи.

Она искоса взглянула на Ника из-под темных ресниц, будто говоря, что могла бы предложить способ лучше.

— Но это терзало бедных маленьких пуританок, — продолжила Фэй, выглядя печальной. — Они чувствовали вину. И, в конце концов, с одной случилось нервное расстройство, она заболела, и в бреду призналась. Секрет раскрылся. И все остальные молодые девушки оказались в затруднительном положении. Это не было правильно, быть пойманным, заигрывая со сверхъестественным. Взрослым это не нравилось. Поэтому маленьким пуританским девушкам пришлось указать пальцем на кого-то еще.

Фэй подняла длинный и тонкий палец, с ногтем алого цвета, двигая им как пистолет, указывая на сидящих людей. Она перестала это делать, указав пальцем на Кэсси.

Кэсси посмотрела на палец, а потом в глаза Фэй.

— И они сделали это, — весело сказала Фэй. Она убрала палец так, если бы убирала меч в ножны и продолжила. — Они указали на ту рабыню, и пару других пожилых женщин, которые им не нравились. Женщины, у которых была плохая репутация в деревне. А когда они указали, они сказали....

Она сделала паузу для драматического эффекта. Девушка подставила лицо серповидной луне, сияющей в небе. Затем она снова посмотрела на Кэсси.

— Они сказали... «ведьма!».

По группе прошла волна беспокойства, горького веселья, гнева. Они с отвращением качали головами. Кэсси почувствовала, как волосы сзади на ее шее задрожали.

— И знаете что? — Фэй тщательно изучала своих слушателей, удерживая их всех замороженными. Затем она медленно улыбнулась и прошептала. — Это сработало. Никто не винил их за их игры с гаданием. Все были слишком заняты поиском ведьм среди своих. Единственная проблема, — Фэй продолжила, ее черные брови поднялись, выражая презрение. — Те пуритане не могли узнать ведьму, если даже они натыкались на нее. Они искали женщин, выдающихся или слишком независимых. Или... богатых. У осужденных ведьм конфисковали имущество, так что это было достаточно прибыльным делом — обвинять их. Пока настоящие ведьмы были прямо у них под носом.

— Потому что, понимаете, — мягко сказала Фэй, — в Салеме на самом деле были ведьмы. Но не бедные женщины... и мужчины, которых они обвиняли. Они даже ни одну не

определили правильно. Но там были ведьмы, и им не нравилось, что происходило. Это грянуло уж слишком близко с их домом. Некоторые из них даже пытались остановить суды над ведьмами, но это приводило к возникновению подозрений. Было слишком опасно даже дружить с кем-то из заключенных.

Она остановилась, и воцарилась тишина. Сейчас лица, окружающие Кэсси не были веселыми, они были злыми и холодными. Как будто эта история была чем-то, что резонировало в костях, не покрытая паутиной история из далекого прошлого, а живое предостережение.

— Что случилось? — произнесла, наконец, Кэсси, тихим голосом.

— С обвиненными ведьмами? Они умерли. По крайней мере те несчастные, те кто не сознавались. Девятнадцать повесили до того, как губернатор не прекратил это. Последние публичные казни состоялись ровно 300 лет назад... 22 сентября в день осеннего равноденствия в 1692. Нет, бедным обвиненным ведьмам не очень повезло. А вот настоящим...ну... — Фэй улыбнулась. — Настоящие ведьмы выбрались оттуда. Разумеется, тайно. Когда вся суматоха была окончена. Они тихо собрались и двинулись к северу, чтобы основать свою собственную маленькую деревню, где никто не будет указывать пальцем, потому что все будут одинаковыми. И они называли маленькую деревню... — она посмотрела на Кэсси.

— Нью Салем, — ответила Кэсси. У нее в голове сразу всплыл герб на здании школы — основан в 1693, — сказала она.

— Да, всего лишь год спустя после судов над ведьмами. Видишь, вот так наш маленький городок был основан. Всего двенадцатью членами клана и их семьями, их единственными потомками. Весь тот остальной сброд, который ты видишь в школе и в городе...

— Типа Салли Уолтмэн, — вставила Дебора.

— Потомки слуг. Помощников, — нежно сказала Фэй. Или чужаков, которые попали в город и им разрешили остаться. Но те 12 домов на Краухэвен Роуд — это дома первоначальных семей. наших семей. Они вступали в браки между собой, и держали свою кровь чистой, большинство из них в любом случае. И в итоге появились мы.

— Ты должна понять, — тихо сказала Диана, стоящая рядом с Кэсси. — Кое-что из того, что рассказала Фэй — догадки. На самом деле мы не знаем, из-за чего началась охота на ведьм в 1692 году. Но мы в действительности знаем, что произошло с нашими предками, потому что у нас есть их дневники, записи, книги с заклинаниями. Книги Теней. — Она повернулась и подобрала что-то с песка. Кэсси узнала книгу, которая была на оконном подоконнике, в тот день, когда Диана чистила ее свитер.

— Это, — сказала Диана, приподнимая книгу, — принадлежало моей прапрабабушке. А она получила её от своей мамы, а та от своей и так далее. Каждая писала в ней, они записывали заклинания, которые придумали, ритуалы, важные события из жизни. Все они передавали это следующим поколениям.

— Во всяком случае, до поколения наших прабабушек, — сказала Дебора. — Где-то 80–90 лет назад. Они решили, что все это уж слишком страшно.

— Слишком грешно, — вставила Фэй, ее золотые глаза сверкали.

— Они спрятали книги и попытались забыть древнее знание, — сказала Диана. — Они учили своих детей, что плохо отличаться от остальных. Они пытались быть обычными, такими же, как посторонние люди.

— Они были неправы, — сказал Крис. Он наклонился вперед, сжав челюсть, на его лице были следы боли. — Мы не можем быть как они. Кори знала это. Она... — он умолк и покачал головой.

— Все в порядке, Крис. — мягко сказала Лорел. — Мы знаем.

Шон с охотой заговорил, выпатив ненакачанную грудную клетку вперед.

— Они спрятали старые вещи, но мы их нашли, — сказал он. — Мы бы не приняли «нет» в качестве ответа...

— Именно, — сказала Мелани, бросая на него позабавленный взгляд. — Разумеется, некоторые из нас были слишком заняты, играя в бэтмена, в то время как старшие заново открывали наше наследие.

— А у некоторых из нас было больше врожденного таланта, чем у остальных, — добавила Фэй. Она вытянула пальцы, любуясь длинными красными ногтями. — Немного больше врожденной ... способности... к призванию Сил.

— Точно, — сказала Лорел. Она приподняла брови и многозначительно посмотрела на Диану. — У некоторых так и есть.

— У нас у всех есть способности, — сказала Диана. — Мы начали их обнаруживать, когда мы были действительно еще очень маленькими, фактически младенцами. Даже наши родители не могли это проигнорировать. Они на самом деле пытались удержать нас от использования способностей, но большинство из них сдалось.

— А некоторые из них даже помогли, — сказала Лорел. — Например, моя бабушка. Но мы все-таки получили больше того, что нам нужно из старых книг.

Кэсси подумала о своей бабушке. Пыталась ли она помочь ей? Кэсси была уверена, что да.

— А кое-что приходило нам в голову, — сказал Дуг. Он широко и привлекательно улыбнулся, и секунду он выглядел как тот парень, который катался на роликах по коридорам. — Знаешь, это инстинкт. Чистый инстинкт. Древний.

— Мой отец это все ненавидит, — сказала Сьюзан. — Он говорит, мы только создадим неприятности в отношениях с посторонними людьми. Он говорит, они доберутся до нас.

Дуг сверкнул белоснежными зубами в свете луны.

— Мы доберемся до них раньше, — сказал он.

— Они не понимают, — мягко произнесла Диана. — Даже среди нас самих, не все понимают, что Силы можно использовать во благо. Но только мы можем взывать к Силам и мы это знаем. Вот что важно.

Лорел кивнула:

— Моя бабушка говорит, всегда будут люди, которые будут нас ненавидеть. И нам ничего не остается делать, как пытаться держаться от них подальше.

Кэсси вдруг подумала о директоре, держащего повешанную куклу за подол платья. «Как ловко» — сказал тогда он. Ну, неудивительно... если он думал, что она уже одна из них. Ее мысли логично выстроились.

— Ты имеешь в виду, — начала она, — даже взрослые знают кто вы, кто мы такие? Взрослые-чужаки?

— Только те, кто живут здесь, — ответила Диана. — Те, кто выросли на острове. Они знали веками — но всегда тихо себя вели. Если они хотят жить здесь, они должны это делать. Так здесь принято.

— Последние несколько поколений отношения между нашими людьми и чужаками были хорошими, — сказала Мелани. — В любом случае, это то, что говорят наши бабушки и дедушки. А мы всколыхнули тут всё. Чужаки не могут молчать все время. Они могут сделать что-то, чтобы остановить нас...

— Могут? Да они уже сделали. — Вмешалась Дебора. — Что, по-твоему, случилось с Кори?

Голоса сразу же преобразовались в невнятный шум, так как братья Хендерсон, Шон,

Сьюзан и Дебора погрузились в спор. Диана подняла руку.

— Хватит! Сейчас не время! — сказала она. — То, что произошло с Кори — это одно из дел, выяснением которого Круг займется. Круг сформирован, и теперь мы можем это сделать. Но не сегодня. Пока я лидер...

— Временный лидер. До ноября, — резко вставила Фэй.

— Пока я временный лидер, мы будем заниматься делами, когда я скажу, и не будем делать каких-либо поспешных выводов. Хорошо?

Диана осмотрела их. Некоторые лица были скрытными, ничего невыражающими, другие, как у Деборы, в открытую выражали враждебность. Но большинство членов Круга кивнули или каким-либо знаком выразили согласие.

— Сегодняшний вечер — это вечер посвящения Кэсси, — она взглянула на девушку. — У тебя есть вопросы?

— Ну, — у Кэсси было гнетущее ощущение, что было что-то, о чем она должна спросить, что-то важное, но она не могла вспомнить. — Парней в Круге, как вы их называете? Я имею в виду колдунами или магами или как-то еще?

— Нет, — сказала Диана. — «Колдун» — это устаревшее слово, оно означает “мудрый человек, работающий в одиночку”. А «маг» происходит от слова “предатель, обманщик”. «Ведьма» — самое подходящее слово для всех нас, даже для парней. Что-нибудь еще?

Кэсси покачала головой.

— Ну, теперь, — произнесла Фэй. — Когда ты уже выслушала всю историю, у нас есть один вопрос для тебя.

Она уставилась на Кэсси, слегка улыбаясь. Затем произнесла сладким неестественным голосом:

— Ты будешь хорошей или плохой ведьмой?

Глава 13 (Перевод: Елена Forever In Love With Dublin Черниченко, перевод стихотворений: Дашка & Дашка)

«Очень смешно», — подумала Кэсси.

Но в действительности это было вообще не смешно. Девушка догадалась, что этот вопрос Фэй был совершенно серьезным. Почему-то она не видела в Фэй желание использовать силы, какими бы они не были, во благо. И она не видела в Диане желание использовать их для чего-то еще.

— Кто-нибудь еще хочет что-нибудь сказать? Вопросы, комментарии, дела клуба? — Диана осматривала группу ребят.

— Тогда я объявляю собрание закрытым, вы все можете идти или остаться, как хотите. Завтра в полдень мы проведем еще одно собрание, чтобы почтить память Кори и обсудить план действий.

Возник неясный шум голосов, когда все повернулись друг к другу и поднялись. Электрическое напряжение, удерживающее группу, рассеялось, но в воздухе повисло ощущение незаконченности, как если бы на самом деле никто еще не хотел уходить.

Сьюзан подошла к скале и достала оттуда несколько влажных блоков по шесть банок с диетическим безалкогольным напитком. Лорел быстро зашла за другую скалу и вернулась с большим термосом.

— Это чай из шиповника, — сказала она, наливая чашку ароматной темно-красной жидкости и улыбаясь Кэсси.

— Там вообще нет чайных листьев, но он согреет тебя и заставит почувствовать себя лучше. Розы обладают успокаивающим и очищающим действием.

— Спасибо, — сказала Кэсси, беря его с благодарностью. У нее кружилась голова.

«Перезагрузка информацией» — подумала она.

«Я — ведьма, — с удивлением подумала она потом, — В любом случае, наполовину ведьма. А мама и бабушка — они потомственные ведьмы».

Это было странное и почти невозможное знание для её восприятия.

Она сделала еще глоток горячего, сладкого напитка, дрожа против своей воли.

— Вот, — сказала Мелани. Она сняла бледно-зеленую шаль и накрыла ею плечи Кэсси. — Мы привыкли к холоду, а ты нет. Если хочешь, мы можем разжечь костер.

— Нет, мне в шали нормально, — сказала Кэсси, засовывая босые ноги под себя. — Шаль красивая, она старая?

— Она принадлежала прабабушке моей прабабушки, — если ты можешь поверить старым историям.

Мелани пояснила:

— Мы обычно носим больше одежды на Круги, мы можем одевать всё, что захотим, иногда это даже становится скандальным. Но сегодня...

— Да, — Кэсси кивнула, понимая. Мелани была любезнее, чем обычно, — думала она. Больше походила на Лорел, или Диану. Секунду это приводило ее в замешательство, но потом она поняла.

«Я одна из них, — подумала она, и впервые весь смысл этого дошел до нее. — Больше не щенок с улицы. Полноправный член Клуба».

Она снова почувствовала в крови кипящее возбуждение, ликование. И было еще более глубокое чувство — признание. Как будто что-то внутри нее кивало, говоря «Да, я все это время знала».

Она посмотрела на Мелани, молчаливо пьющую чай, и Лорел, выпрямляющую розовую свечу, которая покосилась. Затем она посмотрела на Диану, стоящую чуть дальше на пляже с братьями Хендерсон, три светловолосых головы, склоненных вместе. Диана, казалось, не чувствовала себя смущенной из-за того, что на ней была тонкая белая ночная рубашка и необычные украшения. Казалось, для нее это был естественный наряд.

«Мои люди» — думала Кэсси.

Неожиданное чувство принадлежности, любви, было таким напряженным, что у нее подступили слезы. Затем она посмотрела на Дебору и Сьюзан, поглощенных разговором, и Фэй, которая с любезной улыбкой на губах слушала Шона, который возбужденно что-то рассказывал. И на Ника, который молча смотрел на океан, в его руках была банка с чем-то, что явно не было содовой.

«Даже они» — подумала она.

Она желала попытаться поладить со всеми другими членам Клуба, со всеми кто делил ее кровь. Даже с теми, кто пытался ее исключить.

Она снова посмотрела на Лорел и увидела, что стройная девушка с каштановыми волосами наблюдала за ней, с легкой улыбкой, выражающей сочувствие.

— Полно вещей, с которыми надо справиться за один раз, — понимающе сказала она.

— Да. Но это также и восхитительно.

Лорел улыбнулась.

— Итак, теперь ты — ведьма, — сказала она, — Что ты сделаешь первым делом?

Кэсси засмеялась, чувствуя что-то вроде опьянения.

«Сила, — подумала она. — Здесь так много силы и теперь я могу ее воспринять».

Она покачала головой и подняла свободную руку.

— А что мы умеем делать? — спросила она. — Что именно?

Лорел и Мелани обменялись взглядами.

— По существу, всего и не перечислишь, — ответила Мелани.

Она подняла книгу, которую ранее Кэсси показала Диана, и быстро пролистала ее, показывая Кэсси страницы. Они были пожелтевшими и хрупкими, и наполнены узким, нечитаемым подчерком. Они также были покрыты розовыми клейкими листами и пластиковыми закладками. Почти на каждой странице было по одной, а на некоторых по несколько.

— Это первая книга Теней, которую мы заполучили, — сказала Мелани. — Мы нашли её на чердаке дома Дианы. С тех пор мы нашли и другие. Предполагается, что у всех семей есть такая. Мы работали над этой наверно около пяти лет, расшифровывая заклинания и переводя их на современный язык. Я помещаю их на свой компьютер, для более легкой перекрестной ссылки.

— Типа книга Теней на дискете, — сказала Кэсси.

Лорел широко улыбнулась.

— Точно. Знаешь, это весело, но как только ты начинаешь изучать заклинания и ритуалы, то кажется, что внутри тебя что-то пробуждается, и у тебя возникают свои собственные.

— Инстинкт, — пробормотала Кэсси.

— Верно, — сказала Лорел. — У нас у всех он есть, у кого-то больше, чем у остальных. А кто-то лучше в определенных вещах. Например, во вызывании к разным Силам. У меня лучше всего получается работать с Землей.

Лорел взяла горсть песка и позволила ему пройти сквозь пальцы.

— Три попытки, чтобы угадать, что лучше всего выходит у Фэй, — холодно произнесла Мелани.

— Но в любом случае, если отвечать на твой вопрос, мы многое можем делать, — сказала Лорел. — Все зависит от твоего вкуса. Заклинания оберега, защиты...

— Или нападения, — вставила Мелани, взглянув на Дебору и Сьюзан.

— ...заклинания для мелочей, типа разжигания огня, и для вещей покрупнее, типа, ну, сама узнаешь. Заговоры на лечение, выяснения вещей — через магический шар и пророчества. Любовные напитки...

Она улыбнулась, когда Кэсси быстро подняла голову.

— Тебя это интересует?

— О, может быть немного, — Кэсси покраснела.

Боже, она хотела бы просто собраться с мыслями. У нее всё еще было ноющее ощущение, будто она что-то упускала из виду.... Что-то очевидное.... Что-то, чего она не замечает, и о чем нужно спрашивать. Но что?

— Есть некоторое количество споров относительно этики использования любовных зелий и любовных заклинаний, — говорила Мелани, ее серые глаза не совсем выражали одобрение. — Знаешь, некоторые люди чувствуют, что это нарушает свободную волю человека. И неправильно использованное заклинание может обрушиться с тройной силой на

человека, который его задействовал. Некоторые люди не думают, что это стоит такого риска.

— А другие люди думают, — начала Лорел мрачно дразня, ее глаза сверкали, — что в любви, как и на войне, все средства хороши. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Кэсси закусила губу. Не важно, как сильно она пыталась сконцентрироваться на гнетущем беспокойстве, другая мысль изгоняла его из её головы.

Или даже не мысль, а надежда, внезапная вспышка возможности.

Любовные зелья. И выяснение вещей. Что-то, чтобы найти его и привести к ней. Было ли такое заклинание? Казалось, она чувствовала всем телом, что было.

Найти его... парня с серо-голубыми глазами. Теплота наполнила живот Кэсси, и ее ладони задрожали. Кажется, сама возможность приподняла ее на крыльях. О, пожалуйста, если бы она могла попросить только одну вещь...

— Предположим, — начала она и к своему облегчению услышала, что ее голос звучал нормально. — Вы бы, скажем, хотели найти кого-то, кого как-то встретили и потеряли. Кого-то, кто вам... нравится, и вы хотели бы снова его увидеть. Было бы подобное заклинание?

Карие глаза Лорел снова сверкнули.

— А мы предполагаем, что этот человек — парень? — спросила она.

— Да. — Кэсси знала, что она снова краснеет.

— Ну что ж... — Лорел взглянула на Мелани, которая смиренно качала головой, затем снова повернулась к Кэсси. — Я бы сказала, что это простое заклинание дерева. Деревья настроены на такие вещи как любовь и дружба, что-то, что растет и дарует жизнь. А осень прекрасное время, чтобы использовать вещи с урожаем, типа яблок. Я бы сделала яблочное заклинание. Одновременно ты берешь яблоко и разламываешь его, затем берешь две иголки — обычные швейные иглы — вставляешь одну в ушко другой и связываешь их ниткой. Затем кладешь их в яблоко, закрываешь его и перевязываешь, чтобы оно оставалось закрытым, затем привязываешь его к дереву и говоришь некоторые слова, чтобы сказать дереву, что ты хочешь.

— Что за слова?

— А, стихотворение или что-то вроде того, — ответила Лорел, — что-то, что призовет силу дерева и поможет тебе визуализировать то, что ты хочешь. Лучше всего, чтобы это была рифма. У меня это не очень хорошо получается, что-то типа:

Дерево, дерево, прошу, помоги -

Того, кто мне нужен, ко мне приведи.

«Нет, не совсем так» — подумала Кэсси, и трепет прошел по ней. Слова Лорел изменялись в ее мыслях, трансформируясь, расширяясь. Казалось, она слышит голос, ясный как звон колокола, но все еще отдаленный.

«Цветы и бутоны, деревья в листве.

Найдите его, привяжите ко мне.

И разрастаясь, как корни и ветки,

Нити любви, сплетите нас крепко».

Ее губы беззвучно двигались, повторяя слова. Да, глубоко внутри она знала, что она права. Это было заклинание... но осмелится ли она в действительности использовать его?

«Да. Ради него я рискну чем угодно», — думала она.

Она пристально смотрела на свои пальцы, которые рассеянно собирали песок.

«Завтра, — решила она. — Завтра я сделаю это. А после проведу все минуты каждого дня, наблюдая и надеясь. Ожидая то время, когда я увижу тень, подниму взгляд и увижу его, или когда услышу шум шагов, повернусь и увижу, что он идет. Или когда...»

То, что случилось дальше, было таким удивительным и неожиданным, что Кэсси чуть не закричала.

Влажный нос потерялся об её руку.

Что остановило ее от крика — так это что-то похожее на остановку сердца, крик застрял у нее в горле, и затем она на самом деле увидела собаку, и все стало смазанным. Её отдернутая рука немощно опустилась, губы молча открылись и закрылись. Через размытость и туман она смотрела, не отрываясь, на ясные карие глаза и короткую шелковистую шерсть на морде. Собака смотрела на нее, открыв рот и словно смеясь, будто говоря — «А разве ты не рада меня видеть?»

Затем Кэсси подняла взгляд посмотреть на хозяина собаки.

Он смотрел на нее так же, как и в тот день на пляже в Кейп Код. Лунный свет играл в его рыжих волосах, превращая некоторые пряди в пламя, в то время как остальные оставались темными как вино. Его серо-голубые глаза казались серебряными.

Он нашел её.

Всё застыло без движения. Шум океана казался приглушенным и отдаленным, и Кэсси не замечала других звуков. Даже бриз смолк. Будто весь мир замер в ожидании.

Медленно Кэсси поднялась на ноги.

Зелёная шаль упала, сброшенная. Она могла ощутить холод, но только потому, что она могла ощутить своё тело, каждую его часть, покалываемую электричеством. Да, странно, хотя она остро ощущала свое тело, ей также казалось, что она парила над ним. Как в первый раз, казалось, она видит себя и его, стоящими на пляже.

Она могла ощущать себя в своей тонкой белой ночной рубашке и с босыми ногами, распущенными волосами, смотрящую на него.

«Как Клара в “Щелкунчике”, - подумала она. — Когда та просыпается посреди ночи и смотрит на принца-щелкунчика, который пришел чтобы увести ее в мир волшебства».

Она чувствовала как Клара. Будто лунный свет превратил ее во что-то хрупкое и прекрасное, что-то очаровательное. Будто он может обнять её и танцевать с ней. Будто в свете луны они могли бы танцевать целую вечность.

Они смотрели друг на друга. С того момента, как их глаза встретились, никто не отвел взгляд. Она могла видеть удивление на его лице. Будто он был также удивлен увидеть её, как и она его — но почему? Он же нашел её. Должно быть, он искал её.

«Серебряный шнур» — подумала она.

Сейчас она не могла его видеть, но она его ощущала, чувствовала вибрации его мощи. Она чувствовала, что он соединяет их. Сердце к сердцу. Трепет прошел из груди в живот и по всему её телу.

Шнур натягивался, притягивая их друг к другу. Он тянул ее ближе к нему. Медленно, его рука поднялась и протянулась к ней. Она подняла свою ладонь, чтобы опустить в его....

Позади неё раздался вскрик. Высокий парень посмотрел через плечо, отвлекаясь. И затем убрал руку.

Что-то прошло между ними. Что-то яркое, яркое как солнце, нарушая транс Кэсси. Это была Диана, и она обнимала высокого рыжеволосого парня. Она держала его. Нет... они оба держали друг друга. Кэсси уставилась, пораженная, при виде его, обнимающего кого-то другого. Она была едва способна понять слова, которые услышала следом.

— Ах, Адам, я так рада, что ты вернулся.

Кэсси стояла как ледяная скульптура.

Она раньше не видела, чтобы Диана теряла самообладание, но прямо сейчас она его теряла. Она плакала. Кэсси видела, как та трясется и как высокий парень — как Адам, обнимает её и пытается это прекратить.

Держит её. Обнимает Диану. И его зовут Адам.

«Ты имеешь в виду, что она ещё не рассказала тебе об Адаме? Диана пример скромности. — Кто он? Твой парень? — Он милый. Я думаю, он тебе понравится...»

Кэсси упала на колени и спрятала лицо в мехе Раджа, прижимаясь к большой собаке. Она не смогла бы вынести, если бы кто-нибудь сейчас увидел ее лицо. И она была благодарна теплему телу Раджа, когда она прислонилась к нему.

«О Боже. О Боже...»

Смутно она могла слышать голос Адама.

— Что случилось? Я пытался успеть на посвящение Кори, но где она? Что происходит? — Он взглянул на Кэсси — и...

— Её зовут Кэсси Блейк, — сказала Диана. — Она внучка миссис Хорвард и она только переехала сюда.

— Да. Я....

Но Диана, её голос выражал горе, продолжала говорить:

— И мы только что посвятили её вместо Кори.

— Что? — потребовал ответа Адам. — Почему?

Воцарилась тишина. Наконец, заговорила Мелани, её голос был таким же спокойным и невозмутимым, как у диктора, делающего объявление:

— Потому что сегодня утром, вернее вчера утром, так как сегодня уже среда, на вершине школьного холма было обнаружено тело Кори. У нее была сломана шея.

— О Боже, — Кэсси взглянула и увидела, что Адам еще сильнее обнял Диану. Он ненадолго закрыл глаза, она прижалась к нему, снова дрожа. Затем он взглянул на братьев Хендерсон. — Крис... Дуг...

Крис скрипнул челюстью.

— Чужаки сделали это, — сказал он.

— Салли сделала это, — прорычала Дебора.

— Мы не знаем, кто это сделал, — сказала Диана. Она говорила с силой и страстью. — И мы ничего не будем делать, пока не узнаем.

Адам кивнул.

— А вы, — сказал он, обращаясь к остальным. — Что вы делали, чтобы помочь, пока это все происходило?

— Ничерта, — сказал Ник.

Он стоял, сложив руки на груди, невозмутимо наблюдая за всем. Сейчас его дерзкий взгляд встретился с Адамом, и сомкнулся. Было очевидно, что они не испытывают друг к другу симпатии.

— Он помогал, Адам, — произнесла Диана, опережая, чтобы Адам не сказал. — Он ходил на собрания. И он здесь сегодня. Это всё, что мы можем просить.

— Это не всё, что я могу просить, — произнес Адам.

— Не выйдет. Большого ты не получишь. — Ник развернулся. — Я сваливаю.

— О, не уходи... — начала Лорел, но Ник уже развернулся.

— Я появлялся только потому, что меня просила Диана, но теперь с меня хватит. На сегодня мне достаточно, — бросил он через плечо.

А затем он ушел.

Фэй повернулась к Адаму, улыбнувшись своей самой ленивой и ослепляющей улыбкой. Она сложила ладони и похлопала.

— Отличная работа, Адам. Диана провела три недели, надрываясь, чтобы удержать войска, а ты пришел и всё разрушил за три минуты. Я бы лучше не смогла сделать.

— Иди ты, Фэй, — сказала Лорел.

Кэсси между тем по-прежнему сидела на коленях. Хотя она все еще прижималась к Раджу, она могла видеть, чувствовать, думать только об одной вещи. Рука Адама, его рука, на плечах Дианы.

«Его звали Адам. И он её. Не мой. Её. И он всегда был её».

Этого не может быть. Это невозможно. Без какой-либо надежды, она снова его нашла, он пришел к ней. Без любовного колдовства, будто привлеченный ее сильной нуждой в нем, он пришел, и он не может быть с ней.

Как она могла быть такой дурой? Как она сразу не поняла? Сегодня они все говорили о завершении Круга, о 12 участниках, их всегда должно быть 12. Но если бы она остановилась и посчитала, она бы увидела, что их всего 11. Диана, Мелани и Лорел — это трое, Фэй, Сьюзан и Дебора — это шестеро. Плюс парни, братья Хендерсон, Ник и Шон — десять, а Кэсси была одиннадцатой. И все это время что-то в её подсознании знало, что это не складывается, и оно пыталось сказать ей об этом. Но она не слушала.

«Да в любом случае, как я могла не понять? — думала она. — Как я не осознавала, что парень, которого я встретила, должен быть одним из них. Здесь были все подсказки, прямо передо мной. У него есть Силы. Я видела это на пляже с Портией. Он прочитал мои мысли. Он сказал, что он не местный. Он сказал, что он не такой как все. А Портia даже произнесла слово. “Колдун”.

И сегодня я узнала, что Клуб — это шабаш ведьм. Последнее поколение ведьм в Америке. Тогда я должна была догадаться, что он один из них.

Я даже знала, что у Дианы есть парень, парень который уехал «посещать что-то». Все кусочки паззла были передо мной. Я просто не хотела их складывать.

Потому что я его люблю. И я не знала насколько сильно, пока не увидела его сегодня снова. И он принадлежит моей лучшей подруге. Моей «сестре».

Я ненавижу её».

Мысль пугала своей интенсивностью, заставляя ее руки сжаться в кулаки в шерсти собаки. Это была волна грубых, первобытных эмоций, такого сильного чувства, что на секунду её боль унялась. Смертельная ненависть, красная как кровь, обращенная к девушке с волосами цвета лунного света...

Луны и солнца, переплетенных вместе. Смотря сейчас на это с едкой жестокостью, всё ещё бурлящей внутри неё, другой образ проник в голову Кэсси. Те самые невероятно сияющие волосы над экстренным тормозом в машине Дианы. После того как Диана спасла её от Фэй.

«Она отвезла тебя домой, чтобы позаботиться о тебе, — шептал голос. Привела тебя в порядок и накормила, представила своим друзьям. Защищала тебя, предоставила тебе твоё место. Сделала тебя своей сестрой. Так что ты там говорила о том, что ненавидишь ее?»

Кэсси почувствовала, что убийственная красная ярость улетучивается. Она не могла её придерживаться, и она не хотела пытаться. Она не могла ненавидеть Диану.... потому что она любила Диану. И она любила Адама. И она любила их обоих и хотела, чтобы они были счастливы.

«И что мы здесь имеем?» — спросил её внутренний голос.

На самом деле все было очень просто. Они двое очевидно идеально подходят друг другу. Диана высокая, как раз такого роста, чтобы смотреть ему прямо в глаза. Оба старшеклассники, Диана была достаточно взрослой для него. И как Кэсси только могла себе представить, что она может понравиться парню, старше неё? Оба потрясаяще красивы, оба уверенные в себе, оба лидеры.

«И оба — чистокровные ведьмы, — напомнила себе Кэсси. — Готова поспорить, он невероятно талантлив, разумеется, талантлив. У Дианы не может быть ничего, кроме самого лучшего. Потому что она сама всегда была лучшей».

«И не забывай, они вместе с самого детства. Они были вместе вечность, они даже больше никого не замечали. Очевидно, они созданы друг для друга».

И раз всё было очевидно и очень просто, так почему же, почему она ощущала, будто её живот кромсают бритвенные лезвия? Всё, что она должна сделать — пожелать им счастья и отложить в сторону мысли об Адаме и о ней. Просто покориться тому, что всё равно произойдет. Просто пожелать им удачи.

Именно тогда холодное и ясное решение пришло к ней.

«Не важно, что случится, — пообещала она, — Диана не узнает. И он тоже».

Если бы Диана узнала, это бы её расстроило, она была такой неэгоистичной, она, может быть, почувствовала бы, что ей нужно сделать что-то, например, оставить Адама, так чтобы не ранить Кэсси. И даже если бы она этого не сделала, она бы ужасно себя чувствовала.

Поэтому Кэсси не позволит ей узнать. Вот так всё просто.

«Ни словом, ни взглядом, ни помыслом, — с силой пообещала она себе. — Не важно, что произойдет, я не сделаю Диану несчастной. Клянусь».

Влажный нос тыкался в неё, и слабое покусывание звучало в её ушах. Радж жаловался на нехватку внимания.

— Кэсси?

Диана говорила с ней. Кэсси поняла, как она, должно быть, выглядела, в изумлении прижимаясь к большой собаке.

— Что? — спросила она, стараясь, чтобы её губы не дрожали.

— Я спросила, ты в порядке?

Диана смотрела на неё, её ясные зеленые глаза были полны беспокойства. На густых ресницах всё ещё оставались следы слез. Смотря в эти глаза, Кэсси сделала самую отважную вещь за всю свою жизнь. Смелее, чем стоять перед Джорданом Бэйнбриджем и его пушкой, гораздо смелее, чем броситься на помощь Салли на холме.

Она улыбнулась.

— Я в порядке, — сказала она, в последний раз приласкав Раджа и поднимаясь на ноги. Её голос звучал как чей-то чужой, фальшивый и дурацкий. Но Диана этого не услышала и расслабилась.

— Я просто... так много всего сегодня произошло, — продолжила Кэсси. — Я думаю, меня слегка распирает от ощущений.

Адам открывал рот, он собирался рассказать всем, — поняла Кэсси. Он расскажет всем,

как он и Кэсси познакомились, и что там произошло. И затем Фэй, которая совсем не дура, сообразит, что к чему. Она поймет, что это он — парень из стиха Кэсси.

Но этому нельзя произойти. Она не позволит. Никому нельзя об этом знать.

— А ты меня ещё не представила, — с отчаянием выпалила она. — Знаешь, я ведь хотела познакомиться с твоим парнем, с того момента как ты мне о нем рассказала.

Вот. Сказано. Твой парень. Адам выглядел озадаченным, а Диана, наивная Диана, выглядела огорченной.

— Извини, я этого не сделала, да? Кэсси, это Адам... Я знаю, вы друг другу понравитесь. Он уезжал...

— Посещать другие места, — возбужденно вставила Кэсси, как только Адам снова открыл рот.

— Нет, не посещать. Я знаю, раньше я тебе так сказала. Но сейчас я могу сказать правду. Он искал определенные... предметы... которые принадлежали прошлому шабашу, первоначальному. Из их записей мы смогли понять, что у них были мощные орудия, которые почему-то были утеряны. Артефакты. Как только Адам узнал о них, он занялся их поисками.

— Возвращаясь с пустыми руками, — прокомментировала Фэй своим сиплым голосом, развеселившись. — Думаю, этот раз ничем не отличается.

Внимание Адама отвлекли. Он посмотрел на высокую темноволосую девушку и улыбнулся. Это была хитрая улыбка, полная надежд и тайн.

— Что? — цинично спросила Фэй, а затем, когда он просто продолжил ей улыбаться. — Что? Ты же не ждешь, что мы поверим...

— Адам, — произнесла Диана, её голос менялся, — то есть ты...?

Адам просто всем улыбнулся, затем кивнул головой в сторону спортивной сумки, лежащей чуть пониже пляжа.

— Шон, принеси её.

Шон рванул к сумке и вернулся, говоря:

— Она тяжелая.

— Адам, — прошептала Диана, широко раскрыв глаза.

Адам забрал сумку у Шона и поставил ее на землю.

— Плохо, что Ник так торопился уйти, — сказал он. — Если бы он остался, то он бы увидел это.

Он опустил обе руки в сумку и вытащил череп.

Глава 14 (Перевод: Елена Forever In Love With Dublin Черниченко)

Он был формой и размером с настоящий череп, но как будто был полностью из хрусталя. Лунный свет отражался через него, внутри него. У него были скалящиеся зубы, и, казалось, его пустые глазницы смотрели прямо на Кэсси.

Возникла пауза, и затем Фэй потянулась к нему.

— Не-а, — произнес Адам, удерживая его от Фэй. — Нет.

— Где ты его достал? — спросила Фэй, её голос больше не был ленивым, а полным едва сдерживаемого возбуждения.

Даже через свое оцепенение Кэсси почувствовала приступ страха в её голосе, и она

увидела быстрый взгляд, которым обменялись Адам с Дианой. Затем он повернулся к Фэй.

— На острове.

— Каком именно острове?

— Я не знал, что ты так заинтересована. Раньше, казалось, ты такой не была.

Фэй злобно посмотрела.

— Так или иначе, я это выясню, Адам.

— Там, где я его нашел, больше ничего нет. Поверь мне, это единственный артефакт, спрятанный там.

Фэй вдохнула и затем, расслабившись, улыбнулась.

— Ну что же, по крайней мере, ты можешь предоставить нам возможность взглянуть на него.

— Нет, — произнесла Диана. — Никто даже не дотронется до него, мы ничего о нём не знаем, за тем исключением, что его использовал древний клан, сам Джон Блэк его использовал. И это означает, что череп опасен.

— А мы наверняка знаем, что это именно тот хрустальный череп, о котором писал Джон Блэк? — спросила Мелани, её голос звучал спокойно и разумно.

— Да, — ответил Адам. — По крайней мере, он в точности подходит под описания в старых записях. И я его нашел как раз в том месте, которое он описывал. Я думаю, череп настоящий.

— Тогда его нужно почистить, и совершить обряд очищения, и изучить, перед тем как кто-нибудь из нас будет работать с ним, — сказала Диана и повернулась к Кэсси. — Блэк Джон был одним из лидеров исходного клана, — сказала она. — Он умер почти сразу после того, как Нью Салем был основан, но перед этим он забрал самые мощные артефакты клана и спрятал их. Ради безопасности, говорил он, но на самом деле, потому что хотел, чтобы они принадлежали ему. Для личной выгоды и мести, — сказала она, многозначительно посмотрев на Фэй. Он был злым человеком, и всё, чего он касался, должно быть полно отрицательного влияния. Мы не будем его использовать. Пока не убедимся, что это безопасно.

«Если Блэк Джон был связан с черепом, то он, должно быть, был плохим», — подумала Кэсси.

В некотором роде, она не могла это объяснить, но она чувствовала темноту, лучшую из него. Если бы она не была такой удрученной, и если бы у неё не кружилась голова, она бы об этом сказала, но несомненно остальные это тоже могли видеть.

— Старый клан так и не нашел артефакты, — говорила Лорел. — Они искали, потому что Блэк Джон оставил подсказки относительно того, где они их спрятал, но им не повезло. Они создали новые инструменты, но они не были такими мощными, как оригинальные.

— А сейчас мы нашли один, — произнес Адам, в его серо-голубых глазах вспыхнуло восхищение.

Диана слегка коснулась его ладони, которая держала череп. Она улыбнулась ему и послание, прошедшее между ними, было яснее слов: разделенная гордость и триумф. Это был их проект, что-то над чем они работали годами и теперь, наконец, они достигли успеха.

Кэсси сжала зубы, чтобы уgomонить боль в груди.

«Они заслужили того, чтобы побыть наедине и насладиться этим», — подумала она.

С хрупкой, вынужденной весёлостью она сказала:

— Знаете, я устала. Я думаю, может пора...

— Конечно, — произнесла Диана, в ту же секунду став заботливой. — Ты должно быть в изнеможении. Да и все мы тоже. Мы можем обо всем этом поговорить завтра на собрании.

Кэсси кивнула, и никто не возражал. Даже Фэй. Но пока Диана распоряжалась, чтобы

Лорел и Мелани проводили Кэсси с пляжа до дома, Кэсси случайно встретила взглядом с Фэй. В этих золотых глазах было странное расчетливое выражение, которое бы встревожило её, если бы ей уже не было всё равно.

Дома горели все огни, хотя даже первые вспышки рассвета ещё не возникли над океаном. Мелани и Лорел проводили Кэсси вовнутрь, и они увидели её маму и бабушку, сидящих в гостиной. В очень старомодной комнате в передней части дома. На женщинах были ночные рубашки и халаты. Распущенные волосы мамы Кэсси были свободно откинuty назад.

Кэсси тут же по их лицам поняла, что они всё знали.

«Это для того меня сюда привезли? — размышляла она. — Присоединиться к Кругу?»

Больше в её голове не было никаких сомнений, что её привезли сюда намеренно, с очень конкретной причиной.

Её внутренние голоса не давали ей никаких ответов, даже её самый глубинный голос. И это её беспокоило.

Но у неё не было времени волноваться об этом. Не сейчас. Она посмотрела в лицо своей мамы, напряженное и беспокойное, а также полное полускрытой гордости и надежды. Как мать, наблюдающая за дочерью, прыгающей с вышки на Олимпийских играх и ожидающая оценки судей. Её бабушка выглядела точно так же.

Вдруг, не смотря на ноющую боль в груди, Кэсси была наполнена морем покровительственной любви к ним. К ним обеим. Она умудрилась улыбнуться, когда она, Мелани и Лорел встали в дверном проходе.

— Итак, бабушка, — сказала она, — а у нашей семьи есть Книга Теней?

Напряжение вылилось в смех, когда две женщины поднялись.

— Ни одной, которой бы я знала, — ответила бабушка, — но в любое время, когда ты захочешь, мы поищем на чердаке.

Собрание в среду днём было напряженным. Все были на грани. И у Фэй очевидно были скрытые намерения.

Всё, о чем она хотела говорить, так это о черепе. Они должны использовать его, говорила она, и немедленно. Хорошо. Ну а если не использовать, то хотя бы проверить.

Попробовать активировать его, посмотреть, что за следы остались на нем.

Диана продолжала отказываться. Не проверять. Не активировать. Сначала нужно было совершить обряд очищения. Тщательно изучить. Снова очистить. И Фэй знала, что это займет недели, если всё делать правильно. Пока Диана была во главе...

Фэй сказала, что в таком случае правление Дианы может быть и недолгим. В действительности, если она продолжит отказываться тестировать череп, то Фэй может потребовать устроить голосование по избранию лидера прямо сейчас, вместо того, чтобы ждать до ноября. Это то, чего хочет Диана?

Кэсси ничего из этого не понимала. Как можно проверить череп? Или изучить и очистить? Но в этот раз спор был таким разгоряченным, что она забыла попросить кого-нибудь объяснить всё это ей.

Она провела всё собрание, не обращая внимания на Адама, который пытался заранее с ней поговорить, но она смогла этого избежать. Она угрюмо придерживалась своего решения всё это время, даже не смотря на то, что попытки игнорировать его, отбирали у неё столько сил и почти истощали её. Она заставляла себя не смотреть на его волосы, которые стали чуть длиннее с того момента, когда она последний раз видела его, и на его рот, который был как всегда таким привлекательным и забавным. Она отказывалась позволить себе думать о его

теле, которое она видела тогда на Кейп Код, с ровными, накачанными мускулами и обнаженными длинными ногами. И сильнее всего она заставляла себя не смотреть в его глаза.

Единственное, что Кэсси точно поняла на собрании, — Диана находилась в рискованном положении.

«Временный» лидер — это означало, что Клуб мог устроить выборы в любой момент и свергнуть ее, хотя по какой-то причине официальное голосование было в ноябре. А Фэй очевидно искала поддержку, чтобы она могла занять это место.

Она перетянула братьев Хендерсон на свою сторону, сказав им, что нужно использовать череп прямо сейчас, чтобы найти убийцу Кори. Она также заполучила Шона, просто запугивая его, так это выглядело. Дебора и Сьюзан, естественно, поддерживали её с самого начала.

Их было шестеро. На стороне Дианы тоже было бы шестеро, но Ник отказался озвучить свое мнение. Он объявился на собрании, но просто сидел и курил, выглядя так, будто в данный момент находился где-то в другом месте. Когда его спросили, он сказал, что ему все равно, будут они использовать череп или нет.

— Итак, ты видишь, нас больше, — сказала Фэй Диане, её медовые глаза горели с триумфом. — Или ты позволишь нам использовать череп, или я устраиваю выборы прямо сейчас и мы посмотрим, будешь ли ты по-прежнему нашим лидером.

Челюсть Дианы была напряжена.

— Хорошо, — сказала она, наконец, решительно. — Мы попробуем его активировать, просто активировать и не более того, в субботу. Тебя такое время устроит?

Фэй благосклонно кивнула. Она победила, и она об этом знала.

— В субботу вечером, — сказала она и улыбнулась.

Похороны Кори были в пятницу. Кэсси стояла вместе с остальными членами Клуба, и плакала вместе с ними во время службы. После, на кладбище, возникла драка между Дугом Хендерсоном и Джимми Кларком, парнем, с которым Кори встречалась тем летом. Всем членам Клуба пришлось вмешаться, чтобы их разнять. А взрослые, казалось, боялись к ним даже прикоснуться.

Суббота выдалась ясной и прохладной. Кэсси отправилась к Диане вечером, после того как провела большую часть дня пялясь в книгу, притворяясь, что читает её. Она беспокоилась о церемонии с черепом, но даже еще больше она беспокоилась об Адаме.

«Не важно, что произойдет, — говорила она себе, — не важно, что; я не позволю никому узнать, как я чувствую. Я сохраню это в секрете, даже если это убьет меня».

Диана выглядела уставшей, будто она не выспалась. Это был первый раз, когда они были вдвоем после Посвящения, с тех пор как приехал Адам. Сидя в милой комнате Дианы, смотря на призму в окне, Кэсси почти могла представить себе, что Адам не приезжал, что он даже не существовал. Всё было бы так просто, она была бы счастлива просто быть с Дианой.

Впервые она заметила другую стену с гравюрами, такими же какие она видела в первый день в доме Дианы.

— Эти тоже богини? — спросила она.

— Да. Это Персефона, дочка богини взращивания, — голос Дианы был мягок, перемешанный с усталостью, но она улыбнулась, когда взглянула на картину.

На ней была стройная девушка, которая, смеясь, собирала букет цветов. Вокруг неё была весна, и её лицо было наполнено радостью того, что она молода и жива.

— А это кто?

— Афина, богиня мудрости. Она не вышла замуж, также как и Артемида, богиня охоты. Все остальные боги обращались к ней за советом.

Она была высокая богиня с широким лбом, и ясными, спокойными серыми глазами.

«Ну, разумеется, они были серыми; это просто черно-белая гравюра» — сказала себе Кэсси. Но почему-то в любом случае, она думала, что они серые, и полные прохладного, вдумчивого рассудка.

Кэсси повернулась к следующему рисунку. — А кто....

Внизу зазвучал шум голосов.

— Эй, есть кто-нибудь наверху? Парадная дверь была не заперта.

— Поднимайтесь, — позвала Диана. — Мой отец на работе, как обычно.

— Вот, — сказала Лорел, появившаяся в дверном проходе. — Я подумала, тебе это понравится. Я набрала их по пути сюда.

Она протягивала Диане букет разных цветов.

— Ах, мыльная трава! Эти цветы такого милого розового цвета, и я потом смогу использовать их при изготовлении мыла. Да тут еще и дикий львиный зев, и сладкий донник. Я схожу за вазой.

— Я бы принесла роз из сада, но мы их все использовали для очищения черепа.

Мелани улыбнулась Кэсси.

— Как поживает наша самая новая ведьма? — спросила она, её серые глаза выражали сочувствие. — Совершенно сбита с толку?

— Ну... немножко сбита, наверно, — Кэсси наугад выбрала одну из тем, в которых не разбиралась. — А как вы розами очищаете череп?

— Спроси лучше об этом Лорел, она эксперт по растениям.

— А Мелани, — сказала Лорел, — эксперт по камням и кристаллам, а это кристальный череп.

— Но что такое кристалл, точнее? — спросила Кэсси. — Я не думаю, что я это знаю.

— Ну...

Мелани села за стол Дианы, когда Диана вернулась и начала ставить цветы в вазу. Лорел и Кэсси сели на кровать. Кэсси на самом деле желала узнать о вещах, которые Круг использует для колдовства. Даже если она не могла сделать ни одного заклинания, которое хотела, она всё равно была ведьмой.

— Ну, некоторые люди называют кристаллы окаменелой водой, — сказала Мелани, её голос приобретал насмешливый тон лектора. — Вода соединяется со стихией, чтобы они начали расти. Но мне нравится думать о них как о пляже.

Лорел фыркнула, а Кэсси моргнула:

— Пляж?

Мелани улыбнулась.

— Да. Пляж — вода и песок, так? А песок — это кремний. Если соединить кремний с водой в определенных условиях, он образует диоксид кремния, кристалл кварца. Итак, вода плюс песок, плюс тепло, плюс давление — равно кристалл. Остатки древнего пляжа.

Кэсси была поражена.

— Так вот из чего сделан кристалл?

— Да. Из чистого кварца. Есть также другие виды кварца, другие цвета. Аметист фиолетовый. Лорел, он есть на тебе?

— Что за вопрос. Особенно с грядущей сегодня церемонией.

Лорел приподняла свои длинные, светло-каштановые волосы, чтобы показать Кэсси уши, с обоих свисал кристалл темно-фиолетового цвета.

— Я люблю аметист, — объяснила она. — Он успокаивает и приводит в равновесие. Если носить его с розовым кварцем, они будут притягивать к тебе любовь.

Желудок Кэсси сжался. Пока они могли избегать тему любви, с ней все было в порядке.

— Какие еще есть камни? — спросила она Мелани.

— О, множество. В семействе кварца есть цитрин. Дебора его много носит. Он желтого цвета и хорош для физической активности. Энергии. Фитнесса. И подобного.

— Деборе надо поменьше энергии, — пробормотала Лорел.

— Мне нравится нефрит, — продолжила Мелани, выворачивая запястье, чтобы показать Кэсси прекрасный браслет. Он был с бледно-зеленым полупрозрачным овальным камнем. — Нефрит — мирный, успокаивающий. И он обостряет мыслительную деятельность Кэсси, сомневаясь, заговорила:

— Но... эти вещи они на самом деле работают? Я имею в виду, я знаю, что все фанаты Нью Эйдж (прим. — движение альтернативного подхода к западной культуре; интересуются духовностью, мистикой и т. д.) носят кристаллы, но...

— Кристаллы — это не Нью Эйдж, — сказала Мелани, бросив подавленный взгляд на Лорел, которая выглядела готовой оспорить это утверждение.

— Драгоценные камни использовались с самого начала древними людьми, и иногда даже для нужных вещей. Проблема в том, что они хороши ровно настолько, насколько и человек, их использующий. Они могут хранить энергию, могут помогать вызывать к Силам, но в первую очередь, только если у тебя есть к этому способности. Поэтому для большинства людей они фактически бесполезны.

— Но не для нас, — сказала Лорел. — Хоть они и не всегда работают так, как ты ожидаешь. Что-то может выйти из-под контроля. Помнишь, когда Сьюзан полностью обвешалась сердоликом и её фактически окружили на футболе? Я думала, там восстание начнется.

Мелани рассмеялась.

— Сердолики оранжевые и очень... стимулирующие, — сказала она Кэсси. — Ты можешь перевозбудить людей, если ты неправильно их используешь. Сьюзан пыталась привлечь куотербэка (прим. перевод.: куотербэк — разыгрывающий в американском футболе), но ей пришлось отбиваться чуть ли не от целой футбольной команды. Я никогда не забуду её в ванной, снимающей все эти сердолики с одежды.

Кэсси рассмеялась, представив это.

— Предполагается, что нельзя носить красные и оранжевые камни постоянно, — добавила Лорел, ухмыляясь. — Но, разумеется, Сьюзан к этому не прислушается, точно так же как и Фэй.

— Точно, — произнесла Кэсси, вспоминая. — Фэй носит ожерелье с красным камнем.

— Это рубин, — сказала Мелани. — Они редкие, и тот очень мощный. Он может увеличивать страсть или гнев, очень быстро.

Было что-то ещё, о чем Кэсси хотела спросить. Или скорее то, что ей нужно было спросить, хотела она того или нет.

— А что на счет камня... халцедона? — небрежно спросила она. — Он хорош для чего-нибудь?

— О да. У него защитное действие... он может ограждать тебя от грубости мира. По сути, Диана, разве ты не дала...?

— Да, — ответила Диана, которая всё это время тихо сидела на подоконнике, слушая. Теперь она слабо улыбнулась, вспоминая. — Я дала Адаму халцедон, когда он уезжал этим летом. Это особенный кусок халцедона, — объяснила она Кэсси, — Он плоский и круглый и на нём есть что-то типа узора с завивающейся спиралью, похожей на лепестки роз. И он

усыпан маленькими кварцевыми кристаллами.

«И крошечные черные раковины сзади» — подумала Кэсси. Её затошнило. Даже подарок, который он ей дал — принадлежал Диане.

— Кэсси, — они все смотрели на нее.

— Простите, — сказала она, открывая глаза и пытаясь изобразить улыбку. — Я в порядке. Я... я думаю, я немного взбудоражена тем, что случится сегодня вечером. Что бы там ни было.

Они сразу же стали сочувствующими. Диана мрачно кивнула, демонстрируя больше оживления с того момента как Кэсси прибыла этим вечером.

— Я сама обеспокоена, — сказала она. — Это слишком быстро. Мы не должны пока этого делать... но у нас нет выбора.

Мелани сказала Кэсси:

— Понимаешь, череп поглощает энергию от любого, кто в последний раз им пользовался. Как отпечаток того, что было сделано и кем. Мы хотим посмотреть на эти отпечатки. Поэтому мы все сконцентрируемся на черепе и посмотрим, что он нам покажет. Конечно, может, мы вообще не сможем его активировать. Иногда только определенный человек может это сделать, или определенный набор звуков, света, или движений. Но если у нас получится, и если это безопасно, то в конце концов мы сможем использовать его энергию, чтобы увидеть разные вещи, например, кто убил Кори.

— Чем больше кристалл, тем больше в нем энергии, — безрадостно сказала Диана. — А это большой кристалл.

— Но почему старый клан придал ему форму черепа? — спросила Кэсси.

— Они этого не делали, — ответила Мелани. — Мы не знаем, кто это сделал, но кристаллу гораздо больше трёхсот лет. В мире есть и другие черепа из кристаллов, но никто не знает, сколько их. Большинство из них в музеях... один, например, — Череп Британцев в Музее Человечества в Англии. А Череп Тамплиеров принадлежит некому секретному сообществу во Франции. Наш старый клан просто как-то смог найти этот и использовать его.

— Блэк Джон использовал его, — поправила Диана. — Я бы хотела, чтобы Адам нашел какой-нибудь другой артефакт вместо этого. Это был любимый предмет Джона Блэка. И я думаю, он использовал его, чтобы избавляться от людей. Я боюсь, сегодня вечером произойдёт что-нибудь ужасное...

— Мы этого не допустим, — произнес новый голос из дверного проёма. Сердце Кэсси стало глухо биться у неё в груди, и кровь прилила к лицу.

— Адам, — сказала Диана. Она заметно расслабилась, когда он подошел к подоконнику, чтобы поцеловать её и сесть рядом. Она всегда казалась более спокойной и более сияющей, когда бы он ни был с ней.

— Мы проведем сегодняшнюю церемонию под строгим контролем, — сказал он. — И если начнется что-то опасное, мы тут же её прекратим. Ты подготовила гараж?

— Нет, я ждала тебя. Мы можем отнести его сейчас туда, — Диана открыла большой ящик, и Кэсси увидела череп, лежащий на блюде из термостойкого стекла, оно было полно лепестков роз.

— Выглядит как голова святого Иоанна Крестителя, — пробормотала она.

— Я использовала соль и дождевую воду, пытаюсь очистить его, — сказала Диана. — Но что ему на самом деле надо, так это целый набор кристаллов и цветочных экстрактов, а затем убрать его во влажный песок на несколько недель.

— Мы примем все меры, — сказал Адам. — Тройной круг защиты. Все будет в порядке, — он поднял череп, несколько лепестков роз прицепились к нему, и они с Дианой отправились в гараж. Кэсси смотрела, как он уходит.

— Не нервничай, — сказала ей Мелани. — Тебе ничего не нужно будет делать на церемонии. Ты просто не сможешь; для того, чтобы научиться колдовству, требуется много времени — обычно годы. Все, что тебе нужно будет делать — это просто сидеть и не нарушать Круг.

Кэсси попыталась не обращать внимания на снисходительную нотку в её голосе.

— Слушай, а у кого-нибудь есть время, чтобы подбросить меня домой? — спросила она. — Мне нужно кое-то забрать.

Гараж Дианы был пуст, по крайней мере, без машин. Пол был ничем не покрытым и чистым, за исключением круга, нарисованного белым мелом.

— Мне очень жаль, что нам всем придется сидеть на бетоне, — сказала Диана. — Но я хотела сделать это внутри помещения, где я буду уверена, что ветер не задует одну из свечей.

Там было несколько белых свечей, стоящих в центре круга. Они образовывали меньшую окружность. В его самом центре было что-то, покрытое куском черной ткани, стоящее на коробке из-под обуви.

— Хорошо, — сказала Диана всем присутствующим, прибывшим небольшими группами и теперь стоящим в гараже. — Давайте разберёмся с этой вещью.

Она переделась в свою белую рубашку и украшения. Смотря на них теперь, Кэсси предположила, что и диадема, и браслет, и может даже подвязка имеют какое-то таинственное значение. Она наблюдала, как Диана «обозначает» круг, обходя его сначала с кинжалом, затем с водой, затем с лавандой и, наконец, с зажженной свечой. Земля, вода, воздух и огонь. Она также произносила какие-то заклинания, которые Кэсси пыталась понять. Но когда все они образовали круг и сели колено к колену, как приказала Диана, всякий интерес к данной церемонии выветрился из головы Кэсси.

Оказалось, что она сидит между Адамом и Фэй. И она не знала, как это произошло. Она стояла в линии и должна была сесть рядом с Шоном, но каким-то образом Фэй встряла перед ней. Может быть, Фэй не хотела сидеть рядом с Адамом. Что ж, Кэсси тоже не хотела, хоть и совсем по другой причине.

Колено Адама касалось её колена. Так, как Диана и сказала им сесть. Она могла ощутить его тепло, твердость. Больше она ни о чем не могла думать.

С другой стороны от Фэй пахло опьяняющими тропическими духами, от которых у Кэсси слегка закружилась голова.

Затем погас свет.

Кэсси не видела, как это было сделано, но она была уверена, что никто из сидящих не покидал круг. Но флуоресцентные лампы, висящие над головой, вдруг погасли.

Гараж был погружен в полную темноту. Единственным освещением было пламя одной свечи, которую держала Диана. Кэсси могла видеть её лицо, освещенное этой свечой, и больше ничего.

— Хорошо, — тихо сказала Диана. — Мы просто будем искать последние оставшиеся на нём отпечатки. И ничего больше, никто не зайдёт очень глубоко, пока мы не узнаем, с чем имеем дело. И мне не нужно никому напоминать — что бы ни случилось, мы не нарушаем Круг.

Она не смотрела на Кэсси, когда говорила это, но несколько человек взглянули на неё, будто намекая, что ей нужно об этом рассказать.

Диана коснулась пламенем своей свечи свечку Мелани, которую та ей протягивала. Пламя удвоилось. Затем Мелани нагнулась, чтобы зажечь свечу Деборы, и стало три пламени.

Огонь шёл по кругу до того момента, как Лорел дала его Адаму. Рука Кэсси дрожала, когда она протягивала свечу, чтобы получить огонь от него. Она надеялась, остальные

подумают, что это просто нервозность.

Наконец, все двенадцать свечей были зажжены и прикреплены воском к бетонному полу. Каждая из них источала сияние и отбрасывала огромные темные тени от сидящих на стены.

Диана потянулась к кругу со свечами и стянула черную ткань.

Кэсси выдохнула.

Череп оказался развёрнут прямо к ней, его пустые глазницы уставились на неё. Но не это было самым тревожным. Череп светился. Пламя свечей играло на нем, и череп в свою очередь отражал и преломлял лучи. И он выглядел почти живым.

Остальные, сидящие в кругу, выпрямились, напряженные.

— А сейчас, — сказала Диана. — Найдите место внутри черепа, которое вас интересует. Сконцентрируйтесь на нём, и ищите подробности. Затем ищите больше деталей. Продолжайте смотреть, пока не окажетесь втянутыми в кристалл.

«Какое-то место, которое вас интересует?» — безучастно подумала Кэсси. Но когда она внимательно посмотрела на светящийся череп, она увидела, что он не был совершенно чистым. В нём словно были паутинки и что-то похожее на облачка дыма. Там были внутренние углубления, которые, казалось, выступали в роли призм, формируя миниатюрные ландшафты. Чем тщательнее Кэсси глядела, тем больше деталей она видела.

«А это похоже на спираль или торнадо, — думала она. — А это... это походит на дверь. И лицо...»

Она отвела взгляд, что-то скручивалось в животе.

«Не будь душой, это всего лишь дефекты в кристалле», — сказала она себе.

Она почти боялась посмотреть ещё раз. Но, казалось, никто кроме неё не беспокоился. Их тени маячили и мерцали на стенах, но все взгляды были устремлены на череп.

«Посмотри на него, сейчас же!» — скомандовала она себе.

Когда она снова посмотрела на череп, то не обнаружила там загадочное лицо.

«Ну вот, это доказывает, что там был всего лишь световой эффект», — подумала она.

Но у черепа появилось другое тревожащее качество. Казалось, что-то движется внутри него. Как если бы он был сделан из воды, обтянутый тонкой кожей, и что-то внутри медленно парило.

«О, да хватит, просто выбери одну деталь и сфокусируйся на ней, — приказала она себе. — Дверной проём. Смотри на него, он не двигается».

Она вглядывалась в небольшую призматическую впадину в левой глазнице, туда, где у настоящего глаза был бы зрачок. Впадина напоминала приоткрытую дверь, из-за которой исходил свет.

«Смотри на это. Обрати внимание на детали».

От духов Фэй её вдруг замутило. Она смотрела — просто смотрела. Теперь она видела дверь. И чем внимательнее она вглядывалась, тем больше дверь становилась. Или же это она сама приближалась к ней.

Да, приближалась... приближалась. Ощущение пространства ускользало от неё. Теперь череп был просто огромным, бесконечным, бесформенным. Окружал её. Становился её миром. Дверь была прямо перед ней.

Она оказалась внутри черепа.

Глава 15 (Перевод: Eve Lina и Дашка ؎ Дашка)

Дверь больше не была крошечной. Она была в натуральную величину, достаточную чтобы пройти, немного приоткрытая, и с другой её стороны лился свет.

Внутри черепа, Кэсси пристально смотрела на эту дверь, кожу её головы покалывало.

«Если она откроется, смогу ли я зайти? — подумала она — Но как она откроется?»
Может если она просто представит её открывающейся.... но вряд ли это сработает.
Что сказала Мелани? Кристаллы помогают нам вызвать Силы. Но какие Силы взаимодействуют с чистым кварцем. Земля и Вода? Как песок и море?
Всё это звучало, как начало какого-то стихотворения.

«Песок и море, земля и вода,
Как я захочу, пусть будет всегда...»

Она сконцентрировалась на двери, желая, чтобы та открылась. И когда она вглядывалась в неё, ей стало казаться, будто теперь из-за двери просачивается ещё больше радужного света. Больше.... и больше.

«Ну, открывайся же... Позволь мне приблизиться...»

Теперь она парила перед дверью. А дверь стала просто громадной, словно дверь кафедрального собора.

«Откройся.... откройся...»
Кэсси тонула в радужном свете.

«Входи! Сейчас!»

В тот момент на всю комнату раздался крик.
Это был крик ужаса, громкий и дикий, он словно проколол эту абсолютную тишину.
Дверь перестала открываться, и Кэсси почувствовала, что её тянет назад. Дверь удалялась от неё, быстрее, быстрее. И потом, как раз перед тем, как она покинула череп, чье-то лицо пронеслось у неё перед глазами. Лицо, которое она уже видела раньше. И оно не отступало, оно шло на неё. Становилось больше. Больше и больше, так быстро, что могло бы разрушить кристалл. Могло....

Нет! — закричала Диана.

В этот самый момент Кэсси почувствовала ошеломляющее присутствие зла. Что-то несло прямо на них с невероятной скоростью. Что-то, что должно быть остановлено.

Она так и не поняла, что же произошло в следующий миг. Шон сидел с другой стороны от Фэй. Он, наверное, был первым, кто начал двигаться; возможно, он запаниковал и попытался спастись бегством.

В любом случае, возникла суеда. Фэй, казалось, попытается сделать что-то, а Шон хочет остановить её, или наоборот. Они боролись.

Диана кричала:

— Нет! Нет!

Кэсси не знала, что ей делать.

Она инстинктивно попыталась отодвинуться от Фэй, но это не имело значения. Фэй покачнулась вперед, и Кэсси почувствовала, что она больше не касается её коленом.

Круг был нарушен, и свеча Фэй погасла. В тот же миг все другие свечи также были потушены, словно сильным порывом ветра. И тогда Кэсси почувствовала, что приближающееся к ним существо достигло пределов кристалла. Оно вырвалось из черепа и прошло мимо потушенных, дымящихся свечей. Кэсси не знала, как ей удалось различить это, ведь вокруг была абсолютная темнота. Но она это чувствовала.

Она могла ощущать это несущееся существо, словно оно было чернее самой темноты. Оно со взрывом пронеслось мимо неё, отчего её волосы резко отбросило в сторону. Она

подняла руку, чтобы защитить своё лицо, но к этому моменту существо уже исчезло.

В темноте раздался слабый крик.

И потом снова всё успокоилось.

— Включите свет, — выдохнул кто-то.

Вдруг Кэсси стало всё видно. Адам стоял возле выключателя освещения. Диана тоже стояла, её лицо было бледным и напуганным. Каждое лицо из Круга выражало испуг и сосредоточенность, — кроме лица Ника. Оно было невозмутимым, как обычно.

Фэй вскочила на ноги. Он выглядела так, будто была отброшена назад какой-то невероятной силой. Ярость пылала в её глазах, она повернулась к Шону:

— Ты толкнул меня!

— Нет, я этого не делал! — Шон огляделся вокруг в поисках помощи. — Она пыталась добраться до черепа! Она ринулась прямо к нему!

— Врёшь, мелкий червяк! Ты пытался убежать! Ты собирался разрушить Круг!

— Она...

— Нет, я не...!

— Хватит! — закричала Диана.

Адам подошел к ней.

— Не важно, кто и что сделал, — сказал он. Его голос был напряженным. — Важна энергия, которая вышла.

— Какая энергия? — мрачно спросила Фэй, осматривая ушибы на своем локте.

— Энергия, которая сбила тебя с ног, — решительно сказала Диана.

— Я упала, потому что эта козья толкнула меня.

— Нет, — произнесла Кэсси до того, как сумела остановить себя. Её начало трясти, как следствие запоздалой реакции на произошедшее. — Я тоже это почувствовала. Что-то вышло.

— Оу, ты почувствовала это. Да ты у нас эксперт, — Фэй одарила её презрительным взглядом.

Кэсси посмотрела вокруг на остальных, которые всё еще сидели, и с удивлением увидела неуверенность на их лицах. Ну разве они не почувствовали это?

— Я чувствовала что-то, — сказала Мелани. — Что-то темное внутри черепа. Какую-то негативную энергию.

— Что бы это ни было, мы выпустили это, разрушив Круг, — сказал Адам. Он посмотрел на Диану — Это моя ошибка. Я не должен был допустить, чтобы это случилось.

— Ты считаешь, что ты должен был прятать череп от нас? — резко сказала Фэй. — Оставить его только для своего личного пользования?

— Что это изменит? — крикнула Лорел с другой стороны комнаты. — Если что-то было выпущено из черепа, оно находится где-то здесь прямо сейчас. И делает Бог знает что...

— Это плохо, — сказала Кэсси. Что она в действительности хотела сказать, — так это слово «зло», но оно казалось слишком драматичным. И всё же это именно то, что она ощутила в темноте от мчащегося существа. Зло. Желание разрушить и причинить вред.

— Мы должны остановить это, — сказал Адам.

Сьюзан играла с пуговицей на блузке:

— Как?

Тишина была долгой и неудобной. Адам и Диана смотрели друг на друга, и, казалось, вели какой-то мрачный немой разговор. Братья Хендерсон тоже телеграфировали что-то друг другу, но они выглядели так, будто бы совсем не возражали против того, чтобы что-то злое и убийственное гуляло на свободе в непосредственной близости. На самом деле, в целом они выглядели довольными.

— Возможно, оно доберется до того, кто бы ни убил Кори, — предположил, наконец,

Крис.

Диана уставилась на него.

— Это то, о чем ты думаешь? — Потом её лицо изменилось. — Это то, о чем ты думал, когда мы пытались исследовать кристалл? Это то, чего ты хотел?

— Мы должны были только попытаться разобрать последние следы, — сказала Мелани. Такой рассерженной Кэсси её ещё не видела.

Братья Хендерсон посмотрели друг на друга и пожали плечами. Выражение Деборы было между угрюмым видом и усмешкой. Сьюзан всё ещё играла с пуговицей. Ник поднялся на ноги, его лицо не выражало никаких эмоций.

- Кажется, на сегодня это всё. — Сказал он.

Диана словно взорвалась.

— Черт возьми, ты прав! — крикнула она, поразив этим Кэсси. Она схватила череп двумя руками. — Теперь он отправится в безопасное место, туда, где и должен быть. Туда, где ему следовало быть с самого начала. Я должна была догадаться, что вы все слишком безответственны для обращения с ним.

Прижимая к себе череп, она направилась к выходу из гаража.

Фэй была очень взволнованной, словно кошка, увидевшая мышь.

— Я не думаю, что ей следовало разговаривать с нами в таком тоне. — Сказала она своим хриплым голосом. — Мне кажется, она не доверяет нам. Поднимите руки те, кто хочет идти за человеком, не доверяющим нам?

Если бы взгляды могли калечить, то взгляд Мелани оставил бы Фэй инвалидом.

— О, заткнись, Фэй! — сказала она со своим классическим акцентом. — Пойдем, Лорел, — добавила она и последовала за Дианой к дому.

Кэсси не зная, что ещё она могла бы сделать, последовала за ними. Позади себя она услышала, как Адам говорит Фэй низким, едва контролируемым голосом:

— Мне жаль, что ты не парень.

И Фэй, смеясь, сипло ответила ему:

— Ох, Адам, а я и не знала, что твои вкусы движутся в этом направлении!

Диана укладывала череп обратно на блюдо из термостойкого стекла, когда Адам вошел в комнату вслед за Кэсси. Он подошел к Диане и обнял её за талию.

Она на миг прислонилась к нему, закрыв глаза, но не обняла его в ответ. И затем она отошла в сторону.

— Я в порядке. Просто я зла на них, и мне нужно продумать.

Адам сел на кровать, проводя рукой по волосам.

— Я должен был держать это втайне от них, — сказал он. — Во всем виновата моя глупая гордость....

— Нет, — ответила Диана. — Было бы неправильно прятать от Круга что-то, принадлежащее им.

— Еще более неправильно, чем позволить им использовать это со злыми, глупыми намерениями?

Диана отвернулась, и прислонилась к шкафу.

— Иногда, — тихо сказал Адам, — я беспокоюсь о том, что мы делаем. Может, не нужно будить Древние Силы? Может, мы ошибаемся, когда думаем, что можем справиться с ними.

— Сила — это только Сила, — устало произнесла Диана, так и не повернувшись. —

Сама по себе она не хорошая и не плохая. Только способ, с которым мы её используем, может быть плохим или хорошим.

— Но может быть, никто не сможет использовать её, без последующего за этим ужасного конца.

Кэсси стояла и слушала, жалея о том, что она сейчас не где-нибудь в другом месте. Она понимала, что таким цивилизованным путем, Диана и Адам боролись друг с другом.

Кэсси заметила взгляд Лорел, которая чувствовала себя столь же неудобно.

— Я не верю в это, — мягко сказала, наконец, Диана. — Я не верю, что люди такие безнадежные. Такие злые.

Выражение лица Адама было суровым и печальным, будто он сожалел, что не может согласиться с ней.

Кэсси, наблюдая за ним, почувствовала пронзающую её боль, и затем у неё закружилась голова. Она стала искать место, чтобы присесть.

Диана немедленно повернулась к ней.

— Ты в порядке? Ты бледная, как призрак.

Кэсси кивнула и пожала плечами.

— Просто небольшое головокружение... я думаю, мне следует пойти домой...

Гнев покинул глаза Дианы.

— Хорошо, — сказала она, — но я не хочу, чтобы ты шла одна. Адам, можешь проводить её? Дорога через пляж самая быстрая.

Кэсси в ужасе открыла рот. Но Адам быстро кивнул.

— Конечно, — ответил он. — Хотя я не хочу оставлять тебя одну....

— Я хочу, чтобы Мелани и Лорел остались, — сказала Диана. — И я хочу основательно почистить этот череп с цветочной эссенцией, — она посмотрела на Лорел, — и с кристаллами.

Она посмотрела на Мелани.

— Мне не важно, даже если это займет всю ночь. Я хочу очистить его. И мы должны начать прямо сейчас, в эту минуту!

Обе девушки кивнули, как и Адам.

— Хорошо, — сказал он.

И Кэсси, которая стояла, открыв рот, внезапно подумала о чем-то, и тоже кивнула. Её рука автоматически прошла по переднему карману её джинс, чтобы нащупать в нём небольшой твердый кусок.

Они шли по пляжу с Адамом. Этой ночью луны не было. Звезды сияли жестким, ледяным светом. Волны ревели и шипели на берегу.

Не романтично. Вульгарно. Примитивно. Не считая слабых огней в домах на утёсе, они могли бы почувствовать себя за тысячу миль от цивилизации.

Они уже были близко к узкой тропинке, ведущей наверх на утёс, к дому Номер Двенадцать, когда он спросил её. В глубине души она знала, что не сможет избежать этого вечно.

— Почему ты не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что мы встречались раньше? — просто сказал он.

Кэсси глубоко вздохнула. Сейчас пришло время для того, чтобы узнать, какая она хорошая актриса. Она была очень спокойна; она знала, что нужно сделать, и так или иначе, она сделает это.

Она должна была это сделать — ради Дианы и ради него.

— Оу, я не знаю, — сказала она, удивившись тому, как буднично прозвучал её

голос. — Я просто не хотела, чтобы кто-нибудь, вроде Фэй или Сьюзан, поняли всё неправильно. Ты согласен? Это не казалось таким уж важным.

Адам странно смотрел на неё, в нерешительности, но затем кивнул.

— Если ты так хочешь, я не буду упоминать об этом.

Кэсси почувствовала облегчение, но продолжала говорить тем же лёгким будничным тоном.

— Ок, спасибо. А, и кстати... — продолжила она, ища что-то в своем кармане. — Я хотела отдать это тебе назад. Вот.

Было странно, как её пальцы вцепились в халцедоновую розу, но она сумела разжать их, и камень упал Адаму в ладонь. Он лежал у него в руке, кристаллы кварца словно отражали звездный свет.

— Спасибо, что одолжил его мне, — сказала она. — Но теперь, когда я официально стала ведьмой, я лучше найду свои собственные камни и буду работать с ними. И к тому же, — она изогнула губы в манящей улыбке — мы ведь не хотим, чтобы кто-то неправильно понял и это тоже?

Она ещё никогда в жизни не вела себя так с парнями, дразня его беззаботно и уверенно. Почти кокетливо, но в то же время давала понять, будто для неё это ничего не значит. И это было так легко — она и представить себе не могла, что это может быть так просто.

Всё было так, потому что она вошла в роль, решила она. Словно это не Кэсси стояла здесь; это был кто-то другой; кто-то, кто уже не боялся, потому что худшее уже случилось, и больше бояться было нечего.

Кривая улыбка коснулась губ Адама, словно непроизвольная реакция на её тон, но затем быстро исчезла. Он упрямо смотрел на неё, и она заставила себя любезно и невинно посмотреть на него в ответ, как смотрела тогда на Джордана на пляже в тот августовский день.

«Верь мне», — подумала она, и на этот раз она знала силу своих мыслей, силу, зависящую от её воли.

«Песок и море, земля и вода,

Как я захочу, пусть будет всегда...

Верь мне, Адам. Поверь мне. Поверь мне».

Он вдруг перестал смотреть на неё, отвернувшись к океану. К удивлению Кэсси, это напомнило ей о том, как она вырвалась однажды из-под гипнотического взгляда Фэй.

— А ты изменилась... — сказал он, и в его голосе было удивление. Затем он снова повернулся к ней с тем же упрямым и безжалостным взглядом. — Ты действительно изменилась.

— Ну конечно. Теперь я — ведьма, — разумно сказала она. — Тебе нужно было сказать мне об этом вначале, это бы избавило нас от многих проблем, — добавила она укоризненным тоном.

— Я не знал. Я ощущал что-то в тебе, но я не думал, что ты станешь одной из нас.

— О, ну всё сложилось хорошо, — быстро произнесла Кэсси. Ей не нравилось, когда Адам начинал говорить о своих ощущениях к ней. Это было слишком опасно. — Во всяком случае, спасибо за то, что проводил меня домой. Дальше я поднимусь сама.

С заключительной улыбкой она развернулась и быстро пошла вверх по узкой тропинке. Она не могла поверить. Она сделала это! Расслабление, которое Кэсси ощутила, показалось ей болезненным, а когда она добралась до конца тропинки и увидела свой дом, то почувствовала слабость в коленях. «Ох, наконец-то», — подумала Кэсси, и устремилась к дому.

— Подожди, — произнёс позади неё звенящий, властный голос.

«Мне следовало знать, что это будет не так уж и легко», — подумала Кэсси.

Медленно, стараясь, чтобы её лицо не выражало никаких эмоций, Кэсси повернулась к нему.

Слабый свет звёзд освещал его лицо, когда он стоял на утёсе, а позади него был океан. Эти высокие скулы, эти насмешливые, выразительные губы. Но сейчас в них не было ничего смешного. Его глаза были также пронизательны, как и в тот день, когда он провожал взглядом Джордана и Логана на пляже. Они излучали силу, которую она не могла понять, и это пугало её. Его глаза пугали её теперь.

— А ты молодец, — сказал он. — Но я не так глуп. Ты что-то скрываешь от меня, и я хочу знать что.

— Нет, ты не узнаешь. — Слова сорвались с её губ прежде, чем она успела остановить себя, но их очевидная откровенность была безошибочной. — То есть, я имею в виду, что я ничего не скрываю от тебя.

— Послушай меня, — сказал он и, к её ужасу, подошел ближе. — Когда я впервые встретил тебя, я и понятия не имел, что ты будешь одной из нас. Да и как я мог догадаться? Но я знал, что ты другая, совсем не такая, как та твоя фальшивая подруга. Не просто очередная симпатичная девчонка, а действительно особенная.

«Симпатичная? Он думает, что я симпатичная?» — лихорадочно соображала Кэсси. Спокойствие покидало её, хотя она отчаянно за него цеплялась.

«Выглядеть холодной и безразличной! — приказала она себе. — Только вежливое любопытство. И ничего ему не показывать!»

Серо-голубые глаза Адама теперь пылали, его необыкновенное, гордое лицо ясно отражало его гнев. Но больше всего Кэсси смущала боль в глубине этих глаз.

— Ты не была похожа ни на одну из тех девушек, которых я встречал за пределами Нью Салема. Ты принимаешь странные вещи — даже загадочные вещи — ты не боишься, и не пытаешься их разрушить. Ты... открытая. Терпимая. Ты не ненавидишь и не отвергаешь сразу то, что отличается от всего обычного.

— Не такая терпимая, как Диана. Она самая...

— При чем здесь Диана? — сказал он, и Кэсси поняла, что он на самом деле так думает. Он был настолько честным и прямым, что даже само слово «предательство» вряд ли когда-либо посещало его мысли.

— Я подумал, — продолжил он, — что ты — та, которой я мог бы доверить всё. Даже свою жизнь. И когда я увидел, как ты держишься против Джордана, парня, который в два раза больше тебя, я понял, что был прав. Это был один из храбрейших поступков, которые я когда-либо видел — и ты совершила его ради незнакомца. Ты позволила ему ранить себя ради меня, даже притом, что ты меня не знала.

«Ничего ему не показывай, — подумала Кэсси. — Ничего».

— И после этого, я почувствовал к тебе нечто особенное. Какое-то особое понимание. Я не могу это объяснить. Но с тех пор я всё продолжал думать об этом. Я много о тебе думал, Кэсси, и я ждал, когда смогу рассказать Диане о тебе. Я хотел, чтобы она узнала, как она была права, что есть люди и не из Круга, которые могут сотрудничать с нами, которым можно доверять. Которые могут доброжелательно относиться к магии. Она долгое время пыталась убедить в этом Клуб. Я хотел рассказать ей, что ты открыла мне глаза — во многих смыслах. Когда мы расстались в тот день на пляже, я словно стал больше замечать вокруг себя, пока искал артефакты. Словно всё стало ярче. И я собирался рассказать Диане об этом тоже, думал, может она сможет найти этому объяснение.

— И всё это время, — заканчивал Адам, обращая всю силу взгляда своих серо-голубых глаз на Кэсси, — я ни разу не пожалел, что дал тебе эту халцедоновую розу — даже несмотря на то, что мы никогда не даём подобных вещей посторонним. Я надеялся, что ты никогда не окажешься в такой беде, когда он мог бы тебе понадобиться, но я хотел бы быть

рядом, если бы такое вдруг произошло. Если бы ты когда-нибудь сделала так, как я тебе говорил — крепко сжала камень в ладонях и подумала обо мне, я бы узнал, и я бы примчался туда, где бы ты ни была. Я думал, что ты именно такая особенная.

«Это правда?» — чувствуя головокружение, подумала Кэсси. Она столько раз держала камень в руках, но она никогда не сжимала его так крепко в ладонях и не думала только о нём в тот момент. Она никогда не следовала этим указаниям, потому что она никогда не верила в магию.

— А теперь я вернулся и узнал, что ты совсем не чужая нам. Или только наполовину. Я был рад увидеть тебя здесь, и узнать, что ты присоединилась к Кругу. И из того, что мне рассказала Диана, я понял, что она тоже видит какая ты особенная. Но я не мог рассказать ей, что знаю тебя — потому что по каким-то причинам ты не хочешь, чтобы об этом кто-нибудь узнал. Я уважаю твоё решение. Я держал свой рот на замке и думал, что ты объяснишь мне всё, когда сможешь. А вместо этого... — Он беспокойно взмахнул руками. — Вот! Ты избегаешь меня всю неделю, а теперь ведёшь себя так, будто между нами никогда и ничего не происходило. Ты даже специально призываешь Силы против меня, чтобы заставить меня поверить в ложь. И сейчас я хочу узнать почему?

Повисла тишина. Кэсси могла слышать шум волн внизу, словно мягкие, ритмичные раскаты грома. Она чувствовала ясный, прохладный ночной воздух. И, наконец, словно вынужденная, она подняла глаза и посмотрела ему в лицо. Он был прав; она не могла ему лгать. Даже если он высмеет её, даже если он будет жалеть её, она должна сказать ему правду.

— Потому что я люблю тебя, — сказала она просто и тихо. И она не позволила себе отвести взгляд.

Он не засмеялся.

Но он смотрел на неё, словно не веря. Словно не понимая, правильно ли он её расслышал.

— В тот день на пляже я тоже почувствовала кое-что особенное, — сказала она. — Но я почувствовала что-то большее. Я почувствовала, будто мы были как-то... связаны. Как будто бы мы были притянуты друг к другу. Как будто мы принадлежали друг другу.

Она могла видеть замешательство в глазах Адама — как то головокружительное, молниеносное замешательство, которое ощутила она, обнаружив тело Кори.

— Я знаю, это звучит глупо, — добавила она. — Я не могу поверить, что говорю это тебе... но ты просил правду. Всё, что я почувствовала в тот день на пляже, было неправильным, теперь я знаю это. У тебя есть Диана. Никто в здравом уме не будет желать чего-то ещё. Но в тот день... у меня были разные глупые мысли. Я даже на самом деле подумала, что видела что-то, связывающее нас, будто серебристый шнур. И я почувствовала себя так, словно я привязана к тебе, словно мы понимаем друг друга. Как будто мы были рождены друг для друга, и не было смысла этому сопротивляться...

— Кэсси, — произнес он. Его глаза стали почти черными от эмоций... Выражение чего? Абсолютного недоверия? Антипатии?

— Теперь я знаю, что всё это неправда, — сказала она беспомощно. — Но тогда я не осознавала. И тогда ты стоял так близко ко мне, смотрел на меня сверху вниз, я подумала, что ты собирался....

— Кэсси...

Её слова словно вызвали какую-то магию из воздуха, или просто её восприятие было крайне обострено. Она задержала дыхание и вновь увидела это. Серебряный шнур. Звенит и мерцает, с ещё большей силой, чем когда-либо, связывает их вместе. Это было так, будто её сердце было напрямую связано с его сердцем. Её дыхание становилось всё более и более частым, и она с изумлением подняла на него взгляд.

Их глаза встретились. И в этот момент Кэсси распознала те эмоции, от которых прежде потемнели эти серо-голубые глаза.

В них не было недоверия. Только понимание и удивление, отчего у Кэсси подогнулись

колени.

«Он... вспоминает, — подумала она. — И видит то, что было между нами, в новом свете. Осознает на подсознательном уровне то, что он чувствовал в тот день».

Она понимала это так ясно даже без слов. Она знала его. Она могла чувствовать каждый удар его сердца, она могла видеть мир его глазами. Она даже могла видеть себя так, как видел её он. Хрупкое, застенчивое существо, со своей полускрытой красотой, словно дикий цветок в тени деревьев, но с прочным и сияющим стальным стебельком. И так же как она смогла увидеть себя его глазами, она смогла почувствовать то, что он чувствовал к ней...

О, что же происходит? Мир словно застыл, и в нём были только они вдвоем.

Глаза Адама были широко раскрыты от изумления, зрачки были огромными, и она чувствовала, как тонет в них, когда он смотрит на неё сверху вниз. Прядь волос упала ему на лоб, так изящно, спутанные волнистые волосы, которые были словно всех оттенков осени в Новой Англии. Он был похож на лесного бога, который вышел на поляну в свете звёзд, чтобы соблазнить застенчивую лесную нимфу, и он был неотразим.

— Адам... — сказала она. — Мы....

Но ей так и не удалось закончить фразу. Он был слишком близко к ней сейчас, она могла чувствовать его тепло, чувствовать, что между ними словно проходят электрические разряды. Она почувствовала, как его руки взяли её за локти. Затем медленно, медленно, она чувствовала, как он притягивал её к себе до тех пор, пока его руки не обвились вокруг неё, обнимая её полностью. Этот серебряный шнур больше нельзя было игнорировать.

Глава 16 (Перевод: Просто Renna)

Кэсси должна была оттолкнуть его, должна была бежать от него. Но вместо этого она со вздохом уткнулась в его плечо, в уютный тонкий ирландский свитер. Она чувствовала, как его тепло окружает её, поддерживает её, защищает её. Он так хорошо пах — осенней листвой, горящим деревом и океанским бризом. Её сердце громко стучало.

Тогда-то Кэсси и поняла, что такое запретная любовь. Это так — ты жаждешь этого, и чувствуешь себя так хорошо, но знаешь, что это неправильно.

Она почувствовала, как Адам мягко отстранился. Посмотрела на него и поняла, что он столь же переполнен чувствами, как и она.

— Мы не можем, — тихо сказал он. — Мы не можем....

Глядя на него и видя только его глаза, того же цвета, как океан той ночью, когда тот нашептывал ей утонуть, губы Кэсси сложились в беззвучное «нет».

И тогда он поцеловал её.

И в то же мгновение все сомнения исчезли. Её накрыло солёной волной чувств. Это было, как оказаться захлестнутой приливной волной, быть затянутой под воду, дрожащей и жаждущей остановиться, но не способной. Она умирала, но умирала так сладко.

Она дрожала. В её теле словно не осталось костей. Если бы он не держал её, она бы упала. Ни один парень никогда раньше не заставлял её чувствовать себя так. В диком и неудержимом шоке, она могла только сдаться. Отдаться полностью.

Каждое следующее ощущение было еще слаще предыдущего. Она была почти бесчувственной от переполнившего ее наслаждения, и ей больше не хотелось сопротивляться. Несмотря на всю дикость этого, она не боялась. Потому что верила ему. Он вводил её, растерянную, с широко раскрытыми глазами, в мир, о существовании которого она и не подозревала.

А он всё целовал и целовал её — они оба были поражены безумием этого. Она знала, что её щеки и шея покраснелись, чувствовала их жар.

Она не знала, сколько они простояли так, сомкнув объятия, которые могли бы растопить камни вокруг них. Она осознала только то, что чуть позже, все еще не отпуская ее, он подвел ее к гранитному валуну и усадил на него. Ее дыхание замедлилось, и она снова припала головой к его плечу. И обрела покой. Неконтролируемая страсть уступила место теплоту и мягкому спокойствию. Она чувствовала себя защищенной, она нашла своё место в мире. И это было так просто и так прекрасно.

— Кэсси, — сказал он.

Она никогда прежде не слышала, чтобы его голос звучал так; и этот звук растворился в её сердце, проходя через всё её тело от ступней до кончиков пальцев. Она уже никогда, никогда не станет такой, как прежде.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она закрыла глаза, не говоря ни слова. Чувствовала, как его губы коснулись её волос.

Серебряная связь окутала их сияющим коконом, подобным спокойной, залитой лунным светом воде вокруг них. Дикость ушла. Теперь всё было так тихо. Так мирно.

Кэсси могла бы оставаться здесь вечно.

«Моя судьба», — подумала она.

Она наконец-то нашла её. Каждое мгновение её жизни подводило её ближе и ближе к этому. Почему же она боялась, почему пыталась избежать её? В ней не было ничего, кроме наслаждения. Ей никогда больше не придется бояться.

И тогда она вспомнила ужас, охвативший её во сне.

«Боже, что мы наделали», — подумала она.

Она отпрянула так резко, ему пришлось ловить её, чтобы она не упала навзничь.

— О Боже, — сказала она, чувствуя, как ужас вытесняет все остальное. — Боже, Адам, как мы могли? — прошептала она.

Мгновение его глаза оставались расфокусированными, открытыми, будто не видящими, словно он не понимал, зачем она разорвала их блаженный транс. Но потом она увидела, как к нему приходит осознание, и не прикрытая боль появилась в его глазах. Все еще в его объятиях, все еще глядя на него, Кэсси начала плакать. Как они могли позволить этому произойти? Как она могла так поступить с Дианой? Дианой, которая спасла ее, сделала своей подругой, доверяла ей. Дианой, которую она любила. Адам принадлежал Диане. Кэсси знала об этом так же четко, как и о своих чувствах. Адам боготворил Диану, восхищался ей и любил той же чистой, сильной и неразрушимой любовью, которой Диана любила его.

Но Кэсси знала, что Адам любит и её. Как же можно любить двоих? Как можно одновременно влюбиться в двоих? Но это не возможно было отрицать. Нельзя было закрывать глаза на химию между ней и Адамом, на узы, связывающие их друг с другом. Несомненно, можно любить двух разных людей одновременно.

И Диана была первой.

— Ты все еще любишь её, — прошептала Кэсси.

Ей нужно было подтверждение. Боль начала нарастать внутри нее. Он закрыл глаза.

— Да. Боже, Кэсси, мне так жаль...

— Не надо, все хорошо, — сказала она.

Теперь она узнавала эту боль — боль потери, пустоты; и она нарастала.

— Потому что я тоже люблю ее. И не хочу причинять ей боль. Никогда не хотела. Вот почему я скрывала свои чувства от тебя, понимаешь?

— Это моя вина, — сказал он, и она различила нотки самобичевания в его голосе. — Я должен был раньше понять. Должен был понять, что я чувствую и справиться с этим. Но вместо этого я впутал тебя в то, чего ты так хотела избежать.

— Ты не впутывал меня, — мягко и честно произнесла Кэсси. Ее голос был тихим и

ровным; все снова было простым и ясным, и она знала, что должна делать. — Мы оба виноваты. Но не это важно, важно то, что это никогда не должно повториться. Мы должны как-нибудь удостовериться в этом.

— Но как? — бесцветно произнес он. — Мы можем сколько угодно сожалеть о содеянном, и я ненавижу себя сколько угодно, но если мы еще раз окажемся наедине... Я не знаю, что может произойти.

— Тогда мы не можем оставаться вдвоем. Никогда. И мы не можем сидеть рядом или касаться друг друга или хотя бы думать об этом, — она указывала ему, что им не надо делать, но ей не было страшно. Она была уверена в своих словах.

Его глаза были темны.

— Я восхищаюсь твоим самоконтролем, — еще бесцветнее произнес он.

— Адам, — сказала она, и почувствовала, что тает от одного только звука его имени. — Мы должны. Когда во вторник после моего посвящения ты вернулся, когда я поняла, что ты и Диана... вот, той ночью я поняла, что я чувствую к тебе. Поклялась никогда не предавать её. Разве ты хочешь её предать?

Повисло молчание, и она почувствовала его невольный вдох. И шестым чувством ощутила его агонию. Потом он выдохнул и снова закрыл глаза.

Когда он открыл их, она увидела его ответ еще до того, как он произнес его — почувствовала, как его руки разомкнулись, как он отодвинулся, и холодный воздух, прорвавшийся между их телами, наконец, разделил их.

— Нет, — сказал он, и его голос зазвучал с новой силой. А на его лице появилась новая решимость.

Они переглянулись — не как любовники, а как солдаты. Как братья по оружию, связанные общей целью. Они заперли свою страсть глубоко внутри — так, чтобы никто не смог ее увидеть. Это была новая близость, может даже более интимная, чем доверие между парнем и девушкой. Что бы ни случилось, чего бы это им не стоило, они никогда не предадут девушку, которую они оба любят. Глядя ей прямо в глаза, он произнес:

— Какой клятвой ты поклялась той ночью? Клятвой из чьей-нибудь Книги Теней?

— Нет, — сказала Кэсси и осеклась. — Не знаю, — поправила она. — Мне казалось, что я её выдумала, но сейчас мне уже так не кажется. Она начиналась «Ни словом, ни взглядом, ни помыслом...»

Он кивнул.

— Я читал что-то подобное. Это старое и мощное заклинание. Ты можешь призвать все четыре стихии, чтобы засвидетельствовать его, и если ты когда-либо нарушишь клятву, они смогут восстать против тебя. Хочешь еще раз поклясться сейчас? Вместе со мной?

От неожиданности его вопроса у неё перехватило дыхание. Но она безумно гордилась собой, когда, почти не задумываясь, ответила:

— Да.

— Нам нужна кровь, — он встал и вынул нож из заднего кармана.

Кэсси подумала было, что она удивлена, но потом решила, что всё же нет. Каким бы хорошим парнем ни был Адам, он привык сам о себе заботиться. Без какого бы то ни было замешательства, он надрезал свою ладонь. Кровь в серебристом свете показалась почти черной. Потом он передал нож ей. Кэсси судорожно вздохнула. Она не была такой храброй, она ненавидела боль... но она стиснула зубы и занесла нож над ладонью.

«Думай о боли, которую ты могла бы причинить Диане», — сказала она себе. И быстрым движением опустила нож. Ей было больно, но она не издала ни звука. Она посмотрела на Адама.

— Теперь повторяй за мной, — сказал он и поднял ладонь к звездному небу. — Огонь, Воздух, Земля, Вода...

— Огонь, Воздух, Земля, Вода....

— Слушайте и смотрите....

— Слушайте и смотрите...., - какими бы простыми ни были слова, Кэсси чувствовала,

что элементы действительно откликнулись на зов и слушают.

Ночь внезапно наполнилась электричеством, и звезды далеко вверху, казалось, начали сиять холоднее и ярче. Мурашки побежали по её коже. Адам перевернул руку ладонью вниз, так чтобы темные капли крови падали на траву и песчаную землю. Кэсси следила, завороченная.

— Я, Адам, клянусь не предавать свою веру — не предавать Диану, — произнес он.

— Я, Кэсси, клянусь не предавать свою веру..., - прошептала она, глядя, как её собственная кровь стекает по руке.

— Ни словом, ни взглядом, ни помыслом, во сне или наяву, вслух или про себя...

Она повторила все шепотом.

— ... в этой стране или в любой другой. И если я вдруг нарушу клятву, пусть огонь сожжет меня, воздух удушит меня, земля поглотит меня и вода скроет мою могилу.

Она повторила.

Когда она произнесла последние слова «и вода скроет мою могилу» она почувствовала колыхание, будто бы что-то пришло в движение. Будто бы ткань пространства и времени покачнулась и потом вернулась на место. Задержав дыхание, она прислушалась. Потом взглянула на Адама.

— Вот и всё, — прошептала она, и имела в виду не только клятву.

Его глаза были подобны окаймленной серебром черноте.

— Вот и всё, — сказал он и протянул ей свою запятнанную кровью руку.

Она замялась, но потом взяла его ладонь в свою. Она ощутила, или вообразила, что ощутила, как их кровь смешивается, вместе стекает на землю. Словно символ того, чего никогда не будет. Потом, медленно, он отпустил её.

— Ты вернешь камень Диане? — спокойно спросила она.

Он вынул кусок халцедона из кармана и сжал в ещё мокрой ладони.

— Я передам его ей.

Кэсси кивнула. Она не могла произнести то, что имела в виду — кому принадлежит камень, тому принадлежит и Адам.

— Спокойной ночи, Адам, — мягко сказала она вместо этого, глядя на него, стоящего на утесе, на фоне ночного неба. Потом она повернулась и зашагала к освещенным окнам бабушкиного дома. И в этот раз он не стал её окликать.

— Да, кстати, — сказала бабушка Кэсси. — это лежало в прихожей утром. Кто-то, должно быть, засунул его в щель для писем, — Она вручила Кэсси конверт.

Они завтракали за столом воскресным утром, и солнечный свет бил в окна. Кэсси удивлялась, каким же нормальным казалось всё вокруг.

Но один взгляд на конверт заставил её сердце биться чаще. На лицевой стороне было написано её имя размашистым небрежным почерком. Чернила были красными.

Она разорвала конверт и уставилась на записку, оставив свои хлопья размокать в тарелке.

Там было написано:

«Кэсси,

Видишь, в этот раз я подписываюсь своим именем. Приходи ко мне домой (№ 6) в любое время сегодня. Я хочу поговорить кое о чем важном. Поверь, тебе не захочется это пропустить.

Люблю и целую. Фэй.

P.S. Не говори никому из Клуба, что идешь ко мне. Поймешь, когда придешь».

Кэсси дрожала от волнения. Сначала ей захотелось позвонить Диане, но Диана всю ночь провела, очищая череп, и должно быть, была измотана. Фэй была последней, с кем ей

нужно было связываться.

«Хорошо, не стану беспокоить Диану, — мрачно подумала она. — Пойду сначала выясню, что задумала Фэй. Уверена, это как-то связано с церемонией. Или же она намеревается устроить выборы лидера».

Дом Фэй был одним из лучших на улице. Домохозяйка впустила Кэсси, и та вспомнила, как Диана упомянула, что мать Фэй мертва. На Краухэвен Роуд было очень много неполных семей.

Комната Фэй была комнатой богатой девочки. Беспроводной телефон, компьютер, телевизор и видеоманитфон, множество дисков.

Кэсси присела у окна, ожидая Фэй. На её ночном столике стояли красные незажженные свечи. Внезапно покрывало на кровати шевельнулось, и оттуда высунулась мордочка рыжего котенка. За ним, почти сразу же вылез и серый.

— Ой, миленькие, — сказала Кэсси, очарованная вопреки себе.

Она никогда не думала, что Фэй из тех девушек, которые держат котят. Она сидела совершенно неподвижно, и к её радости два крошечных создания выбрались наружу. Они вспрыгнули на сиденье и стали подбираться к ней, урча, как маленькие моторчики. Кэсси хихикнула и пискнула от восторга, когда один из них взобрался вверх по её свитеру и пристроился у неё на плече. Это были очаровательные котята — мех рыжего был мягким и пушистым, а у серого — гладким и блестящим. Их коготки иголочками впивались в неё, пока они взбирались по ней. Рыжий добрался до её волос и уткнулся ей в ухо. Кэсси снова рассмеялась. Котенок попытался пристроиться, разминая своими маленькими лапками кожу возле её шеи. Она чувствовала прикосновение его холодного маленького носа. Серый проделывал то же самое, только с другой стороны.

Ох, какие же они миленькие, маленькие...

- Ай! — выкрикнула она. — Ой, не смей! Брысь! Брысь!

Она обхватила маленькие тельца, пытаясь оторвать их от себя. Они запутались в её волосах, цепляясь когтями и зубами. Когда Кэсси, наконец, удалось отделить их, ей хотелось швырнуть их на пол.

Потом она ощупала руками шею. Пальцы оказались влажными. Она в шоке смотрела на окрасившуюся красным кожу.

Они её укусили, эти маленькие монстры! А сейчас уселись на полу, и демонстративно слизывают кровь с когтей. Волна гнева захлестнула Кэсси.

С порога фыркнула Фэй:

- Наверное, им не хватает каких-нибудь витаминов или минералов в кошачьем корме, — сказала она.

Этим утром она выглядела потрясюще. Ее спутанные иссиня-черные волосы были еще влажными и спадали ей на спину каскадом естественных завитков. Ее кожа была чистой и сияла на фоне ее халата цвета бургундского вина.

«Мне не стоило приходить», — подумала Кэсси, чувствуя прилив необоснованного страха.

Но Фэй бы не рискнула обидеть её сейчас. Диана узнает об этом, и Круг узнает. Фэй должна понять, что так просто она не отделается.

Фэй села на кровать.

- Ну и как тебе церемония прошлым вечером? — будничным тоном осведомилась она.

«Так и знала!»

- Все было хорошо, пока кое-что не пошло не так, — ответила Кэсси.

Потом она снова взглянула на Фэй.

Фэй рассмеялась своим красивым, ленивым смехом.

- Ох, Кэсси. Ты мне нравишься. Правда. Я с самого начала видела, что в тебе есть что-то особенное. Знаю, мы начали не самым лучшим образом, но сейчас, полагаю, всё переменится. Думаю, мы станем хорошими дразнящими.

Мгновение Кэсси не знала, что сказать, потом выдавила:

- Я так не думаю, Фэй.

- Зато я думаю, Кэсси. И только это имеет значение.

- Фэй..., — каким-то образом после прошлой ночи Кэсси сейчас смогла найти в себе силы сказать то, что она даже не мечтала произнести ранее. — Фэй, я не думаю, что у нас есть хоть что-то общее. И я не уверена, что хочу быть твоей подружкой.

Фэй только улыбнулась

- Какая жалость, — сказала она. — Потому что, видишь ли, я кое-что знаю, Кэсси. И мне кажется, ты бы пожелала, чтобы об этом знал только близкий друг.

Мир рушился под ногами Кэсси.

Фэй не могла говорить о... нет, она не могла говорить о том, о чем подумала Кэсси.

Кэсси уставилась на девушку, чувствуя, как что-то, похожее на кусок льда образует у неё в животе.

- Видишь ли, — продолжила Фэй, — у меня много друзей. И они рассказывают мне о разных интересных вещах, происходящих в нашем районе. И знаешь что? Вчера ночью эти друзья видели кое-что очень, очень интересное на утёсе.

Кэсси села. Перед её глазами всё расплывалось.

- Они видели двоих на утёсе возле дома Номер Двенадцать. И эти двое были... скажем, они вели себя очень по-дружески. Очень. Это была горячая сцена, как мне передали.

Кэсси попыталась заговорить, но слова не хотели срывать с языка.

- И ты не поверишь, кем эти двое были! Я бы и сама не поверила, но тут мне вспомнилось одно стихотворение, которое я где-то читала. Как же оно звучало?... «И каждой ночью грежу я о нём...»

- Фэй! — Кэсси вскочила на ноги.

Фэй улыбнулась.

- Думаю, ты поняла, о чем я. Диана ведь не читала это маленькое стихотворение, правда? Так вот, Кэсси, если ты не хочешь, чтобы она его услышала или узнала, что было вчера на утесе, я думаю, тебе пора со мной подружиться, и чем быстрее, тем лучше. Как ты на это смотришь?

- Все было не так, как ты думаешь, — сказала Кэсси. Ей было жарко от гнева, и она дрожала от страха. — Ты совершенно ничего не понимаешь...

- Конечно, я все понимаю. Адам очень привлекательный парень. И я всегда подозревала, что их «вечная верность» — это просто показное. Я не виню тебя, Кэсси. Это очень естественно...

- Это совсем не то. Между нами ничего нет.

Фэй ухмыльнулась.

- Судя по тому, что мне рассказали, между вами и правда было совсем немного... Прости. Нет, правда, я хочу тебе верить, Кэсси, но мне кажется, что Диана воспримет всё совершенно по-другому. Особенно, после того, как она узнает, как ты совершенно забыла упомянуть, что встретила её парня этим летом — когда он пробудил тебя, как я понимаю. Как там в том стихотворении?

- Нет, — прошептала Кэсси.

- А потом ты так смотрела на него, когда он появился после церемонии посвящения... что ж, Диана этого не заметила, но зато мои подозрения возросли. Ваша миленькая сцена на утесе, только свела концы с концами. Когда я расскажу Диане...

- Ты не можешь, — отчаянно воскликнула Кэсси. — Ты не можешь ей рассказывать. Пожалуйста, Фэй. Она не поймет. Все совершенно не так, как кажется, но она не поймет.

Фэй щелкнула языком.

- Но, Кэсси, Диана — моя двоюродная сестра. Моя кровная родственница. Я должна ей рассказать.

Кэсси чувствовала себя крысой, отчаянно бегущей по лабиринту в поисках выхода, которого нет. От паники кровь шумела у нее в ушах. Фэй не могла рассказать Диане. Этого

не могло случиться. От одной только мысли о том, как Диана посмотрит на Кэсси....

И на Адама. Это еще хуже. Она решит, что они предали её, что Кэсси и Адам действительно предали её. И как она будет выглядеть после этого.... как будет Адам выглядеть после этого....

Кэсси могла вынести всё, что угодно, но только не это.

- Ты не можешь, — шептала она. — Ты не можешь.

- Ну, Кэсси, я тебе уже говорила. Если бы мы были друзьями, действительно близкими друзьями, я могла бы сохранить твой секрет. Хоть Диана и моя кузина, конечно, но для друзей я готова на всё. И, — с нажимом произнесла Фэй, не сводя взгляда своих медовых глаз с лица Кэсси, — я рассчитываю, что они в свою очередь, пойдут на всё ради меня.

Вот тогда-то, наконец, Кэсси поняла, зачем всё это было. Всё вокруг неё вдруг затихло. Сердце отсчитало последний удар и куда-то провалилось. Все ниже, ниже и ниже.

Откуда-то с самого дна пропасти, она безразлично спросила у Фэй:

- Что, например?

Фэй улыбнулась. Она откинулась назад на постели, расслабившись, и полы халата разошлись, обнажив одну стройную голую ногу.

- Дай-ка подумать, — медленно произнесла она, наслаждаясь моментом. — Я же знаю, есть кое-что... о, да! Мне на самом деле очень хотелось бы заполучить тот хрустальный череп, который нашел Адам. Я уверена, ты знаешь, где Диана его прячет. А если нет, то я верю, что ты это выяснишь.

- Нет, — в ужасе произнесла Кэсси.

- Да, — сказала Фэй и снова улыбнулась. — Это то, чего я хочу, Кэсси. Чтобы ты показала, каким хорошим другом ты можешь быть. Ничто иное меня не устраивает.

- Фэй, ты же видела, что случилось прошлым вечером. Череп — это зло. Мы уже выпустили что-то ужасное, и если мы снова им воспользуемся, кто знает, что может случиться?

«И, — тут же предположило оцепеневшее сознание Кэсси, — кто знает, для чего Фэй собирается его использовать?»

- Зачем он тебе? — выдохнула она.

Фэй терпеливо покачала головой.

- Это мой маленький секрет. Может, если мы станем достаточно близкими подругами, я тебе покажу потом...

- Я не сделаю это, я не могу. Я не могу, Фэй.

- Что ж, очень жаль, — брови Фэй взметнулись вверх, и она сжала свои полные губы. — Потому что это значит, что мне придется позвонить Диане. Думаю, моя кузина имеет право знать, что творит её бой-френд.

Она потянулась к телефону и нажала несколько кнопок изящным пальчиком, с накрашенным красным лаком ногтем.

- Алло, Диана? Это ты?

- Нет! — крикнула Кэсси и схватила Фэй за руку.

Фэй нажала на кнопку «mute».

- Значит ли это, — спросила она Кэсси, — что мы договорились?

Кэсси не смогла выдавить ни да, ни нет.

Фэй вытянула руку и взяла Кэсси за подбородок так же, как она сделала в первый день, на ступеньках школы. Кэсси ощутила твердость длинных ногтей, холод и силу пальцев Фэй. Фэй разглядывала ее своими странными, медового цвета, глазами.

«У соколов желтые глаза», — вдруг подумала Кэсси.

И ногти Фэй впивались ей в кожу, словно когти.

Выхода не было. Она загнана.... поймана... как белая мышка, ставшая добычей хищной птицы. Золотые глаза всё ещё смотрели на неё... в неё. В её голове не осталось мыслей, только страх. И в этот раз под её ногами не было камня, чтобы придать ей сил. Она была в спальне Фэй на втором этаже, отгороженная от любой помощи.

- Ну, так мы договорились? — Снова спросила Фэй.

Выхода нет. Надежды нет. Всё перед глазами Кэсси расплывалось, и она едва-едва слышала Фэй на фоне шумевшей в ушах крови.

Она ощутила, как последние капли воли к сопротивлению покидают ее.

- Ну, как? — спросила Фэй своим насмешливым, хриплым голосом.

Слепо, едва понимая, что она делает, Кэсси кивнула.

Фэй отпустила её. Потом снова нажала кнопку «mute».

- Прости, Диана, я набрала не тот номер. Я собиралась позвонить в мастерскую Мэйтаг. Пока-пока! — и затем она отключилась. Потянулась, как большая кошка, поставила телефон на прикроватный столик, и откинулась назад.

Потом она закинула руки за голову и с улыбкой взглянула на Кэсси.

- Прекрасно, — сказала она. — Для начала, ты добудешь мне череп. А потом... ну, потом я еще что-нибудь придумаю. Знай, что отныне ты принадлежишь мне, Кэсси.

- Я думала, — прошептала Кэсси, всё ещё ничего не видя сквозь серую дымку, — что мы друзья.

- Это был эвфемизм. На самом деле, ты моя пленница. Ты принадлежишь мне, Кэсси Блейк, душой и телом.